

Аз

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ГЮСТАВ
ЭМАР

Короли океана

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Густав Эмар
Короли океана

«Азбука-Аттикус»

1877

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Эмар Г.

Короли океана / Г. Эмар — «Азбука-Аттикус», 1877 — (Мир приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-14492-7

С дальними странами, морской стихией, индейцами, золотыми приисками и прочими атрибутами приключенческой литературы французский писатель Гюстав Эмар (1818–1883) познакомился вовсе не в библиотеке. Еще мальчишкой он сбежал из дому и устроился юнгой на корабль, стремясь во что бы то ни стало добраться до «страны чудес» – Америки. Двадцать лет странствий позволили будущему писателю впрок запастись захватывающими сюжетами. В романе «Короли океана», завершающем одноименный цикл, с удивительной яркостью воплотился сам дух приключений: атмосфера свободы, битвы на земле и на море, захватывающие любовные истории, гордые и благородные герои – пираты, авантюристы, безжалостные к врагам, но честные и справедливые. В книге воспроизводятся иллюстрации, сделанные французскими художниками к первым изданиям романов Эмара.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-14492-7

© Эмар Г., 1877
© Азбука-Аттикус, 1877

Содержание

Пролог	6
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	21
Глава IV	32
Книга первая	44
Глава I	44
Глава II	56
Глава III	67
Глава IV	81
Глава V	91
Глава VI	102
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Густав Эмар

Короли океана

Иллюстрации Е. Гийо, Д. Вьержа и других французских художников

© И.Н. Алчеев, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Господину Виктору Азаму¹
Любезный друг, посвящаю тебе это произведение в память о нашей
старой и неизменной дружбе,
Гюстав Эмар*

¹ Виктор Азам – главный редактор иллюстрированного литературно сатирического журнала «Аннетон» («Майский жук»), издававшегося во Франции во второй половине XIX в. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Пролог

Темная история

Глава I

Черные маски

24 марта года 1648-го от Рождества Христова ночной сторож, предварительно отмахав трещоткой, уже заканчивал вещать своим осипшим и дребезжащим голосом, уведомляя добрых жителей городка Ле-Сабль-д'Олон о том, что пробило десять часов вечера, дует порывистый ветер, на море большое волнение, а на дворе лютая стужа, но при том, однако ж, все спокойно и, стало быть, горожане могут мирно почивать до самого утра под боком у своих женушек, как вдруг со стороны Тальмонских ворот послышался громкий стук копыт – в город стремительно ворвалась целая кавалькада и понеслась напрямик к отлогому берегу.

Всадники, числом с полдюжины, восседавшие на породистых скакунах, похоже, одолели неблизкий путь. Вооруженные до зубов, они были облачены в богатое, изысканное господское платье; казалось, они нисколько не тревожились, что их могут признать, потому как, хоть широкие поля шляп у них и были предусмотрительно опущены на глаза да к тому же стояла непроглядная темень, они, все как один, для вящей предосторожности были еще и в черных бархатных масках во все лицо.

Заприметив шестерых странного вида всадников, и впрямь походивших на зловещих призраков, сторож не на шутку перепугался – выронил фонарь, который, к счастью, не разбился, и затрясся всем телом; он в страхе озирался, словно ища спасения, на которое между тем ему вряд ли приходилось рассчитывать: ведь в столь поздний час горожане мирно почивали. Бедолага и пикнуть не успел, как неизвестные разом накиннулись на него, набросили сверху плащ, накрепко связали и без лишних церемоний бросили на подъездную дорожку одного из домов, где калитка по случаю оказалась незапертой; засим, подобрав фонарь, они двинулись дальше к берегу.

В тот же самый час, почти в ту же самую минуту, когда при въезде в город разворачивалась описанная выше сцена, двадцати пяти – тридцатитонное беспалубное суденышко с люгерным вооружением, невзирая на волнение на море, беспросветный мрак и сильный ветер, кидавший его, точно перышко, с одного гребня громадной волны на другой, решительно оглобало окончность бухты, в глубине которой приютился город; судно держало курс на берег, рискуя разбиться о прибрежные скалы, которые море терзало с неистовой яростью.

Люгер нес на носу огонь – красной звездочкой он попеременно то вздымался, то опускался, будто в ответ на таинственные сигналы из стоявшего на отшибе дома, за окнами которого поочередно то вспыхивали, то затухали разноцветные огни.

Невзирая на почти что непреодолимые трудности при подходе к берегу в крошечной ночи и в не самых благоприятных условиях, люгеру, ведомому, безусловно, рукою отваж-

ного и, главное, бывалого кормчего, удалось приблизиться к некоему подобию пирса длиной несколько туазов², сложенного из хрупкого камня и скальных обломков и служившего причалом. Осторожно заведя швартовы, корабль подтянулся к причалу и наконец замер в этом прибрежье, где ему уже ничто не угрожало.

Людей в экипаже люгера, похоже, было предостаточно. Моряки уже заканчивали швартоваться, когда на берег въехала упомянутая выше кавалькада.

Всадники остановились на расстоянии пистолетного выстрела от причала. Тот из них, что подобрал фонарь, вскинул его раза два над головой. На люгере тотчас дважды подняли палубный фонарь; точно таким же сигналом ответили и из окон дома на отшибе.

Вслед за тем по безмолвному жесту одного из всадников, по-видимому главаря, четверо из них повернули обратно и с пистолетами в руках стали в конце двух улочек, спускавшихся прямым к берегу. Двое других спешили, привязали лошадей к ставням близстоящего дома и быстрым шагом направились к таинственному кораблю.

Люди из экипажа люгера тоже были в масках и с оружием на поясах.

С корабля сошли двое – они шагнули навстречу всадникам и молча приветствовали их.

– С вами есть женщина? – вполголоса осведомился один из всадников.

– А с вами есть врач? – в свою очередь так же негромко спросил один из моряков.

– Он перед вами. – Всадник кивнул на своего спутника.

– Прекрасно! Стало быть, дело в шляпе?

– Точно. Он согласен на наши условия.

– Правда, сударь?

– Правда, – с поклоном отвечал врач.

– Учтите, мы здесь не в бирюльки играем, отныне вы один из нас.

– Учту.

– И вы готовы хранить тайну, которую вам отчасти предстоит узнать?

– Готов.

– Вы трезво оценили последствия, случись вам стать изменником?

– Я все оценил, сударь.

– И по-прежнему желаете служить нам?

– Желаю.

– Ладно, доктор, не стану больше докучать расспросами, верю в вашу преданность. Служите нам верой и правдой, и вам воздастся.

Врач молча поклонился.

– Ступайте в дом да поглядите, все ли там приготовлено, как должно, – продолжал моряк. – Я скоро вас догоню. Идите же, господа!

Двое всадников откланялись и, не сказав друг другу ни слова, направились к дому на отшибе, где перед ними тут же отворилась дверь, как будто их уже ждали. Они вошли, и дверь тотчас закрылась.

Снаружи этот дом ничем не отличался от соседних и выглядел довольно убого. Внутри же все было наоборот, к тому же комнаты располагались так, что, если в доме шумели, снаружи не было слышно ни звука. Что же до мебелировки, смотрелась она поистине роскошно.

Дом, одиноко стоявший на берегу моря, почти всегда был заперт. Обитателей его никто не знал, и на соседей он навевал невольный ужас. Не в силах выразить определенно свои страхи, люди шепотом пересказывали друг другу мрачные истории об этом жилище, где ночами окна порой зловеще мерцали, точно маячные огни, предупреждавшие об опасности. С заходом солнца запоздалые путники с опаской шарахались от дома прочь. И даже днем те, кто был вынужден проходить мимо, всякий раз ускоряли шаг, приближаясь к его жутковатым стенам.

² Туаз – старинная французская мера длины, равная примерно 2 метрам.

Дверь, приводившаяся в движение, как видно, с помощью потайной пружины, отворялась перед гостями дома и затворялась за ними следом так, что хозяев было не разглядеть.

Наши двое новоприбывших, похоже, были к тому готовы, потому как не выказали ни малейшего удивления; пройдя по длинному, ярко освещенному коридору, устланному мягким ковром, совершенно заглушавшим шум шагов, они оказались перед каменной лестницей с перилами из кованого железа, по ступеням которой стелился тот же ковер, что покрывал и пол в коридоре. Лестницу вполне сносно, хоть и тускло, подсвечивала лампа под матовым шаровым колпаком, помещавшаяся в нише. Двое гостей поднялись по лестнице на второй этаж, и один из них – всадник, – приоткрыв дверь, отодвинул тяжелую, расшитую узорами портьеру и пропустил своего спутника в некое подобие прихожей, всю обстановку которой составляли дубовые скамьи без спинок.

Нигде не задерживаясь, они миновали несколько комнат, обставленных с самой изысканной роскошью и утонченным вкусом, и наконец прошли в опочивальню, по правую и левую руку от которой размещались туалетные комнаты.

В камине полыхал огонь – он согревал приятным теплом всю комнату, освещенную приглушенным светом, не резавшим глаза. На столе теснились бутылки причудливых форм, а рядом были разложены хирургические инструменты, прикрытые салфеткой, – все свидетельствовало о живейшем участии или предусмотрительности и было приготовлено с поспешностью, необходимой при серьезных случаях.

– Взгляните, доктор! – коротко бросил сопровождавший, показывая рукой на стол.

Врач с важным видом осмотрел склянки и хирургические инструменты, потом повернулся к спутнику, не сводившему с него глаз.

– Вот и замечательно, все на месте, – сказал врач довольным тоном, не выражавшим никаких сомнений. – Дело осталось за малым – произвести осмотр!

– Какой еще осмотр?

– Возможно, мне понадобится помощь.

– Все предусмотрено, доктор. В случае надобности по первому же вашему слову или знаку помощь явится без промедления. Будут у вас еще просьбы?

– Нет, сударь, никаких.

– Тогда я вас оставляю. Помните, что вам было сказано, доктор, и не вешайте нос, а пациент вот-вот явится. Главное – отсюда ни ногой.

– Даю слово, сударь.

Спутник доктора, наскоро попрощавшись, ретировался.

Оставшись один, врач какое-то время стоял неподвижно, чуть подавшись вперед и неотрывно глядя на дверь, – вид у него был весьма озабоченный. Но по прошествии некоторого времени, не услышав никакого шума, он выпрямился и настороженно осмотрелся вокруг, дабы лишний раз удостовериться, что за ним никто не следит.

– Так надо! – молвил он. – Времени на раздумья нет!

С этими словами он направился прямо к столу, заставленному склянками со всякого рода разноцветными снадобьями. Тщательно осмотрев наклейки на склянках, он еще раз напоследок огляделся вокруг и, осторожно достав из бокового кармана хрустальный флакон, втиснул его между остальными.

В это время снаружи послышался едва уловимый шорох.

– Пора! – сказал себе доктор.

Не выразив ни малейшего удивления и даже не повернув головы на шум, что выдавало бы его тревогу, врач взял плошку и принялся приготавливать микстуру со всем тщанием и внимательностью, какие лекари той поры, впрочем очень похожей на наше время, вкладывали в свое священнодействие, дабы точно отмерить снадобья и вещества для смешивания.

В этот миг портьера приоткрылась и на пороге объявился моряк, тот, что расспрашивал доктора во время их встречи на пристани. Вошедший обвел взглядом комнату, махнул рукой и пропустил вперед четверых матросов с носилками, на которых лежала женщина, закутанная в длинную накидку и одеяло, оберегавшие ее от стужи: ибо она была в одной лишь ночной сорочке.

Насколько можно было судить по молочно-белой, удивительно нежной и гладкой коже ее лица, наполовину сокрытого черной бархатной полумаской, то была совсем еще юная девица; густые пряди светлых шелковистых волос благоуханными волнами ниспадали ей на плечи и грудь, прикрывая их полностью. Ее тонкие, безупречно правильной формы руки ослепительной белизны с голубоватыми прожилками вен свободно покоились по бокам носилок. Девушка как будто пребывала в забытии – ни единого уловимого выдоха не вырывалось из ее милого рта, обрамленного бледными, чуть приоткрытыми губами, обнажавшими двойной ряд белоснежных, с перламутровым отливом зубов.

Моряк махнул рукой, и носильщики остановились возле камина, осторожно положили носилки на ковер и, не проронив ни слова, вышли из комнаты – дверь за ними снова затворилась.

Вслед за тем моряк обхватил девушку, точно ребенка, своими сильными руками и очень бережно переложил на постель. Покончив с этим, он поднял носилки, отворил дверь, передал их кому-то из своих, ожидавшему снаружи, и вернулся к доктору.

Тот как раз осматривал больную.

– Ну что? – через мгновение осведомился моряк, тшась скрыть тревогу.

– Что ж, она спит, – отвечал врач, глядя ему прямо в лицо.

– Спит?.. Значит, она в сознании?

– Самым натуральным образом, и кому, как не вам, полагаю, об этом знать лучше?

– К чему вы клоните?

– К тому, что, сдастся мне, вы-то и опоили ее сонным зельем.

Моряк отрицательно мотнул головой.

– Нет, не я, – сказал он. – Все случилось без моего ведома. Если б я знал, так бы не переживал. Она в опасности?

– Ничуть, хотя доза, чего там скрывать, была сильна – ретивые у вас, однако, друзья-приятели, знают, как вам угодить.

– Не понимаю вас, доктор, сообразовалите-ка объяснить, прошу покорно! Я не привык разгадывать загадки, – отвечал моряк с ноткой высокомерия в голосе, никак не вязавшегося с его нарядом.

– Да нет в моих словах никакой загадки, – впрочем, буду краток, – холодно проговорил врач. – По некоторым причинам вы, верно, заинтересованы, чтобы эта девушка произвела на свет младенца, сама того не ведая. Так вот, радуйтесь, сударь, она родит во сне. И с этой стороны, по крайней мере, – прибавил он с легкой усмешкой, – ваша тайна останется под крепким замком.

Моряк, или претендовавший на звание такового, пребывал во власти живейших душевных переживаний – и не обратил внимания на тон, каким врач произнес последние слова.

– Выходит, доктор, вы считаете?.. – промолвил он, не отдавая отчета тому, что говорит.

– Не считаю, сударь, а говорю с полной уверенностью, – строго отвечал врач. – А случилось, кстати сказать, вот что: у девушки наступил последний срок беременности; нынче вечером, часов около семи, у нее начались схватки. Бортовая и килевая качка легкой посудины, на борту которой она находилась, порядком утомила ее и ускорила роды. Схватки сопровождались нестерпимой болью и жуткими приступами, и тогда кто-то из ваших дружков-приятелей, вероятно сведущий в медицине, объявил, что роженица не переживет мук, если ей не дать хоть немного отдыха. И тогда ваш приятель решил опоить ее каким-то зельем, которым, конечно

же, запасся заблаговременно, и влил его ложками ей в рот. Несчастливая и впрямь успокоилась, потому как тотчас впала в сон, а вернее, в оцепенение, настолько глубокое, что любой другой, кроме опытного врача, по ошибке счел бы ее мертвой.

– Все так! – сокрушенно признался моряк. – Истинно так, и я напрасно старался скрыть такое дело. Дивлюсь вашей учености... Так что же будет с бедняжкой?

– Родит во сне.

– Прямо этой ночью?

– Не пройдет и часа.

– И ей уже ничто не угрожает?

– Ничто, уверяю вас. Только прошу, изымите зелье у своих дружков и впредь не пытайтесь повторить ничего подобного – добром это не кончится.

– Значит, вы думаете?..

– Да ничего я не думаю, боже сохрани! Лично я не знаком с вашими друзьями! Только вам знать, может, среди них и есть кто-то, кому выгодно одним махом свести счеты с матерью и младенцем. Еще лишних две-три капли этого зелья – и с ними обоими было бы покончено уже сегодня. Я вас предупредил, и вам решать, как поостеречься, ежели хотите избежать беды.

– Какой ужас! – вскричал моряк, закрывая лицо руками.

Повисла долгая тишина.

Врач повернулся к изголовью многострадальной роженицы и озабоченно проверил ее пульс.

Моряк в сильном возбуждении мерил комнату шагами.

– Доктор, – наконец сказал он, подойдя к врачу, – соблаговолите уделить мне несколько минут!

– Я к вашим услугам, сударь; роды раньше полуночи все равно не начнутся, а сейчас еще нет и одиннадцати.

Они уселись в кресла – врач разместился так, чтобы можно было неотрывно наблюдать за роженицей.

– Говорите, я весь внимание, сударь, – промолвил он, наклонясь к собеседнику.

– Сударь, – начал тот с оттенком сомнения в голосе, – вы, верно, знаете – врачи все равно что исповедники?

– Да, знаю, сударь. Мы, как и они, совершаем священнодействие – лечим раны как душевные, так и телесные, а посему нам можно верить все.

– Ну что ж, доктор, раз уж у нас в запасе, как вы говорите, еще целый час...

– И говорю еще раз, сударь.

– Ладно, я воспользуюсь данной мне отсрочкой и, с вашего позволения, выложу все начистоту.

– Как вам будет угодно, сударь. Замечу, однако, что я ничего от вас не требую и никоим образом не призываю поверять мне свои тайны.

– Понимаю и благодарю вас, сударь, но у меня разрывается сердце, и душу терзают угрызения совести. Я расскажу все, как на духу. Совесть не дает мне покоя не только за прошлые ошибки, но и, признаться, за злодеяния, которые я еще только думаю совершить!

– Берегитесь, сударь, последние ваши слова слишком серьезны. И я, право, не знаю, стоит ли мне выслушивать вас дальше.

– О чем это вы?

– Тайны, которые вы собираетесь мне поведать, в некотором роде обратят меня в вашего пособника.

– А разве вы уже не стали им?

– Ничуть.

– Как это – ничуть? Не вы ли приняли все наши условия?

– Конечно, сударь, но позвольте, эти условия и правда весьма почетны для меня, и, ежели вы их забыли, я вам напомним в двух словах: какой-то человек в маске явился ко мне в Тальмон среди ночи и предложил осмотреть девушку на сносках, предупредив, что по причинам, затрагивающим честь двух семейств, о предстоящих родах не должна знать ни одна живая душа. Он обещал, что, если я соглашусь поехать с ним и сохранить все в тайне, мне будет выплачено солидное вознаграждение.

– И вы согласились и поехали.

– Да, согласился и поехал, сударь, потому что мы, врачи, должны проявлять человечность и наше ремесло сродни долгу. К нам часто вызывают о помощи в случаях, подобных этому, и мы не колеблясь откликаемся на зов, поскольку наше присутствие – залог не только благополучия, но и утешения для несчастной женщины, которую мы окружаем своими заботами. Она знает – мы сбережем младенца, которого она произведет на свет. И потому повторяю: будет ли нам награда или нет, мы неколебимо жертвуем собой.

– Так к чему вы, в конце концов, клоните? – с нетерпением спросил моряк.

– А клоню я, сударь, вот к чему, и тут все ясно и понятно: ни одна женщина, вверенная моему попечению в подобных обстоятельствах, не может пасть жертвой злодеяния, а ее младенец, коли отец отречется от него, будет принят мною на воспитание и помещен в надежное место. Вот, сударь, что я имел и, главное, хотел вам сказать, дабы вы уяснили себе – я не был и никогда не буду вашим приспешником.

Моряк вскочил и в сильном волнении два-три раза обошел комнату.

– Да кто же вам сказал, доктор, – молвил он, снова усаживаясь в кресло, – что вас соби-
раются принудить к злодеянию?

– Никто, просто я четко оговариваю мое отношение к вам, дабы потом между нами не было никаких недомолвок, только и всего. Ну а теперь я готов выслушать ваши признания.

– Я ни в чем не собираюсь вам признаваться! – гневно вскричал моряк.

– Как вам будет угодно, сударь, мне без разницы. Но, поскольку нам остается еще около получаса, я, с вашего позволения, расскажу вам одну историю в подтверждение моих слов. История короткая, к тому же, убежден, она вас заинтересует.

– Почему же эта ваша история, или что там у вас на уме, должна меня заинтересовать, сударь?

– Просто потому, что она имеет прямое отношение к тому, что сейчас здесь происходит.

– О! – воскликнул моряк, сверкнув глазами сквозь прорези маски. – Надеюсь, она нескучная, ваша история?

– Вовсе нет, сударь, зато она самая что ни на есть правдивая – от первой буквы до последней. Да вы и сами увидите, если позволите мне ее рассказать, благо у нее есть большое преимущество: она короткая.

– Так рассказывайте, прошу вас, не стану вам мешать, раз уж нам больше нечем скоротать время.

– Я воспользуюсь вашим милостивым дозволением, сударь, и начну.

– Как угодно, – бросил моряк, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза.

– Ладно! – с легкой усмешкой продолжал врач. – Не пройдет и пяти минут, как вы будете настолько заинтригованы, что невольно откроете глаза.

– Вот еще!

– Уверен. Итак, начнем...

Моряк слегка пожал плечами, но глаза так и не открыл.

Глава II

В которой рассказ доктора внезапно прерывается

В положении, в котором оказались двое наших собеседников, возможно не знавших друг друга, скрывавших свои лица под масками у изголовья роженицы, погруженной в глубокий сон, больше похожий на смерть, было что-то странное и зловещее.

Каждый видел в другом не просто противника, но и врага. Они оба, конечно, были исполнены решимости и, вероятно, заблаговременно приняли меры предосторожности; в глубине души каждый рассчитывал одержать верх над противником в столь необычном поединке.

Но эта борьба не могла тянуться слишком долго: близился час, когда врачу пришлось бы уделить все внимание пациентке; моряк же, со своей стороны, прятал под личиной безразличия неподдельный страх. Как избавиться от неудобного свидетеля, который того и гляди выведет его на чистую воду и узнает его тайну? Резко прервать разговор? И перейти от слов к делу? Силой заполучить то, что противник не пожелал дать с миром, отвергнув великолепные предложения, которые были ему сделаны? Моряк перебирал в голове все эти мысли с лихорадочным пылом, ожидая удобного случая, чтобы принять решение, когда противник наконец раскроет ему эту непостижимую тайну и выдаст свои помыслы. И тогда-то, оценив степень опасности, он сумеет принять действенные меры и даже, если понадобится, прибегнуть к крайним средствам.

Достигнув определенного предела, человек ни перед чем не останавливается – каковы бы ни были уготовленные ему препятствия, он сокрушает их либо погибает. Таково было сейчас умонастроение моряка, хотя невероятным усилием воли он скрывает свои чувства: первым делом он хотел знать все – и этой причины было довольно, чтобы сдерживать свой гнев, не давая ему вырваться наружу.

А врача, казалось, вполне серьезно заботило, как бы еще пуще распалить воображение собеседника. Добившись наконец, к своему удовлетворению, задуманного, он выпрямился, взглянул на роженицу, повернулся к моряку, который сидел все так же, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, два-три раза откашлялся и, покончив с церемониями, повел свой рассказ:

– Сударь, – сказал он елеинным голосом, в котором, однако, сквозила колкая ирония, – я не стану долго злоупотреблять вашим терпением. Для вящей занимательности история должна быть прежде всего короткой. Та же, которую вам предстоит услышать, удовлетворяет этому условию вполне. На первый взгляд это самая обыкновенная история о девушке, обольщенной и, хуже того, обманутой человеком, которому она отдала свое сердце. История и впрямь самая что ни на есть обычная, даже банальная, ведь такое в наши дни случается сплошь и рядом. И я не стал бы вам докучать ею, если б она не выходила за рамки заурядных салонных интрижек, и все благодаря мудрости и верности бедной девушки, с одной стороны, и коварству ее гнусного обольстителя – с другой.

– А? Что вы сказали? – вдруг, приподнимаясь, зло воскликнул моряк.

– Я сказал – коварству ее гнусного обольстителя, – приторно-сладким тоном продолжал врач.

– Валяйте дальше!

– Вам уже интересно?

– Может, и так. Вы же неспроста взялись рассказывать мне свою историю, высосанную из пальца...

– Простите, сударь, моя история, если угодно, правдивая.

– Пусть так! Но, повторяю, неспроста же?

– Да, сударь.

– Что же у вас за цель?

– Предоставляю вам, сударь, догадаться самому. Впрочем, если в двух словах, вы вольны остановить меня, как только все поймете.

– С чего вы взяли, что я стану вас прерывать?

– Как знать! Быть может, мой рассказ придется вам не по душе. К тому же прикусить язык для меня проще простого.

– Простите, сударь, но вы хотели говорить, вопреки моему желанию вас слушать. Вы начали, так надобно закончить. Теперь уже я настаиваю, чтобы вы досказали свою историю. Вы произнесли два слова, и мне угодно, чтобы вы объяснились.

– Охотно, сударь, тем паче что те два слова, показавшиеся вам крепкими, лично мне представляются чересчур мягкими применительно к злодеянию, в котором повинен герой моей печальной истории. Итак, одного молодого человека, неотступно преследуемого конной стражей (он был ранен двумя выстрелами; с одним обломком шпаги в руке, он чувствовал, что силы оставляют его вместе с кровью, хлещущей из ран, и готов сдаться с одной лишь надеждой на гибель, окажись он в руках тех, кто гонится за ним по пятам и от кого ему не будет пощады, ибо, удирая, троих из них он убил, а четвертого серьезно ранил)... Так вот, этого молодого человека чудесным образом спас незнакомец, который выскочил из лесу прямо на стражников и обратил их в бегство после отчаянной, хотя и длившейся не больше четверти часа схватки, из которой он вышел победителем ценой глубокой раны правой руки. Незнакомец, невзирая на ранение, поднял несчастного юношу, растянувшегося посреди дороги почти без признаков жизни, взвалил себе на плечи и сам, обессиленный, едва не ваясь с ног, дотащил его до замка, где жила его матушка вместе с его же юной сестрой и немногочисленной челядью. В замке несчастного юношу окружили самыми чуткими заботами, и, дабы уберечь от гонителей, ему отвели потайную комнату. А через пару дней после случившегося нагрянула конная полиция. Юноша, которого приняли с таким радушием, оказался государственным преступником, и за его голову была назначена награда. Тогда же спасителю стало известно и имя спасенного, поскольку прежде он все никак не решался его об этом расспросить. И вышло так, что их семьи разделяла лютая ненависть – они были непримиримыми врагами. Но мысль о легкой мести через предательство ни разу не пришла в голову приютившему под своей крышей врага. Стражники перевернули весь замок вверх дном и в конце концов убралась восвояси, потому как ничего не нашли. Ну а чем же герой этой истории отплатил своему спасителю за благородство души? Гнусной и постыдной изменой, соблазнив сестру того, кому был обязан жизнью. Чистой, невинной, преданной девушке на пару с матерью выпало заботиться о раненом – выхаживать его. Не смея посвятить в свою тайну ни одну живую душу, мать и дочь поочередно, и никогда вместе – из страха вызвать подозрения, наведывались к раненому в потайную комнату и дарили ему утешение. И вот в один из таких приходов человек этот, в чьей порочной душе не осталось ни единого благородного чувства, коварно овладел сердцем девушки, вынудив ее забыть про долг перед собой и теми, чье имя, до той поры ничем не запятнанное, она носила. Его проступок был тем более омерзителен, поскольку бедное дитя осталось наедине со своей матушкой – без сильной защиты и опоры. Ее брату пришлось неожиданно покинуть Францию спустя недели две после того, как он дал приют этому человеку. Жалкий мерзавец все знал, потому как перед отъездом избавитель наведался к нему с такими благородными словами: «Наши семьи были давними врагами, но после того, что случилось, мы больше не вправе ненавидеть друг друга – отныне мы братья. Я перепоручаю вам матушку с сестрой и засим прощаюсь!»

– Сударь, – гневно вскричал моряк, резко вскакивая с места, – берегитесь!

– Кого и чего мне беречься, сударь, скажите на милость? – спокойно спросил врач. – Уж не усомнились ли вы, часом, в правдивости моей истории? Думаю, вряд ли, ибо я располагаю всеми тому доказательствами, – едким тоном прибавил он.

Моряк весь так и напрягся, метнул пылающий взгляд на бесстрастного собеседника и сунул руку под камзол, словно потянувшись за спрятанным там оружием.

– Нет, – ледяным тоном проговорил он, – у меня нет ни малейшего сомнения в правдивости истории, которую вам было угодно мне поведать, а в доказательство...

– Того, что, ежели я не поостерегусь, – холодно прервал его врач, – вы меня убьете.

– Сударь! – негодуя бросил моряк и отрицательно махнул рукой.

– Не надо шума, подумайте о несчастной на этом ложе скорби, – продолжал доктор добродушно-насмешливым тоном. – И перестаньте цепляться за кинжал – все равно же не пустите его в ход против меня. Лучше сядьте-ка обратно в кресло, и давайте объяснимся. Поверьте, это поможет в ваших делах куда больше, нежели кровавый план, что засел у вас в голове.

– Довольно оскорбительных намеков, сударь! Я хочу сказать только одно слово и сделать только одно дело...

– Знаю. Но вы ничего не скажете и ничего не сделаете.

– Ей-богу, мы еще поглядим!

С этими словами он развернулся и направился к двери.

– Хотите, чтобы я снял маску перед вашими сообщниками? Что ж, если угодно, сударь.

– Да какая мне разница, снимете вы маску перед моими людьми или нет! Неужто думаете испугать меня своей глупой угрозой?

– Нет, разумеется, только как бы вы потом не пожалели, что посвятили своих людей, как вы их сами называете, в тайну одного дела, с которым, из уважения к двум благородным родам и из чувства дружбы к вашему отцу, я хотел бы покончить без лишнего шума и наедине с вами.

– К моему отцу? Вы помянули моего отца?

– С чего бы мне не помянуть его, коли я один из самых старых и верных его друзей? – с оттенком грусти отвечал врач.

– Сударь, – сказал моряк дрожащим от гнева голосом, – я требую, чтобы вы показали свое лицо, мне хочется знать, кто вы такой. О, право, не стоит дольше играть со мной!

– А я и не собираюсь, и вот вам доказательство! – молвил врач, срывая с себя маску. – Глядите же, господин принц де Монлор!

– Доктор Гено, врач королевы-матери и кардинала! – в ужасе вскричал тот, кого только что нарекли титулом принца.

– Да, сударь, – продолжал врач, чуть побледнев, возможно, оттого, что реакция собеседника оказалась слишком бурной, но по-прежнему сохраняя хладнокровие и достоинство.

– Вы здесь? Вы, о боже! – воскликнул моряк, тяжело рухнув в кресло. – Зачем вы в этой дыре?

– Чтобы не дать вам совершить преступление.

– Господи! Боже мой!.. – твердил моряк, даже не сознавая, что говорит. – Я пропал!

– Да нет, напротив, вы спасены. Или вы считаете меня своим врагом – меня, свидетеля вашего рождения, принявшего вас на руки, как только ваша матушка разрешилась от бремени?

– Что же делать?.. – вопрошал моряк, с яростью сорвав с себя маску и вновь принявшись мерить шагами комнату.

– Выслушать меня и, главное, остыть, дитя мое, – отвечал врач с нескрываемой добротой.

– Да что вы можете мне сказать, доктор? Ваши утешения, какими бы добрыми они ни были, а ведь вы, я знаю, всегда были добры ко мне... ваши утешения не достигнут цели, как вы надеетесь. Доверие ко мне при дворе уже утрачено раз и навсегда. Я обесчещен. Я позволил увлечь себя в такую бездну, из которой для меня лишь один выход – смерть.

– Вы заговариваетесь, Гастон. Доверие к вам сильно, как никогда. Королева с кардиналом ни о чем не знают. А что касается вашей чести, ей ничто не угрожает, поскольку преступление, на которое вас сподвигали, отныне...

– О, клянусь вам! – с жаром воскликнул моряк. – Бедный милый ангел! Я огражу ее от всех, даже...

– Даже если пойдете против своего брата? Ну что ж, Гастон, ловлю вас на слове и рассчитываю на него.

– Только скажите честно... моя репутация при дворе?..

– Я когда-либо кривил душой?

– Простите, старый мой друг, я потерял рассудок.

– Теперь-то вы готовы выслушать меня?

– Да, тем более что мне не терпится узнать, волею какого случая, а может, рока вы оказались замешаны во все это.

– Случай и рок здесь ни при чем, друг мой. Как вы, верно, и сами знаете, родом я из этих мест и владею здесь кое-какими землями. Одно из моих владений, куда я наезжаю всякий раз, когда дела и обязанности предоставляют мне редкие свободные дни, расположено в окрестностях Люсона – на расстоянии двух ружейных выстрелов, не больше, от родового замка графов де Манфреды-Лабом, которых вы, как заклятый враг, знаете лучше, чем кто бы то ни было, тех, что последовали за королевой Екатериной Медичи, когда она прибыла во Францию.

– Ненависть эта стара, доктор. И начало свое она ведет от Варфоломеевской ночи³.

– Знаю-знаю. Вы тогда были гугенотами, а Манфреды-Лабомы, ближайшие сторонники королевы, – рьяными католиками, каковыми они остались и поныне. Но не будем об этом пока. Теперь оба ваших рода одной веры и ненависть между вами уж давно должна была бы поутихнуть.

– Что до меня, доктор, уверяю вас...

– Да-да, – насмешливо молвил тот, – и у вас, признайтесь, есть замечательное свойство возобновлять отношения. Но, повторяю, оставим это. Я близкий друг этого семейства и крестный отец бедной Санции. Она-то мне все и поведала. И эту тайну я сохранил в глубине моего сердца. Только я теперь и знаю...

– Ошибаетесь, доктор, – раздался резкий, суровый голос. – Я тоже знаю ее, эту тайну!

Оба собеседника вздрогнули, точно от укуса змеи, и разом обратили взор в глубину комнаты, где неподвижно стоял какой-то человек, придерживавший левой рукой полог гардины.

– О, этого-то я и боялся! – с болью в голосе проговорил доктор.

– Людовик де Манфреды-Лабом! – изумился принц. – Так вы предали меня, доктор!

– Никто вас не предавал, господин принц де Монлор, – строго молвил человек, появившийся столь странным образом. – Санция написала мне. А не я ли брат ей и глава рода, ответственный за ее благополучие?

С этими словами он приподнял полог гобелена, скрывавшего потайной вход, через который ему и удалось попасть в комнату, и запер дверь на засов.

– Я вынужден принять свои меры предосторожности, чтобы никто не помешал нашему разговору, – холодно обратился он к двум нашим героям, глядевшим на него с удивлением и страхом.

– Я к вашим услугам, господин граф, – поднимаясь, сказал принц.

Какое-то мгновение враги мерили друг друга взглядом, не говоря ни слова, и в их глазах сверкала заклятая ненависть, раздиравшая им сердца.

Анри-Шарль-Луи-Гастон де ла Ферте, граф Шалю, принц-герцог де Монлор, принадлежал к одному из самых знатных и древних семейств в Пуату – принцев Тальмон и по праву первородства считался прямым наследником рода, осененного величием, благородством и, говоря точнее, славой, коими Франция обладала в те времена. Род его был несметно богат и пользовался огромным влиянием в провинциях Пуату и Анжу, где всегда играл видную роль.

³ Варфоломеевская ночь – расправа католиков над гугенотами в Париже в 1572 г.

Принц де Монлор был элегантным, благородным молодым человеком лет двадцати четырех – двадцати пяти, с мужественными чертами и гладкой, белой, как у женщины, кожей; его большие черные глаза с длинными ресницами, оттенявшими щеки, излучали мягкий, добрый взгляд, но в гневе они готовы были метать громы и молнии; его каштановые, от природы вьющиеся волосы ниспадали на плечи длинными прядями, а игриво вздернутые усы придавали лицу выражение удалы, делая его еще более привлекательным.

Грубое платье, что сейчас было на нем, несколько его не портило, – напротив, оно лишь раз подчеркивало его точеную фигуру и врожденное изящество манер.

Между тем граф Людовик де Манфредди-Лабом манерами и осанкой являл собой полную противоположность принца де Монлора: он был плотно закутан в матросский плащ, защищав-

ший от ледяного ветра, налетавшего шквалами, и в просмоленной холщовой шляпе, которую моряки называют *зюйдвесткой* и у которой поля сзади спускаются аж до середины спины. Его наряд дополняли широкие короткие штаны, стянутые на бедрах желтым кожаным ремнем, с торчавшей из-под него парой пистолетов, топориком и кинжалом.

Граф, как можно предположить из вышесказанного, был итальянцем по крови и принадлежал к тому светловолосому типу своей расы, прекрасной и ценимой по эту сторону Альп, которую Рафаэль, почитавший ее едва ли не за божественную, воплощал в образах своих белокурых мадонн. Казалось, граф обладал невероятной силой: роста он был чуть выше среднего, коренаст и плотно сложен. Пройдя в комнату, он машинально швырнул зюйдвестку в кресло, обнажив голову, обрамленную пышными вьющимися рыжеватыми волосами до плеч, сливавшимися с такой же светло-рыжей бородой. В его больших серых глазах отражались ум и проницательность, а взгляд был прямой и чистый. Открытый лоб, нос с легкой горбинкой, чувственные губы, скрывавшие ослепительно-белые зубы, – все это придавало бы графу еще больше привлекательности, если бы не резкость и холодная решимость, делавшие его лицо мрачным и излишне суровым. Хотя от дождя, солнца, стужи и зноя кожа его изрядно огрубела и лоб прорезали преждевременные морщины, а лицо обрело почти что кирпичный оттенок, можно было догадаться, что графу не больше двадцати семи – двадцати восьми лет. Он обладал особой, свойственной морякам крепкой статью: у него были слегка согбенные, необычайно широкие плечи, длинные руки, бугрившиеся узлами мышц, твердых, как канаты, и широкие кисти.

Подобно всем заправским морякам, ходил он вразвалку, чуть склонив голову на грудь, как будто под ним была не твердь земная, а вечно качающаяся корабельная палуба.

– Я слышал весь ваш разговор, – молвил он бесстрастным голосом. – Вот уже два часа кряду сижу я здесь в засаде, за этим гобеленом, точно тигр, подстерегающий добычу. И сказать по чести, ничего нового для себя я не узнал, о чем предупреждаю вас, дабы скорее перейти к делу и не тратить время на пустую болтовню. Ведь вы не меньше моего заинтересованы в том, чтобы быстрее со всем этим покончить, не так ли, господин де Монлор?

– Правда ваша, сударь, я хочу этого больше всего на свете, – холодно ответил принц.

– Не волнуйтесь, мы живо перейдем к делу. А чтобы у вас не сложилось превратного мнения о моих теперешних действиях, я должен предупредить вас еще кое о чем. Ваш брат, досточтимый аббат де Сен-Мор-ле-Пари, маркиз де Ларош-Талье, имел со мной несколько резкую беседу, и после оной я пронзил его своей шпагой.

– Сударь! – вскричал принц.

– Да не тревожьтесь вы за него, – продолжал граф с хладнокровием, казавшимся сейчас тем более угрожающим, что он сдерживал в себе кипучую ярость. – Через несколько мгновений это станет заботой доктора. Я искренне желаю, чтобы он выходил его, хотя и опасаясь обратного.

– Господин граф, – гневно прервал его молодой принц, – прошу, перестаньте насмехаться, являя нам пример дурного тона. Я готов принять вашу игру.

– Терпение, мой благородный друг, не бойтесь, еще успеется! – продолжал граф, ничуть не утратив присутствия духа. – Но прежде нам стоит оговорить правила, а мне остается лишь предупредить вас о том, что вам нечего рассчитывать на своих людей: они все мои пленники, да и люгер ваш у меня в руках.

– Как я погляжу, – сказал молодой принц с презрительной усмешкой, – вы промышляете разбоем и у берегов Франции. Рад был это узнать!

– Каждый делает, что может, сударь. Что же до ваших угроз, не вам осуждать ремесло, более или менее доходное, коим я занимаюсь. А посему я нисколько не тревожусь на сей счет. Дверь же в комнату я запер по старой привычке к осторожности. Ну а сказав вам то, что сказал, и сделав то, что сделал, я попросту хотел убедить вас, чтобы вы взяли в толк: мы здесь одни, лицом к лицу, вооруженные лишь обоюдной неприязнью и без всякой надежды на помощь

откуда бы то ни было. Так что давайте-ка, господин принц де Монлор, с вашего позволения, поболтаем, как старые друзья, коими мы и остаемся. – Последние слова граф отчеканил с устрашающей четкостью. – И я жду, что у вас есть что мне сказать, – прибавил он.

– Буду краток, господин граф, – отвечал молодой принц с пренебрежительным высокомерием. – Как вы сами сказали, всякие объяснения между нами – дело пустое. Вам угодно получить удовлетворение, да будет так! Я готов его дать вам в самой полной и убедительной мере, как вы того желаете.

– Золотые слова, сударь, жаль только, что чаще всего они расходятся у вас с делами! Не знаю почему, но в глубине души мне кажется, что, скажи я вам, чего от вас хочу, вы дадите мне от ворот поворот.

– Не сомневайтесь, сударь, повторяю, я готов дать вам удовлетворение, о чем бы вы ни просили, кроме, пожалуй, одной вещи.

– А! – заметил граф со зловещей усмешкой. – Вот уже имеем и одно исключение!

– Да, сударь, одно-единственное. Касательно всего, что составляет мою собственность и принадлежит мне, ваше право, требуйте чего угодно.

– Рад слышать! – с горечью проговорил граф.

– Но, – продолжал молодой принц, – есть благо, которого я не смею касаться никоим образом, поскольку принадлежит оно не только мне, но и всей моей семье, и его передали мне по длинной линии предков чистым и незапятнанным. Благо это – мое имя, и я не вправе ни опорочить его, ни обесчестить, поскольку мне в свою очередь надлежит передать его тем, кто будет после меня, таким, каким оно досталось мне.

– Ах, ну конечно! – судорожно воскликнул граф. – Честь вашего имени! А честь моего имени, стало быть, для вас пустой звук? Но разве мой род не такой же благородный и древний, как ваш? И вы еще могли вообразить себе, пусть даже на миг, что бесчестье, которое вам так трудно снести, вам, изменнику и трусу, лично я мог бы легко пережить, я, которого вы столь хладнокровно обесчестили! О, какая дерзость, милостивый государь!

– Так что же вам угодно, сударь?

– Что мне угодно?! – вскричал граф дрожащим голосом. – Сейчас узнаете, господин принц де Монлор. А угодно мне предать вас позору, каким вы посмели покрыть мое имя, которым я дорожу побольше, нежели вы своим, ибо я всегда нес его высоко перед всеми! Мне угодно поставить вам неизгладимое клеймо, благодаря которому вас везде и всюду узнают с первого же взгляда и поймут, кто вы есть на самом деле, – предатель, трус и похититель чести!

– Сударь! – воскликнул молодой принц, бледный от гнева. – Подобные выпады не могут остаться безнаказанными!

– Нет, конечно, – продолжал граф, усмехаясь. – И уж в этом положитесь на меня. По крови я итальянец. А там, за горами, говорят, что месть подают холодной, и небольшими порциями. Так поступлю и я, клянусь жизнью! Даю благородное слово, а я, как вам известно, слов на ветер не бросаю. Так что хорошенько подумайте, сударь, прежде чем отвергнуть предложение, которое я намерен вам сделать!

Слова эти были произнесены с такой горячностью, а лицо графа исказилось такой яростью, что, невзирая на всю свою отвагу, молодой принц почувствовал, как сердце у него болезненно сжалось, а на бледном лбу выступил холодный пот. Ему стало страшно.

Однако ж он подавил в себе это чувство, охватившее все его существо. И с бесстрастным лицом и спокойным же голосом ответил:

– Довольно угроз, сударь! Я не дитя и не робкая дамочка, которую можно испугать словами. Объяснитесь же, наконец! Что вам от меня нужно?

В это мгновение доктор Гено, который все это время стоял, с тревогой склонившись над постелью, где лежала несчастная девушка, вдруг резко выпрямился и, бросившись к двум мужчинам, встал между ними.

– Тише, господа! – властно проговорил он. – Тише! Вот и настал час, когда этой несчастной суждено стать матерью, так что довольно кричать и спорить. Дайте мне свободу действий и право исполнить нелегкий долг, выпавший на мою долю, – велю вам из чувства человеколюбия!

– Ладно, – проговорил граф глухим голосом, – идемте, сударь.

– Куда вы меня ведете? – с опаской спросил молодой принц.

– Да не бойтесь ничего, сударь, – с усмешкой продолжал граф, – мы не выйдем из этой комнаты. Просто укроемся за плотными гобеленами в том алькове и предоставим доктору Гено полную свободу действий. Ведь она ему нужна, чтобы довести до конца многотрудное дело, коим вы обременили его так некстати.

Принц де Монлор не возражал – ограничившись поклоном, он последовал за графом и остановился подле него в самом темном углу комнаты. Там они оба и остались стоять, в молчании подперев плечами стену, скрестив на груди руки и в глубокой задумчивости склонив голову. Какие зловещие мысли роились в воспаленном сознании этих двух непримиримых врагов, в то время как сестра одного из них и бывшая возлюбленная другого пребывала в родовых муках, хотя и находилась без сознания?

Что же касается доктора Гено, он напрочь забыл о двух молодых людях: человек в нем уступил место врачу, помышлявшему только лишь о страдальце.

Между тем снаружи ревущее море с яростью билось о прибрежные скалы, дождь неистово хлестал по оконным стеклам, а ветер свистел жалобно и мрачно: то была жуткая ночь, наполнявшая душу печалью и ужасом!

Глава III

Как граф де Манфред-Лабом понимал месть

Тягостные ночные часы медленно истекли – заря тронула оконные стекла сероватыми отсветами, приглушившими огни; печально догорал очаг; струи холодного, промозглого воздуха колыхали длинные гардины, накатывая на них волнами; в комнате роженицы витала мертвая тишина.

Застывшие позы двух врагов делали эту тишину еще более грозной и многозначительной. Неприятеля все так и стояли друг против друга, покоровшись своей участи, с пылающим взором, наполовину скрытые широкими складками тяжелых гардин, точно два настороженных тигра. Они так и не обменялись ни словом, ни жестом, после того как доктор внезапно прервал их спор.

Между тем доктор Гено, бледный, нахмуренный, сжав губы, умело и заботливо обихаживал многотрадальную роженицу, наспех утирая ей лоб и неотступно борясь с неутихающими страшными приступами боли, грозившими смертью бедной девушке; при всем том он силился побороть и собственную усталость, и боль, чтобы в конце концов вырвать из лап смерти вождьленную добычу.

Ощущалось нечто величественное и устрашающее в этой ожесточенной борьбе науки со смертью – борьбе, не нашедшей никакой помощи в недвижимом теле, которое жизнь, казалось, уже покинула... борьбе с нестерпимыми муками тяжелейших родов в самых непредвиденных обстоятельствах, при поддержке всего лишь безграничной преданности делу и несокрушимой энергии, когда не было ни малейшей уверенности в том, что хрупкое существо, готовое вот-вот появиться на свет, уже загодя обрекалось на жизнь несчастную и постыдную.

Вдруг врач выпрямился – в руках он держал младенца. Лоб у доктора тут же разгладился, взгляд озарился. Младенец пискнул. Молодые люди вздрогнули.

– Господа, – взволнованно проговорил доктор, – это мальчик!

Принц де Монлор уж было кинулся вперед, но железная рука пригвоздила его к месту – при этом граф грозно молвил:

– Вы пока что ему не отец!

– Неужто мне нельзя его поцеловать? – растерянно спросил молодой принц.

Первый крик его ребенка разорвал ему сердце, породив в душе неведомое прежде чувство, самое естественное и нежное, – чувство отцовства.

– Возможно, вам и удастся поцеловать его, – холодно отвечал граф. – Это зависит только от вас!

– Что я должен для этого сделать?

Граф скорее потащил его, нежели повел, к постели, где лежала девушка, бледная и безмолвная.

– Что нужно сделать? – переспросил принц.

– Жениться на его матери, – медленно проговорил граф.

Молодой принц упал в кресло, обхватил руками голову и зарыдал.

– Вы мне не ответили! – все так же бесстрастно продолжал граф.

– Увы! – вскричал принц, поднимая залитое слезами лицо. – Могу ли я?

– Вы отказываетесь?

– Я не хозяин своей воли. Заклинаю, позвольте мне поцеловать сына!

– Нет у вас сына.

– Только один поцелуй, а дальше делайте что хотите!

– Нет! – отрезал граф.

И через мгновение продолжал:

– Взгляните на часы, что висят там на стене! Длинная стрелка сейчас на цифре четыре. Когда пробьет половину пятого, я снова спрошу вас, согласны ли вы жениться на моей сестре и вернуть ей честь, которой вы ее подлю лишили. У вас есть десять минут на то, чтобы принять решение, – больше чем достаточно. Богу угодно, чтобы вы прислушались к зову сердца, а не гордыни!

Засим граф повернулся к принцу спиной и подошел к доктору Гено. Тот, обмыв новорожденного теплой водой, пеленал его в загодя приготовленные простыни с осторожностью и заботой заправской повитухи.

– Спасибо, доктор, – с волнением промолвил граф. – Вы добры и верны, как всегда. Трудные выдались роды?

– Я раз двадцать опасался, что бедняжка не вынесет мук и умрет у меня на руках.

– Возможно, для нее это было бы счастьем, – глухо проговорил граф.

– Не говорите так о своей сестре, Людовик, вы же любите ее!

– Да, люблю! Больше жизни! Бедная Санция!.. А этот – трус!

– Нет, всего лишь слабая натура, бессильная и спесивая.

– Он откажет в удовлетворении.

– К сожалению, и такое возможно. Он не посмеет пойти против своих.

– Тем хуже для него. Моя сестра будет отомщена, клянусь.

– Что вы намерены делать?

– Это касается только меня, – отвечал граф тоном, не терпящим возражений.

– Вы не убьете его! – воскликнул врач.

– Убью? – зловеще усмехнувшись, бросил граф. – Полноте! Вы рехнулись, доктор. Разве смерть – это кара? Нет, я хочу, чтобы он мучился долго-долго, всю свою жизнь. Каждый миг страданий его жертвы будет восполнен годами его нескончаемых пыток и мучений.

– Вы ввергаете меня в дрожь, Людовик. Что за зловещий замысел созрел в вашей голове?

– Не спрашивайте, доктор, я не смогу вам ответить. Решение принято. И ничто его уже не изменит.

Доктор Гено печально склонил голову. Он знал эту железную натуру, неукротимую силу этого львиного сердца. Знал он и то, что тут бессильны любые мольбы и заклинания: ибо все они разобьются об эту непоколебимую волю.

Спустя несколько мгновений граф продолжал:

– В каком состоянии теперь моя сестра?

– Вполне возможно, что она...

– Ее можно без опаски увезти прямо сейчас?

– Без малейшей, только с величайшей осторожностью.

– Это ваша забота, доктор. Помните наш уговор?

– Разумеется!

– Вы по-прежнему готовы оказать мне услугу, которую я от вас жду?

– Располагайте мной, Людовик. Я сделаю все, что обещал. А в случае надобности – и сверх того.

– Спасибо, доктор. Вас здесь больше ничего не держит?

– Больше ничего, вот только нужно хорошо укрыть несчастную от стужи.

– Займитесь же всем необходимым и наденьте маску, чтобы вас ненароком не узнали, – сейчас сюда придут.

Доктор повиновался, а граф меж тем в задумчивости наблюдал за ним.

Когда девушку укутали накидками и одеялами, он подошел к ней, наклонился и поцеловал в лоб, украдкой смахнув слезу со своей щеки.

– Бедная Санция! – прошептал граф. Только это он и смог вымолвить, выражая свою душевную боль; потом, даже не взглянув на младенца, которого ему показывал врач, он дрожащим голосом прибавил: – Уже половина!

И действительно, в это мгновение настенные часы пробили один раз.

Граф взял золотой свисток, висевший на цепочке у него на шее, и свистнул.

В тот же миг все двери распахнулись и в спальню ввалились по меньшей мере человек тридцать. Десятеро из них охраняли два десятка пленников, чьи руки были связаны за спиной, но не очень крепко, чтобы не стеснять движения. Затем вошли еще четверо с носилками – свою ношу они опустили возле кровати. Все эти люди были в масках. Большинство остальных, вооруженных до зубов, разошлись по другим комнатам дома, однако ж они все, как один, были готовы в случае чего собраться вместе по первому же свистку графа. Те, кому удалось пройти, а вернее, протиснуться в спальню, молча выстроились в ряд вдоль гобелена и встали там как вкопанные.

Обменявшись последними словами со своим врагом, принц де Монлор, мрачный и подавленный, сидел, обхватив голову руками, явно безучастный к тому, что происходило вокруг.

Доктор Гено поднял девушку на руки, бережно переложил на носилки и, поправив накладки так, дабы уберечь от холода, уже было хотел распорядиться, чтобы носильщики готовились к отходу, как вдруг граф жестом остановил его.

– Минуту, доктор, с вашего позволения! – попросил он.

С этими словами граф подошел к принцу и слегка тронул его за плечо.

Молодой человек вскинул голову и вопрошающе воззрился на своего врага.

– Господин принц де Монлор, – проговорил граф твердым, четким и внятным голосом, который расслышали даже те, кто находился в соседних помещениях, – пробил половину пятого, и я жду вашего ответа. А чтобы меж нами не было недомолвок, я повторю мою просьбу. Мне угодно, чтобы все знали, что тут произошло, и, как бы там дальше ни обернулось, потом могли засвидетельствовать, что произойдет здесь сейчас.

– Слушаю вас, сударь. Говорите же, прошу! – отвечал молодой принц, поднявшись и отойдя к камину.

– Господин принц де Монлор, – продолжал между тем граф, – не я ли спас вам жизнь два года тому, рискуя своей собственной?

– Истинно так, сударь. Признаю.

– Не я ли, личный ваш враг, не колеблясь подавил свою ненависть и оказал вам у себя в замке самый добрый и радушный прием?

– Совершенно верно, сударь.

– И чем же вы отплатили мне за оказанную услугу? Сейчас скажу, господин принц де Монлор.

– Не стоит, господин граф, – с достоинством отвечал молодой принц. – Раз вы требуете от меня публичного покаяния, что ж, я готов! Я согласен покаяться и сделаю это искренне, от всего сердца. Меня пленили красота и простодушие ангела, которого вы называете своей сестрой, и я презрел законы чести и гостеприимства, забыл о признательности, которой был обязан вам, моему спасителю. Я любил вашу сестру и сделал все, чтобы она ответила мне взаимностью. Единственное, в чем я повинен, признаю и сожалею, так это в невольном преступлении, к которому подтолкнула меня моя страсть, и совладать с нею мне не хватило ни смелости, ни сил. Я уже говорил и скажу еще раз: я готов дать вам любое удовлетворение, которое вы вправе ждать от меня.

– Да, верно, вы говорили это, сударь, – отвечал граф с усмешкой, – однако ж вы отказываетесь дать то единственное удовлетворение, которое я требую от вас!

– Потому что это выше моих сил, сударь. Потому что, хоть вы и столь же знатного рода, как и я, и не менее богаты, нас разделяет неодолимая пропасть – давняя родовая вражда.

– Поздновато, по-моему, рассуждать об этом, признайтесь, сударь!

Молодой принц зарделся и понурил голову, не проронив ни слова в ответ.

– Ладно! – продолжал граф. – Стало быть, вы отказываетесь дать моей сестре единственное удовлетворение, способное вернуть ей честь, которую вы у нее отняли. Словом, вы не хотите и не согласны жениться на ней?

– Сударь!

– Хватит увливать и ходить вокруг да около, сударь! Отвечайте без обиняков. Я вас спрашиваю: да или нет? Каждый из здесь присутствующих должен узнать из ваших собственных признаний, кто из нас двоих – вы или я – совершил недостойный поступок и бесчестье и, будучи отпрыском благородных кровей, повел себя как ничтожный мужлан.

– Довольно оскорблений, сударь!..

– Я и не собираюсь вас оскорблять – отмечаю только факты. Мне угодно, чтобы, какой бы ни была моя месть, вы признали мою правоту и мое же право поступить так, как я намерен.

– Я признаю это, сударь. Вас заранее прощает тот, кого вы справедливо считаете своим заклятым врагом. Так что поступайте, как вам будет угодно, а уж я сумею без жалоб искупить злодеяние, в котором вы меня обвиняете.

– Да неужели? – спросил граф со зловещей ухмылкой.

– Что касается союза, который вы мне предлагаете, – союза, который отвечал бы всем моим желаниям и смыл бы пятно, порочащее мое счастье... так вот, должен сказать, что этот союз, хотя, говоря о нем, у меня разрывается сердце, невозможен, и никакая сила на свете не заставит меня принять его, какими бы последствиями ни обернулся для меня отказ.

Волна гнева прокатилась по рядам грозных свидетелей этой странной сцены.

Граф вскинул руку – все разом смолкли. Минуты две-три он с мрачным видом мерил комнату неровными шагами. Всякий раз, проходя мимо носилок, он бросал долгий взгляд на сестру, спавшую мирным сном, с улыбкой на лице: ей было невдомек, какая ужасная драма разыгрывалась вокруг – сцена, единственной причиной которой была она сама.

Граф, как и принц, не стал надевать маску, поэтому было нетрудно следить за выражением его лица, бледного и искаженного: на нем, точно в зеркале, отражалась вся буря переменчивых чувств, кипевших в душе молодого человека. В какой-то миг у него на лице появилось выражение столь дикой ярости, что все его подручные, не сводившие с него глаз, содрогнулись от страха, хотя они ни сном ни духом не ведали, что за дьявольская мысль вдруг пронизала его мозг.

Один лишь принц де Монлор сохранял видимое спокойствие и безразличие. Принц знал о непреклонной силе человека, в чьих руках он оказался; знал он и о лютой ненависти, переполнявшей его сердце. Он понимал, что у него не осталось никакой надежды, и потому решил не дать себе сломиться перед нестигаемой волей своего врага и не идти на постыдные уступки собственной совести. Он без страха жертвовал своей жизнью, и ему было все равно, каким способом враг предаст его смерти.

Наконец граф остановился. И, сделав над собой, казалось, неимоверное усилие, мягким и печальным голосом обратился к врачу, наблюдавшему за ним с тайной тревогой.

– Доктор, – сказал он, – я искренне благодарю вас за преданность моей семье в столь прискорбном деле. Я обязан вам жизнью моей сестры и не забуду этого никогда. Ваше присутствие, как видите, здесь больше ни к чему – унесите бедную девочку, я поручаю ее вам, позаботьтесь о ней, благо у вас есть все мои распоряжения, и я уверен, вы исполните их в точности. Еще раз благодарю, доктор, спасибо и прощайте!

– Людовик, – с усилием выговорил врач, украдкой глянув на принца де Монлора, который стоял все так же неподвижно, прислонясь к камину, – вам нанесли ужасное оскорбление, но

ненависть плохой советчик. Не позволяйте ей взять верх над собой, будьте снисходительны. Помните, никто не вправе вершить самосуд!

– Доктор, – с горькой улыбкой отвечал граф, – я признателен вам за столь добрые слова. Но и вы не забывайте, я человек благородной крови, и вездесудно будет сродни злодеянию. Знайте лишь, что жизнь этого человека будет проклята. Я не обагрю руки его кровью. Теперь же ступайте и закончите свое дело, а я покамест завершу свое.

Доктор горестно покачал головой, но возражать не посмел. Он сделал знак – и четверо носильщиков подняли свою ношу.

– Прощайте! – сказал он.

– Прощайте, – холодно ответил граф и, когда врач уже был готов переступить порог спальни, прибавил: – Отошлите моих людей в условленное место сразу, как только они выполнят порученное.

Доктор Гено молча поклонился и вышел.

Какое-то время еще был слышен приглушенный шум тяжелых, мерных шагов по ковру удалявшихся доктора и его спутников, потом все смолкло, и снова воцарилась тишина.

Граф опять заметался по комнате, точно загнанный зверь. А его подручные с крайней тревогой стояли и ждали: они понимали – вот-вот должно случиться что-то ужасное.

– Надо с этим кончать, – проговорил граф на ходу, – надо кончать!

Но, вопреки своей воле, он колебался: жуткая месть, которую он замыслил, страшила его самого. Наконец он резко остановился перед господином де Монлором и, смерив его пристальным взглядом, угрожающим тоном спросил:

– Вы готовы?

– Готов, – только и ответил принц. – Убейте меня!

Граф покачал головой, потом еще раз, и еще...

– Нет, – сказал он, – вы не умрете: смерть – не искупление, а освобождение.

– Делайте что хотите, я в ваших руках, – бесстрастно, с достоинством отвечал молодой принц.

– Давайте! – велел граф, махнув рукой.

На принца де Монлора тут же набросились четверо – они повалили его наземь так, что он и глазом не успел моргнуть, разорвали на груди одежду, связали по рукам и ногам, чтобы не смог пошевелинуться, а рот накрепко заткнули влажной тряпкой.

– Отлично! – заметил граф. – А теперь слушайте все, друзья и враги, мне было угодно призвать вас в свидетели кары, ибо вы были свидетелями оскорбления. Этот человек сам приговорил себя, признав, что совершил злодеяние. Он даже не пытался смягчить свою вину, а правда и голос совести так сдерживали его и стесняли против его собственной воли, что ему было невмочь осознать свою вину. Вы сами видели, как я старался усмирить его гордыню, призывая дать мне единственно возможное удовлетворение за нанесенную мне кровную обиду. Угрозы, уговоры – я все испробовал, и без толку. Уши его остались глухи, а сердце закрыто. И даже теперь, когда он чувствует, что пропал, когда плоть его трепещет от страха, он все такой же непреклонный, словно находится на свободе, среди своих. Что ж, пусть свершится его воля и да рассудит нас Бог!

Выговорив эти слова дрожащим, прерывистым голосом посреди мертвой тишины, граф подал знак.

В комнату вошел человек и направился напрямик к камину.

В руках он держал переносную печку с пылающими углями и торчащим из них длинным железным прутом.

– Я княжеского рода, приближенного к французскому двору. Предки мои правили в Пизе и Флоренции, и я имею право на высшую справедливость на своей земле, – продолжал граф с каменным лицом. – И эту справедливость я намерен направить против человека, обесчестив-

шего меня. Это мое право. Или, может, кто-то из вас посмеет мне возразить?... Пусть скажет, пусть докажет, что презренный негодяй, который корчится у моих ног, невиновен!.. Я жду!

Ответом ему была тишина.

– В таком случае, – снова заговорил граф еще более твердым и мрачным голосом, – вы признаете вину этого человека и справедливость моей мести?

– Да! – дружно отвечали присутствующие, которые все, как один, были друзьями и сообщниками графа.

И только пленники хранили угрюмое молчание. Они не смели никого оправдывать и не хотели никого осуждать.

Граф решительно схватил железный прут.

– Да свершится справедливость! – возгласил он и с силой приложил прут с лилией на конце к голому дергающемуся плечу своего врага.

Послышался треск опаленной плоти – молодой принц издал душераздирающий вопль, задержавшись в своих путах, потом все кончилось: он повалился на пол и потерял сознание.

– Принца Монлора больше нет, – продолжал граф, – а есть лишь презренный негодяй, которого покарала человеческая справедливость, – отныне он изгой для общества. А коли я злоупотребил своими правами, отомстив таким образом за мою поруганную честь, повторяю: Бог мне судья!

По знаку графа молодого принца завернули в плащ и взвалили на плечи дюжему матросу.

– Нам здесь больше нечего делать, – сказал безжалостный граф. – Часть дела сделана, теперь остается последнее: все на борт!

Он первым вышел из комнаты. Сообщники последовали за ним, даже не удосужившись закрыть за собой двери.

Было восемь часов утра. День выдался хмурый и холодный; ветер поулегся. Между тем море все еще штормило и громадные волны с прежней яростью обрушивались на скалы. Жители Ле-Сабль-д'Олона то ли из страха, то ли по какой другой причине сидели по домам. На морском берегу не было ни души, кроме праздных с виду моряков, которые, признав графа, тотчас присоединились к нему. Людовик де Манфред-Лабом поднялся на борт люгера в сопровождении своих товарищей, вместе с принцем и другими пленниками.

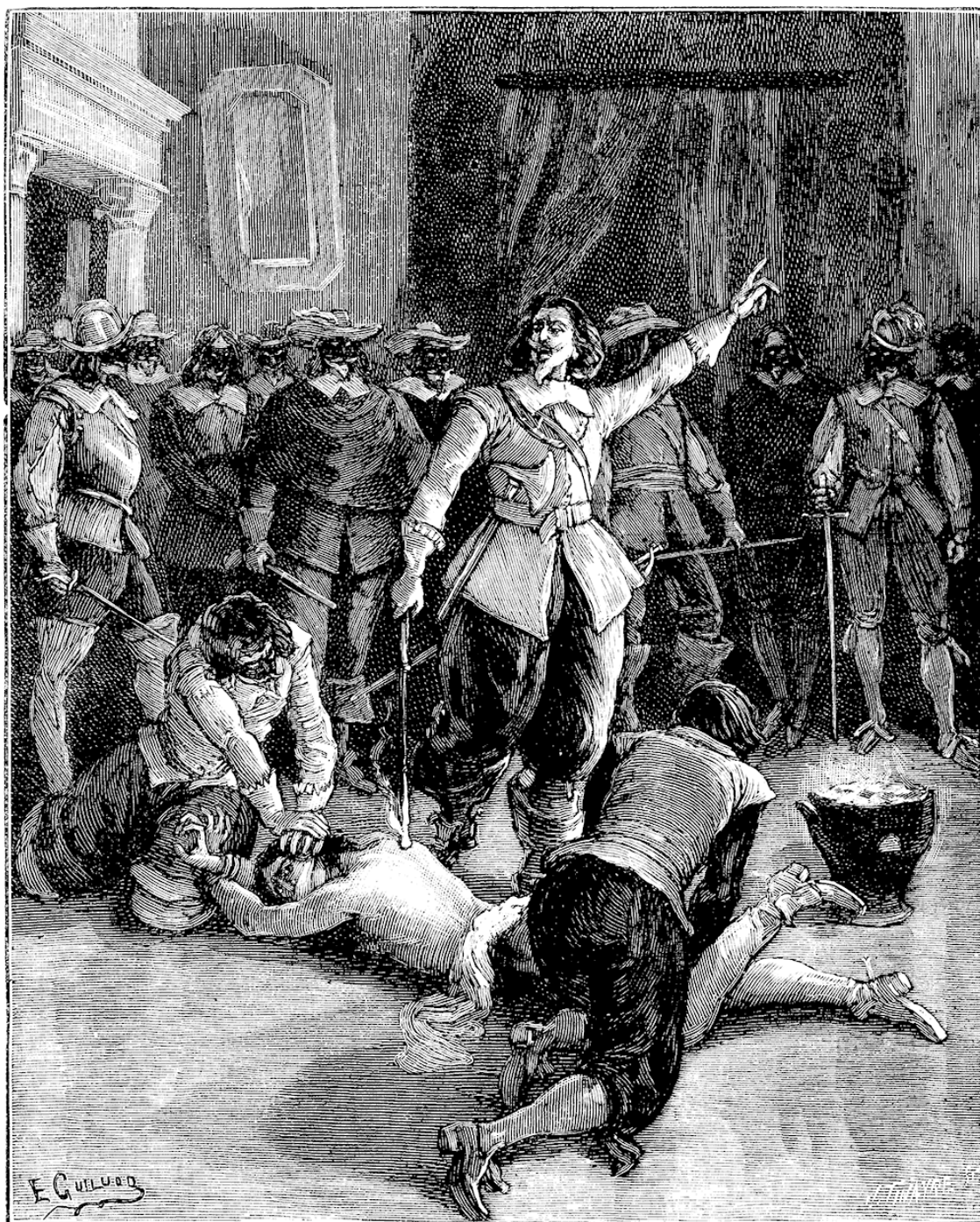
Вскоре был отдан приказ сниматься с якоря. Через несколько минут легкое суденышко развернулось носом в открытое море и на всех парусах понеслось по гребням волн, подобно Алкионе⁴.

В то время как люгер уходил все дальше в море, над стоявшим на отшибе домом взметнулись языки пламени, и через пару часов от него осталось лишь пепелище. Никто и не думал тушить пожар. Достойные жители городка, высыпав из своих хижин, с видимым облегчением наблюдали, как полыхает таинственный дом, о котором ходили самые мрачные слухи.

В пяти-шести лье от берега люгер поравнялся с крепким бригом, лавировавшим неподалеку. Оба судна обменялись сигналами и двинулись дальше вместе. Они шли в паре, как два мателота.

Вечером граф спустился к себе в каюту, куда перед тем распорядился перенести принца де Монлора и куда же поместил его брата, маркиза де Ларош-Талье, которого пронзил шпагой в грудь. Они провели в закрытой каюте всю ночь. О чем они говорили – об этом никто никогда не узнал. Когда же на рассвете граф снова поднялся на палубу, лицо его казалось мрачнее тучи и бледнее обычного.

⁴ Алкиона – героиня древнегреческой мифологии.

В три часа пополудни оба корабля убрали паруса и легли в дрейф на расстоянии пистолетного выстрела друг от друга: море было довольно спокойным, ветер – благоприятным, и сообщаться не представляло никакого труда. От брига отвалило несколько шлюпок – они направились напрямик к люгеру и через десяток-другой гребков подошли к его борту.

Пленников, до сих пор содержавшихся в трюме, выгнали на палубу и велели спускаться в шлюпки. Вскоре три шлюпки повернули обратно к бригу; плененных было двадцать пять человек.

Последняя шлюпка все еще ожидала возле борта люгера; граф спустился в нее следом за маркизом де Ларош-Талье – его пришлось опускать в кресле на буксирном конце, заведенном за нок одного из реев грот-мачты. Тяжелораненый маркиз, не сознававший того, что происходит, и не заметил, как его пересадили с судна в лодку.

Граф пробыл на борту брига, совещаясь с его капитаном, до захода солнца, после чего вернулся на люгер. Вслед за тем на обоих кораблях перебрасопили паруса, и, покуда люгер ложился на курс точно по ветру на Гибралтарский пролив, бриг, поставив брамсели и раздернув рифы, крутым бакштагом двинулся дальше в открытое море. Спустя два часа с палубы люгера уже можно было различить лишь верхушки его мачт, а вскоре и они скрылись из вида.

Оставшуюся часть перехода, длившуюся еще восемнадцать дней, граф ни разу не повидался с принцем де Монлором, предоставив свою каюту в его полное распоряжение. Однако ж дверь в капитанскую каюту денно и нощно сторожили часовые, чтобы предостеречь молодого человека от малейшей попытки... нет, не бежать, потому как это было невозможно, а свести счеты с жизнью в приступе гнева или отчаяния.

На восемнадцатый день плавания, на рассвете впередсмотрящий заметил прямо по курсу длинную синеватую полосу: то была земля!

Скоро земля была уже различима со всеми ее изломами: люгер находился у африканских берегов – в виду мыса Кап-Блан. Граф распорядился убавить паруса, держась при этом строго по ветру, и люгер двинулся дальше переменными галсами вдоль берега, примерно в трех лье от него.

Не прошло и часа после того, как легкое суденышко перешло на новый ход, когда граф, вооружась подзорной трубой, недавно изобретенным инструментом, принялся обшаривать пристальным взором горизонт, а потом вдруг скомандовал уваливаться прямым ходом к земле – и его команда была тотчас же исполнена.

Через полчаса с борта корабля заметили длинную фелуку: она вышла из прибрежной бухты, где, очевидно, скрывалась, и, направившись к люгеру, вскоре начала обмениваться с ним сигналами, после чего, подойдя к нему на расстояние кабельтова, подняла французский флаг, что, в свою очередь, не замедлили сделать и на люгере. Следом за тем от фелуки отчалила легкая шлюпка – на ее борту было четверо.

Граф шепнул что-то стоявшему рядом с ним матросу – тот поклонился и покинул палубу, но скоро появился вновь, уже вместе с принцем де Монлором.

Бледный, осунувшийся, жалкий, принц теперь являл собой лишь собственную тень: в считанные дни он состарился лет на двадцать, так что и родная мать не признала бы его. Воспаленные глаза принца сверкали лихорадочным, диким блеском; меж бровей у него прорезалась глубокая складка; рот, искривленный в гримасе, подергивался в горькой усмешке, как если бы пленник пребывал во власти бурного душевного переживания.

Хотя сейчас он испытывал жгучую боль, его лицо хранило печать спокойствия и сдержанного достоинства: похоже, и у него в голове созрело какое-то невероятное решение.

– Что вам от меня надо? – спросил он у графа.

– Только одно: сказать, что мы расстаемся навсегда.

– Стало быть, меня ожидает смерть? – равнодушно продолжал принц.

– Нет, ведь я же обещал больше не покушаться на вашу жизнь. Я намерен сделать кое-что получше.

– Вы знаете толк в пытках.

– Вы полагаете? Взгляните-ка лучше вон туда – видите шлюпку?

– Вижу, и что дальше?

– Человек, который ею командует, берберский корсар, и я вас продал ему.

– И вы меня отдадите ему?

– Вот именно.

– Господин граф, – холодно заметил принц, глядя в лицо своему врагу, – вы совершили ошибку, когда не убили меня.

– Неужели? Почему же, дорогой господин де Монлор?

– Потому что ваш удар пришелся мимо цели. Вы заклеили меня, и это ужасно; вы продаете меня, и в этом ваш промах. Только из могилы нет выхода. Когда-нибудь, может не скоро, я убегу и мы снова встретимся лицом к лицу. И уж тогда-то!..

– Что тогда?

– Придет мой черед. Не вы ли сами говорили – месть принято подавать холодной. Вот это я вам и припомню.

Граф нахмурился и, сделав два-три шага по палубе, обратился к пленнику, стоявшему с прежним невозмутимым спокойствием на том же месте, где стоял:

– Отлично! Пусть! Мстите, если угодно, – глухо проговорил он. – Только берегитесь, меня не так-то просто взять врасплох!

– Засыпает даже самый бдительный, – холодно отвечал принц.

– А вот и шлюпка подоспела, сударь, – с усмешкой продолжал граф, – так что, к моему сожалению, вынужден прервать нашу беседу.

– Ваша правда, сударь, – тем же тоном отвечал молодой принц. – Мой новый хозяин уже поднимается на палубу. Однако не сомневайтесь, мы еще продолжим нашу беседу, и, может, даже раньше, чем вы думаете.

– Из Африки, попав в рабство, не убежишь: тут лишь одно избавление – смерть. Так что возжелайте ее, сударь, – горько ухмыльнувшись, прибавил граф. И, пожав плечами, повернулся к пленнику спиной.

«Неужели я не раскусил натуру этого человека? Неужто его и впрямь стоит поостеречься? – молвил про себя капитан люгера, направляясь навстречу берберскому капитану. – Что за вздор! Я сошел с ума! Черт возьми, а ведь он почти напугал меня своим растреклятым хладнокровием!»

Капитан-мусульманин был вероотступником-кандийцем⁵, с лицом сморщенным, как лисья мордочка, и маленькими серыми глазками, сверкавшими, точно карбункулы.

Сделку с ним граф заключил заблаговременно – сделку престранную, поскольку в данном случае продавец выплачивал деньги покупщику, а не наоборот. Так что между обеими сторонами не возникло никаких разногласий, и все было решено довольно быстро. Посоветовав своему визави-отщепенцу получше приглядывать за пленником, что только рассмешило того, настолько он был уверен, что его рабу некуда деваться, граф велел спустить молодого принца в берберскую шлюпку, что было незамедлительно исполнено. Засим капитаны распрощались.

⁵ Кандиец – житель Кандии, как итальянцы называли остров Крит.

Пока шлюпка отваливала, Людовик торжествующим взглядом провожал врага, которого заковали в крепкие кандалы и вдобавок пристегнули к банке.

– Прощайте, господин принц де Монлор! – резко прокричал граф.

– До свидания, господин граф Людовик де Манфреди-Лабом! – с угрозой в голосе выкрикнул ему в ответ пленник.

– Прикуси язык! – рявкнул берберский капитан, хватив новоиспеченного раба плетью по плечам.

– Благодарю! – процедил тот в ответ со странной улыбкой.

При виде этой улыбки по спине графа пробежала дрожь – он побледнел и отвернулся.

На том все и кончилось.

Через час фелука скрылась за изгибом берега, и люгер на всех парусах двинулся курсом на Гибралтар.

Глава IV

Око за око

Больше двух месяцев минуло с тех пор, как произошли события, изложенные нами в предыдущей главе. И вот 2 июня 1648 года, между семью и восемью часами утра у Сен-Викторских ворот при въезде в Париж объявился статный, изысканно одетый незнакомец верхом на породистом скакуне, а за ним на почтительном расстоянии трусил его слуга на крепком, приземистом, персикового цвета коньке с обрезанными ушами и хвостом.

Путник наш, похоже, здорово спешил. Обменявшись парой-тройкой фраз с пешим начальником стражи, приставленным взимать налог за право на въезд в город, и справившись о том, какой дорогой ему надобно следовать, чтобы скорее добраться до квартала Пале-Кардиналь, ныне Королевского, где в свое время проживали королева-регентша Анна Австрийская и юный король Людовик XIV, он слегка прищипорил лошадь и решительно двинулся к развернувшемуся впереди лабиринту узких извилистых улочек, сумрачных и грязных.

Между тем наш путник, хоть он и был погружен в раздумья, тем не менее примечал, к собственному удивлению, сколь странно выглядел город: большинство лавок закрыто; на порогах своих домов о чем-то без умолку судачат охочие до сплетен кумушки; тут и там на площадях и перекрестках состоятельные горожане и простолюдины, мрачные и хмурые, с блеском в глазах что-то вполголоса обсуждают меж собой, гневно размахивая руками и шепотом же источая проклятия, судя по всему, в адрес его преосвященства – монсеньора кардинала Мазарини, в ту пору первого министра, имевшего всесильное влияние на королеву-мать – регентшу французского королевства.

По мере того как путник продвигался все глубже к центру города, брожение ощущалось все сильнее: толпы сгущались и народ вел себя более оживленно. Но странная штука! Незнакомец заметил, что люди скорее язвительно зубоскалят, чем злобно угрожают. И то верно, среди громких ехидных и не очень лицеприятных насмешек в адрес кардинала-министра там и сям раздавались крики: «Долой Мазарини!» Однако ж куда громче звучали возгласы: «Да здравствует Гонди!»⁶ Да здравствует коадьютор!»⁷ И наконец: «Да здравствует герцог де Бофор!»⁸ Этот-то последний возглас и поверг нашего незнакомца в невероятное изумление.

Почему же «да здравствует Бофор!»? С какой стати имя, которое он считал забытым, не сходило с уст толпы?

Это смущало путника, весьма сведущего в политических делах того времени: ведь он прекрасно знал, что внук короля Генриха IV и предводитель «Заговора вельмож»⁹ пять лет назад был арестован прямо в Лувре капитаном гвардейцев Гито, потребовавшим у него шпагу по велению королевы, с которой он в тот же день завтракал в Венсене, где губернаторствовал Шавиньи, премило улыбавшийся ему всю дорогу. Помимо всего прочего, знал наш незнакомец и то, что как раз сейчас герцога де Бофора держали под неусыпным надзором в башне Венсенского замка по приказу кардинала Мазарини, который боялся своего пленника, как черт лаdana.

⁶ Жан Франсуа Поль де Гонди, кардинал де Рец (1613–1679) – один из руководителей Фронды.

⁷ Кoadьютор – титулярный епископ, назначаемый Святым престолом в ту или иную епархию для выполнения епископских функций наряду с епархиальным епископом с правом наследования епископской кафедры.

⁸ Франсуа де Вандом, герцог де Бофор (1616–1669) – руководитель Фронды.

⁹ «Заговор вельмож» – политическая клика, или фракция, состоявшая в основном из жертв гонений кардинала Ришелье, надеявшихся взять реванш после смерти короля Людовика XIII путем устранения кардинала Мазарини; позднее ее участники примкнули к Фронде.

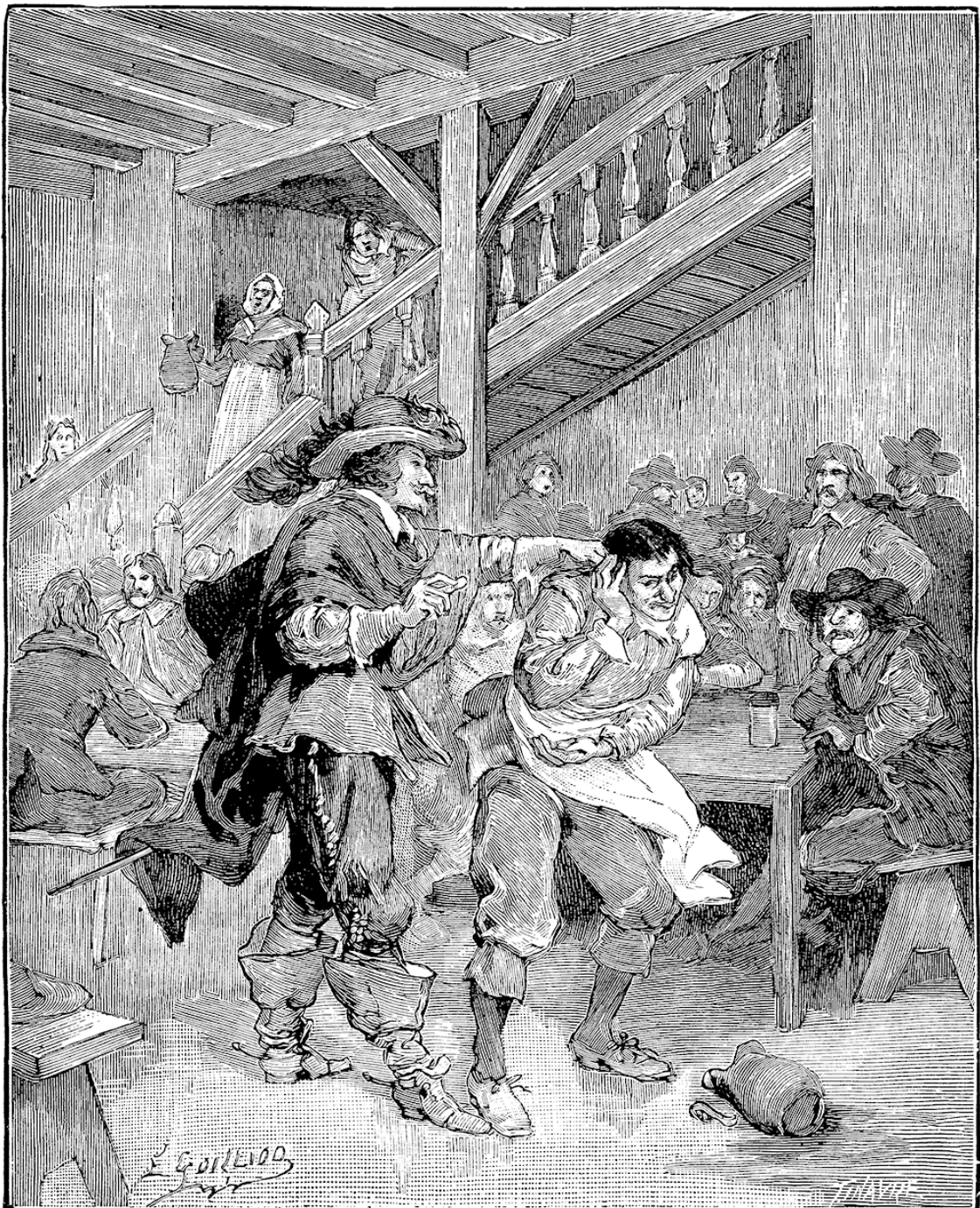
Незнакомец, как и всякий разумный человек на его месте, счел, что, прежде чем продолжать путь дальше, будет лучше поговорить с кем-нибудь и навести справки, чтобы не ударить в грязь лицом, оказавшись в обществе тех особ, с которыми ему предстояло обсудить дела весьма важные.

В те времена, даже больше, чем в нынешние, праздный люд, и особенно «политиканы», как их тогда называли, имели обыкновение встречаться в кабачках. Один такой кабачок, под вывеской «Сосновая шишка», по соседству со зданием суда и заприметил наш незнакомец. В этом весьма знаменитом заведении собирались все поэты той поры и все завзятые выпивохи; туда же порой не гнушались заглянуть тайком даже иные члены парламента, дабы вкусить подлинного арбуасского винца, снискавшего самую добрую славу кабатчику, который премного ею гордился.

Путник огляделся кругом, пытаясь сориентироваться, и тут же увидел, что будет нелегко, а то и вовсе невозможно пробиться верхом через толпу, теснившуюся на подступах к зданию суда и на слишком узкой площади. Однако решение созрело у него в мгновение ока. Он спешился, бросил узду слуге, наказав дожидаться его с двумя лошадьми у моста Менял, и, плотнее закутавшись в плащ, надвинув шляпу поглубже на глаза, втиснулся в толпу, мастерски орудуя рукояткой рапиры и острыми локтями, которые он без всякой жалости вонзал в бока всех, кто стоял у него на пути. Так ему удалось более или менее благополучно, хотя и под многочисленные возгласы проклятий разгневанных зевак, пробиться к двери кабачка.

Впрочем, там его ожидала другая схватка, куда более серьезная и решительная: кабачок буквально кишел выпивохами и горлопанами, которые, кто сидя, кто стоя, разглагольствовали каждый о своем, не слушая друг друга и ничуть о том не беспокоясь, – лишь из простого удовольствия выговориться да поделиться слухами, правдивыми или ложными, следуя извечной и неизменной привычке парижан, народа преимущественно праздного и легковверного.

Однако ж ценой объединенных усилий – воли и локтей – нашему настойчивому путнику наконец удалось протиснуться в помещение. Ловким движением руки он схватил за ухо мальчонку-служку и, сунув ему в руку пистоль, дабы заслужить его благорасположение, получил взамен кувшинчик арбуасского, кружку и даже место за столом, уже занятым компанией завсегдатаев. Окинув непрошеного гостя недобрый взглядом, они, хоть и ворча, тем не менее потеснились, уступая ему место.

А меж тем наш путник, не обращая ни малейшего внимания на недовольство соседей, расположился поудобнее, налил себе полную кружку вина, осушил ее одним махом, причмокнул с явным удовольствием, облокотился одной рукой на стол и, подперев ладонью подбородок, настороженным взором обвел публику.

Не прошло и пяти минут после того, как наш герой расположился за столом со всеми удобствами, когда напротив него примостился хорошо одетый, добродушного вида мужичок, который заговорил с ним без всяких приветствий и лишних предисловий.

– Вы нездешний будете, сударь? – осведомился он.

При таком вопросе, заданном незнакомым человеком, путник нахмурился, но, когда он бросил взгляд на странного собеседника, его недовольное лицо мигом расплылось в улыбке, и он учтиво ответил:

- Да, сударь, а вы?
- О, – отвечал тот с неизменно добродушной улыбкой, – я-то коренной парижанин, а зовут меня Жером-Дьедонне Паризо. Мое семейство в здешнем квартале каждая собака знает; мы тут уже шесть поколений кряду, от отца к сыну, держим кожевную лавку в двух шагах отсюда, на улице Старой Пушнины, под вывеской «Слово чести».
- Черт возьми! – с легкой усмешкой заметил путник. – Сколько воистину благородных титулов!
- Правда? – бросил тот, выпятив грудь.
- Определенно, и я весьма польщен нашим знакомством, мэтр Жером-Дьедонне Паризо.
- Поверьте, и для меня это великая честь, господин...
- Андре, меня зовут капитан Андре... Еще кувшин и кружку! – прибавил он, хватая слугу за край широкого передника.
- Не думал, что вы военный.
- Теперь убедились? – с улыбкой спросил капитан.
- Да, ведь отец моей жены служит в городском ополчении.
- О, в таком случае наш брат вам не в диковину!
- Тут слуга поставил на стол заказанные вино и кружку.
- Мнимый капитан разлил вино по кружкам.
- Ваше здоровье, мэтр Паризо! – провозгласил он.
- И ваше, капитан!
- Они чокнулись и выпили.
- Доброе здесь вино, – заметил капитан, отставив опорожненную кружку.
- Да уж, «Сосновая шишка» тем и знаменита.
- Послушайте-ка, мэтр Паризо, а как вы догадались, что я нездешний? Неужто выгляжу как провинциал?
- Ничуть, капитан! Вовсе нет, просто гляньте на свою шляпу!
- Ну и что? Гляжу. И что тут такого?
- Э-э! – рассмеялся добрый парижанин. – Это ж ясно как божий день.
- Право слово! Признаться...
- А вы взгляните на мою да на те, что у здешней публики.
- И то верно, у них у всех соломенная оплетка в виде пращи¹⁰ вокруг тульи.
- Вот-вот.
- Это что ж, опознавательный знак?
- Точно.
- Так-так, кажется, я начинаю догадываться!
- В самый корень зрите, капитан.
- Так вы мне расскажите, уж больно хочется знать, что здесь творится!
- С удовольствием, капитан. Только прежде скажите, вы за кого?
- За кого я?
- Да.
- Черт! За короля!
- Так-так, за короля и господ принцев или же за короля и кардинала?
- Кардинал – шут гороховый, и мне нет до него никакого дела, как и до соломенной оплетки на вашей шляпе.
- Чудесно! Значит, вы с нами заодно, капитан.
- Всею душой и телом. А вы-то сами за кого?
- За короля и господ принцев.

¹⁰ *Праща* (фр. la fronde) – знак сочувствия Фронде или соучастия в ней.

- И я, черт возьми!
- Просто замечательно! Вот, капитан, держите-ка эту оплетку – приладьте к своей шляпе.
- Лучшего и не пожелаешь! – отвечал наш герой, затягивая оплетку вокруг тульи своей шляпы. – Ну а теперь-то расскажете?
- Обо всем, что вашей душе будет угодно.
- Великолепно! Ваше здоровье, мэтр Паризо!
- И ваше, капитан Андре!
- Начнем с Фронды.
- Сейчас, сей же миг.
- Слушаю.
- Обещаю рассказать все как на духу, благо я своими ушами слышал, как возникло это слово. Так что вот вам, дорогой капитан, моя история вкратце. Явился я на днях в суд по делу против одного лавочника с Пергаментной улицы, с которым затеял тяжбу. Сижу себе в кабинете дознаний, а тут аккурат судебный советник Башомон идет мимо с какими-то чиновниками. Они-то ему и говорят: народ-де шибко недоволен и, ежели двор не опомнится, быть беде. А он им в ответ: бунтовщики, мол, как дети малые – сидят по парижским канавам да постреливают из пращи, и как только завидят полицейского в штатском, мигом врассыпную, а когда того и след простыл, они снова тут как тут.
- Гм! Дело нешуточное, – проговорил капитан. – Этот советник Башомон, должно быть, ставленник его преосвященства.
- Он рьяный приспешник кардинала. Так что слово не воробей... и название, которое подбирали себе враги Мазарини, родилось само собой. Так они и сделались прачниками – фрондерами. С той поры и вся Фронда, и шляпы, и перчатки, и веера, и даже хлеб...
- Черт! И когда же возникло это злополучное слово?
- Тому уж дней десять!
- Так давно? В таком случае кардиналу и впрямь стоит поостеречься.
- Правда?
- Еще бы! Ваше здоровье, мэтр Паризо!
- И ваше, капитан!
- Благодарю! А теперь, господин Паризо, прошу вас, скажите-ка, а что за событие вызвало столь сильное народное брожение и, главное, с чего это все так дружно кричат: «Да здравствует Бофор!»?
- Просто одно без другого не бывает, дорогой капитан.
- О, надо же!
- Такие вот дела. Да вы послушайте!
- Я весь внимание и впитываю каждое ваше слово.
- Вы льстите мне, капитан.
- Ничуть, уверяю вас.
- Вы, верно, в курсе, капитан, как арестовали герцога де Бофора?
- Да, во дворце кардинала пять лет назад, а потом препроводили в Венсен.
- В крепостную башню, где ему было суждено просидеть, может, всю жизнь...
- Простите, мэтр Паризо, но почему вы говорите о заключении-бедняги герцога в прошедшем времени?
- Сейчас узнаете, капитан.
- И то верно, ваяйте дальше.
- Узника сторожили восемь солдат с офицером – они ходили за ним по пятам и для пущей верности даже спали в его каземате.
- Черт побери, какая осмотрительность! Знать, кардинал здорово боялся, как бы он не сбежал!

– Боялся спасу нет! Но толку-то. Преданность простолюдина сыграла злую шутку с хитроумным кардиналом.

– О-о, это уже интересно!

– Того простака когда-то арестовали за то, что он убил кролика в охотничьих угодьях своего сеньора, а герцог де Бофор благодаря тогдашнему своему влиянию и могуществу избавил бедолагу от каторги. Так что бедняга проникся безграничной признательностью к своему избавителю. И когда даже друзья отвернулись от герцога, только он один и вспомнил о нем и поклялся вернуть свободу тому, кто сохранил его собственную.

– Надо же, вот так история! И что же сделал этот славный малый?

– Герцог не смог заполучить с собой ни одного из своих слуг. Господин де Шавиньи, комендант крепости, был его личным врагом. Так что бежать, казалось, не было никакой возможности. Но малый, о котором мы ведем разговор, не пал духом. Условившись кое с кем из друзей герцога, он отрекомендовался офицеру, специально приставленному охранять узника. Того офицера звали Ла Раме. Нашему малому удалось втереться к нему в доверие. И скоро Ла Раме уже во всем полагался на него, настолько тот стал незаменим. Он взваливал на себя самую тяжкую работу, безропотно сносил чванство и издевательства тюремщиков. Больше того, он внушил живейшую неприязнь герцогу, и тот возненавидел его всей душой.

– А малый-то был не промах!

– Еще тот шельмец, вы даже не представляете! Но, несмотря на нарочитое обоюдное отвращение, которое герцог с его новоиспеченным тюремщиком, как вы догадываетесь, питали друг к дружке по взаимной договоренности, притом что их хитрость никто не заметил, свой план побега они обмозговывали с завидным терпением и хитроумием, так что и комар носа не смог бы подточить, ни на миг не забывая о том, кому что надлежало делать.

– Да уж, лихо!

– Свой замысел они решили осуществить первого июня.

– То есть дело было вчера?

– Да, вчера, капитан. Аккурат в назначенный день господин де Шавиньи собрался навещать в картезианский монастырь и отбыл в означенном направлении. И в то самое время, когда стражники ушли из герцогского каземата отобедать, герцог испросил у Ла Раме дозволения прогуляться по нижней крытой галерее, под своим казематом. Офицер дал согласие и взялся его сопровождать. Меж тем наш мнимый тюремщик, сославшись на легкое недомогание, только пригубил вино со своими сотрапезниками, откланялся и запер их на замок. Засим прокрался на галерею и позапирал все двери и там, после чего они на пару с герцогом связали Ла Раме по рукам и ногам и заткнули ему рот кляпом, так что препятствовать их побегу он уже не мог никоим образом. Герцог де Бофор мог бы его убить, но ему претило проливать кровь, и он предпочел оставить тому жизнь. Однако ж веревки, которыми обвязались узник с тюремщиком, оказались коротковаты, и беглецам пришлось прыгать в ров с громадной высоты. Герцог потерял сознание. Тюремщик же, придя в себя, мигом собрался с силами, взвалил герцога себе на плечи и дотащил его до условленного места, где беглецов поджидали пятеро сообщников, – те и перебросили ему другие веревки. Тюремщик накрепко обвязал ими герцога, обвязался сам, и сообщники спустили их по крепостной стене еще ниже. Добравшись до вершины наружной ограждающей стены, тюремщик на мгновение остановился перевести дух, потому как задыхался: чересчур тугая веревка теснила ему грудь. И спасло его только отчаянное усилие. Должен прибавить, что в сложившихся обстоятельствах, как и раньше, когда они выбирались из галереи, тюремщик шел первым – на том настоял граф. У подножия наружной крепостной стены их дожидались пятьдесят всадников с запасными лошадьми. Так герцог де Бофор оказался на свободе! Было это в два часа пополудни.

– Кардинал, верно, вскипел от ярости!

– Да уж, но вида не показал. А напротив, прикинулся, будто даже очень рад, что его узник сбежал. Он корил за это королеву, попытавшись повесить на нее всех собак, – набросить тень за арест герцога де Бофора.

– Вот уж действительно, итальянец он и есть итальянец, еще та шельма.

– Но это не помешало ему сместить господина де Шавиньи, который ничего не мог поделывать, а заодно подписать приказ об аресте принца де Тальмона, закадычного друга герцога де Бофора, заподозренного в подготовке его побега.

– Да что вы говорите, мэтр Паризо! Неужели принц де Тальмон арестован?

– Я этого не говорил, капитан, боже упаси! Я сказал только, что кардинал издал на то приказ. И по-моему, совершенно напрасно.

– Почему же?

– Боже мой! Да потому, что у бедняги-принца своих собственных хлопот невпроворот – ему не до политики.

– Не понимаю.

– Верно, вы ж ничего об этом не знаете, капитан. А посему давайте-ка лучше поговорим о чем-нибудь другом.

– Нет уж, давайте продолжим, если вам не в тягость.

– Как вам будет угодно, капитан. Только, признаться, лично мне хотелось бы поговорить о других вещах, не столь щекотливых.

– Щекотливых? – удивился капитан.

– Да, для меня. Ведь тот малый, что устроил герцогу побег, мой двоюродный брат и к тому же управляющий принца де Тальмона.

– Теперь ясно, откуда вы все так хорошо знаете.

– Кому ж еще это знать лучше, как не мне, капитан.

– Но если принц не под арестом, то где же он?

– Да чего там скрывать, это ж он командовал полсотней дворян, поджидавших герцога у подножия башни Венсенского замка.

– Черт возьми, недобрую же шутку сыграл он с кардиналом, хоть сам и далек от политики.

– Он ближайший сподвижник герцога де Бофора!

– Я его знаю.

– Знаете?

– И очень хорошо. Скажу даже, что из-за него-то меня и занесло в Париж.

Кожевенных дел мастер бросил на мнимого капитана вопросительный взгляд, но тот вынес его без тени смущения.

– Ого! – бросил он.

– Вот-вот, – холодно продолжал капитан. – Я прибыл из Пуату, где у принца, как вам известно, обширные владения, просто так, чтоб повидаться с ним.

– Вам ужасно не повезло – принца сейчас нет в Париже.

– Какая жалость, а я хотел просить его об одной услуге.

– Как видно, вы выбрали для этого не самое подходящее время.

– Забудем об этом. Я зайду с другой стороны, благо у меня при дворе хорошие связи.

– И с вашей стороны будет разумно ими воспользоваться...

– Я непременно так и поступлю, но все равно очень жаль, тем более что мою родню издавна связывают с Тальмонами добрососедские отношения.

– О, так ваши владения расположены по соседству?

– Да, но если принца де Тальмона нет в Париже, уж принц де Монлор-то наверняка здесь.

– Какого же принца де Монлора вы имеете в виду, капитан?

– Понятно, старшего сына принца де Тальмона! Разве вы его не знаете?

– Простите, капитан, напротив, я имел честь знать его даже очень хорошо.

- Почему же «имели»?
- Разве вы не в курсе, он умер?
- Умер! Принц де Монлор! – вскричал капитан, всплеснув руками от удивления, не веря своим ушам. – Да вы шутите, мэтр Паризо!
- Дай-то бог, чтоб так оно и было, капитан, и чтоб принц де Монлор вместе со своим братом-маркизом все еще были бы живы!
- Маркиз де Ларош-Талье тоже умер?
- Увы, да!
- Вот что меня поражает – как же с ними приключилась такая беда?
- Точно не скажу, но слухи об этом ходят самые невероятные. Правдоподобнее всего история о том, что принц с братом утонули с месяц тому во время рыбалки неподалеку от Ле-Сабль-д'Олона.
- На рыбалке?! – изумился капитан, покачав головой.
- Так говорят.
- А вы-то сами как думаете?
- Может, оно и так, да только как ни крути, а смерть обоих братьев – факт бесспорный.
- Принц де Тальмон, должно быть, в отчаянии?
- Он чуть не лишился разума от горя, когда получил эту ужасную весть.
- Бедный принц! У него, верно, ни одного сына не осталось?
- Сын-то есть, лет шести от роду от силы, и теперь он носит титул и имя де Монлор. Отец отослал его в Германию, и ему должно оставаться там до совершеннолетия. Я же думаю, вся эта история пахнет чем-то зловещим и таинственным, о чем никто не ведает и что принц де Тальмон знает очень даже хорошо.
- Может, вы и правы, мэтр Паризо.
- Да-да, – печально кивнул он. – Я много чего знаю, да только сказать не могу: чувство почтения вынуждает меня держать рот на замке – я не вправе раскрывать тайны принца, хотя знаю об этом деле больше, чем вы думаете.
- Капитан на миг задержал пристальный взгляд на собеседнике, потом поднялся и, отдав ему честь, с легкой ухмылкой сказал:
- Дорогой мэтр Паризо, я был счастлив с вами познакомиться, благодарю за ценные сведения, коими вы снабдили меня со столь неисчерпаемой любезностью. Вы наиприятнейший собеседник, и я бы не прочь слушать вас и дальше, но причины, куда более важные, к великому моему сожалению, вынуждают меня откланяться, так что прощайте, дорогой господин Паризо.
- Капитан отдал честь последний раз, повернулся и вышел из «Сосновой шишки».
- Слуга дожидался его в условленном месте. Наш герой вскочил в седло, переправился на правый берег Сены и направился ко дворцу кардинала. Оказавшись на перекрестке улиц Круа-де-Пти-Шан и Сент-Оноре, капитан остановился перед красивым с виду особняком, передал поводья слуге и вошел.
- Двор был полон челяди – один из лакеев держал под уздцы великолепную серую мулицу.
- Завидев капитана, все почтительно обнажили головы; чей-то слуга подошел к нему со шляпой в руке.
- Доктор все еще у себя? – осведомился капитан.
- Хозяин собирался уходить, господин граф, – доложил слуга, – но, как только ему станет известно о прибытии господина графа, он задержится и непременно примет его.
- Соболаговолите передать ему, да поживее, что я хочу с ним переговорить.
- Не угодно ли господину графу пройти за мной?
- Идем.

Слуга, следуя впереди гостя, провел его через анфиладу богато обставленных покоев и, наконец остановившись перед какой-то дверью, тихо постучал, открыл ее, пропустил гостя вперед и, перед тем как ретироваться, объявил:

– Господин граф де Манфред-Лабом!

Граф вошел – дверь за ним затворилась.

Граф оказался в кабинете доктора Гено.

Именитый врач сидел за огромным столом, заваленным всякими книгами и бумагами; он воззрился на гостя с изумлением, что в иных обстоятельствах могло бы показаться забавным.

– Вы! Это вы! – проговорил он.

– Да, я, доктор, – отвечал граф. – Но что вызвало у вас такое удивление, не пойму? Разве вы меня не ждали?

– Ждал, дорогой Людовик! – воскликнул доктор, сияясь оправиться после сильного потрясения, которое только что испытал. – Но...

– Но, – с улыбкой продолжал граф, – пришли в такой восторг при виде меня, что чуть не лишились дара речи.

– О!..

– Полноте, доктор, не робейте, я не стану долго утомлять вас своим присутствием.

– Увы, друг мой, если я о чем-то беспокоюсь, так только за вас.

– В таком случае не стоит волноваться, мне ничто не угрожает: единственным врагом, которого мне следовало опасаться, был принц де Тальмон.

– Он достаточно силен, друг мой.

– Был силен, вы хотите сказать, ибо сейчас он такой же изгой и беглец, как и я. О, мне хорошо известно, как он устроил побег герцогу де Бофору. Он с ним заодно. Так что, как видите, я в безопасности. Надеюсь, вы позволите мне сесть?

– О, простите, дорогой Людовик! – воскликнул доктор, почтительно вставая с намерением пододвинуть к нему кресло. – Я так взволнован!

Граф, улыбаясь, сел и после небольшой паузы продолжал:

– Дорогой доктор, как я уже говорил, мне не хочется испытывать ваше долготерпение. Но, раз уж в силу надобности и совершенно неожиданно я проделал путь не в одну сотню лье ради того, чтобы побеседовать с вами, вы позволите мне подробно объяснить, чего я жду от вашей дружбы?

Вместо ответа доктор позвонил в колокольчик, лежавший у него под рукой на столе.

Появился слуга.

– Меня ни для кого нет, – предупредил врач.

Слуга поклонился и вышел, закрыв за собой дверь.

– Теперь, когда вам больше не стоит бояться, что нас прервут, говорите, я слушаю.

– Первым делом мне хотелось бы развеять предубеждения, которые вы ко мне питаете: принц де Монлор написал своему отцу письмо, которое вам передали, и в нем незадолго до смерти он попрощался со своими домочадцами.

– Верно, я читал его письмо, и, признаться, оно весьма меня огорчило.

– И вы, конечно, с поспешностью решили, что я нарушил данное вам слово и убил или велел убить тех двоих?

– Признаюсь, подобная мысль действительно приходила мне в голову.

– Возможно, вы и сейчас так считаете. Ну что ж, доктор, вы заблуждались, вернее, заблуждаетесь. И мне больно сознавать, что вы так плохо меня знаете, хотя и присутствовали при моем рождении. Нет, я не убивал и не приказывал убить моих врагов. С их голов не упал ни один волос, даю вам честное благородное слово! Вы мне верите?

– Разумеется, верю. И признаюсь в этом с радостью. Тогда что же с ними случилось?

– А это уже моя тайна. Может, однажды вы ее узнаете от них самих, если они когда-нибудь объявятся, в чем я сомневаюсь. Вам же довольно будет знать, что они живы и я уже не властен над ними.

– Не стану больше настаивать на этом. И благодарю вас, дорогой Людовик.

Молодой человек поклонился.

– Ну а теперь давайте поговорим о том, что касается непосредственно меня, – о моей сестре!

– Как вы и просили, я переправил ее в замок Лабом. И каким-то чудесным образом никто, кроме вашей матушки, даже не заметил, что ее похитили. Когда же бедная Санция пришла в себя, то премного удивилась, увидев меня возле изголовья своей постели. Я объяснил ей в двух словах, зачем я здесь. Сделать это мне было несложно, благо за несколько дней до того она сама, как вам известно, вызвала меня из Парижа, к тому же мне и прежде приходилось частенько ее проводывать. Так вот, она ничего не помнила с той минуты, как ее похитили. Потом, однако, хоть и не без труда, мне все же удалось ее убедить, что она ошибается, что никогда не была беременна и что ей, стало быть, нечего опасаться последствий своей опрометчивости, а вернее, злодеяния ее соблазнителя. Мои заверения придали ей сил и во многом помогли дальнейшему ее выздоровлению. Так что отныне она уверена в правоте моих слов. А недели две назад госпожа де Лабом с дорогой нашей Санцией прибыли в Париж. На доверенные вами средства я приобрел для них особняк на этой же самой улице, в двух шагах отсюда. И наши дамы будут рады с вами повидаться, тем паче что ваше долгое отсутствие их тревожит, а Санция поминает вас всякий раз, когда я ее навещаю. Вы довольны, если я правильно понял ваше желание?

– У меня нет слов, дорогой доктор, – с волнением проговорил граф, – чтобы выразить вам мою признательность. Все, что вы сделали, меня не удивляет. Я и раньше знал – на вас можно положиться. Но могу ли я рассчитывать на ваше участие снова?

– В любое время, дорогой мой мальчик. Я сделаю для вас все, что в моих силах.

– Договорились, – кивнул граф с едва заметной улыбкой.

Последовала короткая пауза: оба собеседника задумались.

Тут граф извлек из кармана камзола пачку бумаг и, не выпуская ее из рук, продолжал:

– Дорогой доктор, то, что вы делали для меня до сих пор, ничто в сравнении с тем, чего я от вас еще жду.

– Объяснитесь!

– Простите, вы, я вижу, еще не просматривали свою почту.

– И то верно, я собирался этим заняться как раз, когда вы вошли.

– Надеюсь, я вам не помешал.

– О, не к спеху.

– В самом деле? Просмотрите хотя бы несколько писем.

– Зачем?

– Прошу вас!

Доктор воззрился на графа с недоумением. Тот улыбнулся и утвердительно кивнул. Врач, не переставая удивляться, принялся вскрывать почту.

Прошло несколько минут – и вдруг доктор резко вскинул голову.

– Что это значит? – воскликнул он.

– Что именно? – с безразличным видом спросил граф.

– Прочтите-ка вот это!

– В том нет надобности, доктор, я и так знаю, о чем речь. Это по моей просьбе адмирал граф де Шабан сообразовал вам отписать.

– Вы что же, подали в отставку с должности капитана второго ранга?

– Да.

– Вы дрались на дуэли?

– Да, доктор, с шевалье де Куаньи.

– И...

– Меня убили, – все тем же чуть насмешливым тоном прервал его граф. – Да вы не тревожьтесь, дорогой доктор, это для всех остальных я мертв – для вас же, и только для вас, я по-прежнему живой.

– Но, бога ради, зачем?..

– Затем, – отвечал граф с некоторой горячностью, – что, будучи непреклонным с другими, я должен быть непреклонным и с собой. Таков закон – око за око. Осудив виновных, я осудил и себя. И теперь исчезаю, как и они. Быть может, – с чувством прибавил он, – Бог простит меня за суд над собой перед лицом той страшной кары, которую я себе уготовил.

– Друг мой, – дрожащим от волнения голосом вскричал доктор, – я восхищаюсь благородством вашей души, но заклинаю, подумайте о своей матушке и сестре!

– Я все обдумал, доктор. И все решил. Так что больше не уговаривайте меня – бесполезно.

– Жаль! – промолвил доктор, печально понутив голову.

– Возьмите эти бумаги, – продолжал меж тем граф. – Пора кончать с этим делом, старина, не то у меня сердце разорвется: еще час, и я либо рехнусь, либо свалюсь замертво к вашим ногам.

– Повинуюсь, – отвечал доктор, машинально беря бумаги, которые протянул ему граф, – и сделаю все, что вы потребуете, клянусь.

– Я знал это. Вот мое завещание. Оно помечено задним числом – прошлым годом и от начала до конца писано моею рукой. Я назначаю сестре опекуна и отписываю ей все мое состояние – с подробностями вы ознакомитесь; оно составляет, по моим подсчетам, около трех миллионов ливров – в земельных угодьях, кассовых ордерах и так далее. Я последний в моем роду и, стало быть, его глава. И передать все мои блага сестре не составит никакого труда. Так вы согласны выполнить это поручение в знак преданности?

– Да, согласен, друг мой. Но разве вы не повидаетесь с матушкой и сестрой?

– Перечитайте письмо адмирала де Шабана, дорогой доктор, – с горечью отвечал граф, – и обратите внимание на дату. Я умер семнадцатого мая, а сегодня у нас второе июня, и вот уже шестнадцать дней, как право на мое наследство вступило в силу. К тому же в интересах сестры я не должен видаться с нею, как это для меня ни прискорбно.

Тут снова появился слуга.

– Что вам угодно? – удивился доктор. – Разве я не говорил, меня ни для кого нет!

– Госпожа вдовствующая маркиза де Манфреды-Лабом и госпожа Санция де Манфреды-Лабом настаивают на свидании с вами, доктор Гено, – почтительно отвечал слуга.

Доктор и граф обменялись странными взглядами.

– Буду иметь честь принять этих дам через пять минут, – сказал доктор, едва выговаривая слова.

Слуга поклонился и вышел.

– Вот видите, доктор, – молвил граф, у которого лицо побелело как полотно, – им тоже стало известно о моей смерти. Боже! Боже мой! Ни за что на свете! О, какую же страшную кару наложил я на себя!

Он несколько раз провел рукой по лбу, вскочил и через несколько мгновений с дрожью в голосе произнес:

– Прощайте же, доктор! Прощайте навсегда!

Доктор открыл ему свои объятия, и они еще долго стояли молча, в обнимку.

– Ладно, – наконец воскликнул граф, – прочь недостойные слабости! Так надо! Как вы намерены меня выпустить?

– Идемте, – отвечал доктор.

Он провел графа черным ходом к потайной двери и отворил ее.

– Прощайте, доктор, – молвил граф, – перепоручаю их вам, ведь теперь, кроме вас, у них больше никого нет.

– Я буду вашей сестре отцом, – сказал доктор, – клянусь вам, Людовик. Но, – прибавил он нерешительно, – есть бедное существо, о котором вы мне ничего не сказали. Оно невинно, и тем не менее тяжкое проклятие лежит на его голове.

– Старина, – отвечал граф, нахмутив брови и побледнев еще сильнее, – я не понимаю и не желаю понимать ваших намеков.

– Людовик!..

– Как только я переступлю этот порог, – горячо прервал он доктора, – меня уже больше не будет ни для кого на свете. Вы мой душеприказчик и опекун Санции, и сердце подскажет вам, как поступить дальше. Прощайте! Прощайте! – упавшим голосом закончил он.

Несколько раз пожав врачу руки, граф спешно спустился по лестнице, не желая больше ничего слышать.

Доктор еще какое-то время стоял как вкопанный, задыхаясь от отчаяния.

– Какой храбрец! – проговорил он. – Бедный Людовик, неужто злой судьбе было угодно осквернить твою благородную душу!

Он печально покачал головой, подавил вздох, утер лицо от слез и нетвердой походкой вернулся к себе в кабинет, где его уже дожидались бледные, охваченные тревогой и горем мать и сестра того, кто только что без малейшей пощады к себе подчинился немилосердному закону – око за око.

Прошло много лет. О графе Людовике де Манфреди-Лабоме не было ни слуху ни духу. И имя его скоро позабыли в водовороте политических событий, потрясших Францию в пору несовершеннолетия короля Людовика XIV.

Книга первая Олоне

Глава I Как экипажу испанской пироги «Сан-Хуан де Диос» явился призрак и что за этим последовало

15 июля 1674 года в два часа ночи покрытое бурунами море штормило, как после урагана. Ослепительно-яркая луна в экваториальном небе, усеянном блестящими, точно алмазы, звездами, мелькала за редкими облаками, гонимыми юго-восточным ветром. Снова и снова заливала она серебром пенные гребни волн, отражаясь в изломанной зыбью океанской шири, словно в зеркале.

Военная испанская пирога, пронзая ночную мглу, неслышно продвигалась вдоль берега острова Куба, держась от него на расстоянии не больше двух кабельтовых, – под покровом тени, отбрасываемой высокими островными горами.

Давайте опишем в двух словах этот тип легкого суденышка, ныне уже совсем позабытый, но весьма распространенный на Антильских островах во времена, о которых идет речь, и особенно незаменимый в каботажном плавании.

Эта пирога, длиной девяносто и шириной восемнадцать французских футов¹¹, заострялась к носу, сохраняя в среднем шесть футов по ширине кормы. То была своего рода полугалера с экипажем из ста двадцати человек и командой в сорок гребцов. На корме у нее помещалась батарея из четырех камнеметных орудий, а на носу – девятифутовой длины шестифунтовая пушка. Осадка этой пироги составляла пять футов, а легкость ее была такова, что она погружалась в воду всего лишь на полтора фута и, таким образом, могла подниматься по течению рек до определенной высоты.

Наша пирога, называвшаяся «Сан-Хуан де Диос», имела две мачты с латинскими¹² парусами; но сейчас мачты на ней были опущены на стандарты – железные вилообразные стойки, установленные посередине судна.

«Сан-Хуан де Диос» покинул Гавану незадолго до восхода солнца, но в открытом море капитан велел убрать мачты, в уключины вставили весла, и дальше судно уже шло на веслах.

К тому времени, когда мы вернулись к нашему рассказу, за исключением капитана, который с ночной подзорной трубой в руке как будто с тревогой оглядывал морской горизонт, возбужденно расхаживая взад-вперед по корме, и впередсмотрящего, приставленного к погонной пушке, да рулевого матроса, весь экипаж, похоже, спал; впрочем, не спали, понятно, и гребцы – они работали веслами чисто машинально, понукаемые монотонными командами.

Группа гребцов состояла целиком из карибских рабов – жалких, затравленных индейцев, с которыми испанцы обращались с крайней жестокостью, отчего рабство для них было во сто крат тягостнее, нежели для христиан, попадавших в плен к мусульманам.

Между тем у кормового люка, наполовину скрытые за кучей парусов, сидели двое, облокотясь спиной на легкую шлюпку, единственную на пироге, и тихо, хотя и несколько оживленно, разговаривали. Что примечательно и что заслуживает нашего внимания, так это то, что

¹¹ Французский фут – мера длины, равная 0,3248 м.

¹² Латинский парус – треугольный парус, названный по месту первоначального распространения (в странах Средиземноморья); обычно крепится передней кромкой к мачте и стеньге (надставной мачте), поднимаемой вместе с парусом вдоль мачты.

эти двое были одеты как пираты с Тортуги¹³, – впрочем, об их наряде мы еще успеем рассказать, а в довершение всего, разговаривали они по-французски. Им обоим, похоже, было лет по сорок пять – сорок шесть; обоих же отличали резкие черты, надменное, суровое выражение на лице и хмурый взгляд.

Присутствие двух пиратов, заклятых врагов сыновей Кастилии, на борту испанского корабля могло показаться тем более невероятным, что эти двое держались совершенно свободно и были при оружии – длинных буканьерских ружьях и ножнах из крокодиловой кожи, из которых торчало по три ножа и штык-тесаку.

Каким же ветром их занесло на борт «Сан-Хуана де Диос»? Сказать это на судне никто не мог, кроме разве что капитана.

Когда рында пробила две двойные склянки, означавшие два часа, наши искатели приключений встали, потянулись и, неспешно подойдя к самому борту пироги, облокотились на релинги.

– Прекрасное море! – проговорил один из них.

– Да и ночь чудесная! – вторил ему другой.

– Сколько раз, – подхватил первый, – звездными ночами на Средиземном море, горбятся на галере Дьемиля Хаджи-аги, я клял жизнь и жаждал смерти!

– Да уж, – заметил собеседник, – ведь тогда ты был рабом, без всякой надежды на выкуп...

– И на месть, хоть когда-нибудь! – резко оборвал его первый. – Но теперь для нас все изменилось. Ты пришел мне на выручку, Кеклик, – выкупил меня у хозяина. И вот я на свободе. А скоро у нас в руках будет тот, за кем мы так долго гоняемся. И уж тогда...

– Не спеши строить планы, – оборвал его названный Кекликом. – Какую бы цель ни ставили себе люди, им свойственно ошибаться. Песчинка способна остановить повозку. Мы уже раз двадцать думали, что у цели, и все без толку. Враг сильнее нас. Он могущественнее и богаче, вокруг него всегда верные друзья. А у нас на пути к цели сплошь одни тернии. Поостерегись, Онцилла, не стоит забывать – из львов мы превратились в лисиц! Будем же начеку!

– Все так. Верно говоришь, спору нет. Но и ты не забывай, сейчас мы уже не те, какими были десять месяцев назад, когда, как какие-нибудь голодранцы, побирались по нормандским городам и весям. Отныне мы богаты, у нас влиятельные друзья, и один из самых главных наших поверенных уже через несколько дней примкнет к нам в Пор-Марго.

– Признаться, Онцилла, я не разделяю твоей привязанности к этому типу. У него лицо предателя, да и вся наружность на редкость презренна. Даже если допустить, что он нам предан, он, в конце концов, всего лишь мелкая сошка в Вест-Индской компании¹⁴, и влияние его на Большой земле¹⁵, понятное дело, ничтожно, хотя в надежде на то, что он может нам пригодиться, ты доверил ему не одну нашу тайну, чего, сдается мне, тебе совсем не следовало делать.

– Опять ты со своей подозрительностью и неприязнью! Чем же мы рискуем? Если он намерен нас предать, мы можем запросто от него избавиться. Согласен, он игрок и распутник, но между его грешками и предательством – целая пропасть.

– Может, оно и так. Да только ты уж поверь мне на слово и держи с ним ухо востро! Сам знаешь, я бывший пастырь, и величайшей добродетелью среди нашей братии почитается осторожность. Не спускай глаз с этого типа. Верно, сейчас мы на коне, и это лишний повод не выпасть из седла. Теперь, когда нас признали и мы в чести, нам незачем прятаться и бояться, что нас вздернут без всяких церемоний. Но кто мы такие на самом деле? Те же изменники. Не стоит кривить душой друг перед другом, ведь мы братья по крови и сообщники по отмищению.

¹³ Тортуга – островок (ныне Тортю) близ северо-западного побережья Санто-Доминго.

¹⁴ Вест-Индская компания – французская торговая компания в 1664–1674 гг., созданная с целью поощрения торговли и колонизации, в том числе Северной Америки.

¹⁵ Имеется в виду остров Санто-Доминго (ныне Эспаньола), на берегах которого в свое время обосновались флибустьеры, называвшие себя также Береговыми братьями.

Испанское правительство просто так ничего не дает. И пряжки с драгоценными камнями, что украшают наши ремни, сам знаешь, чего нам стоят. А во что это выльется потом?

– Верно, – отвечал Онцилла, – и все же, случись сделку заключить еще раз, я пойду на это без оглядки, как и в первый раз. К тому же мы не предаем Францию.

– На мой взгляд, тут слишком тонкая разница.

– Ничуть, как раз напротив, все очень просто.

– Ладно, чем докажешь?

– Да чем угодно! Ты, как и я, верно, знаешь, ладроны, как их называют испанцы, или Береговые братья, как они называют сами себя, то есть буканьеры, флибустьеры и прочие жители острова Тортуга и побережья Санто-Доминго, – самые обыкновенные разбойники без стыда и совести. Они не принадлежат ни к одной стране и не признают ни единого правительства, – словом, это изгои, люди вне закона во всех государствах!

– Однако ж у этих людей, кем бы они ни были, есть французский губернатор!

– Прошу прощения, у них есть, что не одно и то же, губернатор, назначенный Вест-Индской компанией. Они платят королю Франции десятину – десятую часть стоимости захваченной добычи, и Людовику Четырнадцатому в пору гореть со стыда, получая столь позорную подать, ибо таким образом он продает им право творить бесчинства под прикрытием своего флага. Однако ж он не признает их своими подданными, а флибустьерам, в конце концов, оно и без надобности.

– И что же из этого следует?

– Французский король, известное дело, не властен над Тортугой, и остров принадлежит торговой компании. А значит, соглашаясь его захватить и передать Испании, мы, несомненно, совершаем дерзость, хотя при этом ничуть не изменяем королю Франции, даже если допустить, что мы все еще его подданные.

– Доводы и впрямь самые что ни на есть убедительные. Но почему ты говоришь: «даже если допустить, что мы все еще его подданные»? По мне, так, покуда мы живы и будем жить, мы есть и будем подданными короля Франции.

– Вот уж никак не могу с тобой согласиться, брат. Твои слова не укладываются у меня в голове. Мы мертвы – мертвое не бывает, и тебе это известно лучше кого бы то ни было. Свидетельства о нашей смерти подписаны и преданы гласности, так что принадлежавшие нам владения и все имущество законно отошли к нашим наследникам.

– Это еще как сказать. Сперва – месть. Когда отомстим, если повезет, не сомневаюсь, нам будет проще удостоверить наши личности и доказать, что свидетельства о нашей смерти были составлены по подложным сведениям и что мы не мертвы, а всего лишь безвременно отсутствовали. Да хорошенько запомни: мы вправе засвидетельствовать свое долгое отсутствие, потому как стали невольными жертвами заговора, и срок давности в таких делах не имеет границ, определенных законом для восстановления в правах того, кто признан безвестно отсутствующим.

– Точно знаешь?

– Совершенно точно. Вот почему, повторяю, важно действовать с самой крайней осторожностью: главное – чтоб ни одна живая душа не пронюхала, кто мы такие. Клички Онцилла и Кеклик вполне сгодятся для военного времени, так что пусть они послужат нам до поры до времени, пока не установятся новые порядки. А говорю я это еще и потому, что боюсь, как бы нам не вышли боком твои душевные разговоры с этим ничтожеством из Компании.

– Честное слово, дружище, еще раз повторяю, я не сказал ему ничего такого, что может навлечь на нас подозрения.

– Слава богу, коли так, брат! Но согласись, по какой-то непостижимой воле рока все наши планы, разработанные с таким тщанием, и все наши ходы, просчитанные с такой досконально-

стью, всегда проваливались по твоей вине, а вернее, по причине той легкости, с какой ты со свойственной тебе доверчивостью сходишься с людьми.

– Приношу повинную, брат, только я не считаю себя таким уж виноватым, каким ты меняставляешь.

В это время послышались громкие крики – возгласы ужаса и удивления. Внезапно проснувшиеся матросы, держась за релинги, испуганно разглядывали в море что-то такое, чего не могли заметить наши собеседники.

Испанские матросы в неописуемом страхе крестились и шептали молитвы; капитан и тот трясся всем телом, побелев, точно саван.

Искатели приключений, так ничего толком не добившись у матросов, бросились на корму и стали всматриваться в точку, привлечшую внимание экипажа. При виде открывшегося перед ними зрелища их обоих тоже пронизала дрожь.

В кильватере пироги то вверх, то вниз раскачивался человек, находившийся по пояс в воде; в причудливых отсветах луны он, казалось, бросал на моряков грозные взгляды. Его мертвенно-бледное лицо искажала гримаса невыносимой муки, – точнее, то был жуткий оскал, придававший ему выражение непередаваемой злобы. Временами казалось, будто человек этот скачет по волнам, потому как его выталкивало из моря всего целиком.

Человек этот, будучи живым, был привязан к мертвому телу, которое можно было разглядеть лишь в общих чертах, но особенно матросов изумляло и пугало то, что этот несчастный, казалось, неотступно преследовал пирогу.

Столь жуткая картина наблюдалась с четверть часа, после чего призрак вдруг подскочил, словно намереваясь ухватиться за борт пироги, а потом снова скрылся в пенных волнах и больше уже не всплыл.

Оба искателя приключений, подавив крик ужаса, отпрянули от борта и, бледные, растерянные, со взъерошенными волосами и холодным потом на лбу, не устояв на ногах, припали к стене рубки, едва переводя дух. В зловещем призраке они признали того самого службиста Вест-Индской компании, которого недавно склонили на свою сторону.

Что же случилось и вследствие какой беды этот человек, уже мертвый и связанный с другим мертвецом, оказался в открытом море и болтался на волнах Атлантики?

Это фантастическое видение, в котором, впрочем, не было ничего сверхъестественного и причину которого могут легко объяснить люди, знакомые с законами физики, произвело ужасающее впечатление на суеверных, невежественных испанцев, невольно ставших его свидетелями. Они усмотрели в нем недобрый знак.

Матросы начали перешептываться и делиться своими домыслами; вскоре, однако, двое наших собратьев заметили, что они-то сами и стали объектом пересуд среди экипажа, поскольку на них и были устремлены взгляды матросов, полные выражения, весьма далекого от дружеского.

Изменники – люди несчастные, и несчастье их соразмерно с совершенной ими изменой, и те, кто нанимает их и платит им со всей щедростью, не испытывают к ним ничего, кроме презрения и отвращения.

Матросы на «Сан-Хуане де Диос» прекрасно знали, зачем двое искателей приключений оказались у них на борту, и ни словом не обмолвились с ними за все семь-восемь часов плавания, стараясь держаться от них подальше; проще говоря, они объявили им бойкот.

Искатели приключений, по натуре своей чересчур спесивые, чтобы заводить знакомства и вызывать симпатию среди людей, которых они считали ниже себя, похоже, не замечали, что оказались в изгоях.

Теперь же для них все изменилось к худшему: их положение становилось даже угрожающим. Они поняли это, подслушав, о чем шепчутся матросы. А смекнув, что к чему, наконец решились и отправились к капитану.

Капитан был малый славный и достойный – настоящий морской волк, хотя при всем том невежественный, доверчивый и, быть может, даже более суеверный, чем все члены его команды, вместе взятые. К соображениям двух братьев он отнесся с явным подозрением, ибо, как и его матросы, был убежден: нагнавший на них жуть призрак явился неспроста и причина тому – их нахождение на борту.

Только лишь повинувшись приказу начальства, а не по своей воле согласился он взять на борт двух пассажиров, что не сулило ничего доброго.

– Сеньоры, – обращаясь к ним, сказал он без утайки, – такие, как вы, слишком тяжелый груз для приличного судна, и тут уж мои матросы правы.

Тем временем матросы, закончив совещаться, покинули нос судна и направились к капитану. Подойдя к рубке, они остановились, и один из них от имени всех своих товарищей потребовал выслушать его.

– Говори, сынок, – внял ему капитан. – Так с чем вы пришли?

– Капитан, – сказал матрос, – после того, что случилось, экипаж решил повернуть обратно в Гавану и всем скопом сойти с судна, ежели вы не согласитесь избавить пирогу от двух вероотступников, которых взяли на борт. Покуда они с нами, нас ждут великие напасти. Недавний случай – знак небес и веление избавиться от этой парочки, да поскорее. И наш долг как добрых католиков и верных короне испанцев повиноваться Божьей воле без лишних проволочек. Так что просим вас, капитан, принять на сей счет все необходимые меры.

– Вот видите? – обратился капитан к двум пассажирам.

– Но, капитан, – возразил Кеклик, – вы не можете бросить нас в открытом море. Мы находимся у вас на борту по приказу свыше. И тупая легковёрность экипажа для вас – не повод поступиться долгом.

– Нет надобности напоминать мне о долге, – сухо отвечал капитан, – я знаю его лучше любого другого. А требуя избавиться от вас, мои матросы делают это не из тупой легковёрности, как вы изволили выразиться, а по велению Неба, как истинные христиане. Да вы и сами знаете, сеньоры, Бог не посылает такие знаки без веской причины, ибо знает: всякий возлю-

бивший Его в простодушии своем да узреет их. И прошу вас, довольно нести вздор, ваши доводы неубедительны. Они свидетельствуют, что вам недостает веры, ибо вы попрали ее. И мы не желаем потворствовать вашей нечестивости.

Оба пассажира только пожали плечами и презрительно усмехнулись.

– И что вы намерены делать? – спросил Онцилла. – Надеюсь, не собираетесь выбросить нас за борт в угоду своим предрассудкам? Ведь это будет считаться жестоким злодеянием, и Бог не оставит его безнаказанным.

– Мне предстоит, – сказал капитан, – всецело удовлетворить праведное негодование моего экипажа и постараться примирить в себе чувство долга с гуманностью. А посему единственное, что мне остается, так это высадить вас в шлюпку с провиантом и оставить на милость Божью. Коли вы, как сами утверждаете, люди почтенные, всемогущая отеческая десница Провидения взметнется над вами и, по моему глубокому убеждению, с вами ничего не случится за те считанные дни, что вам придется проделать на веслах к цели своего плавания. А нет, так вам не останется никого винить, ибо в таком случае, почитайте, вас постигнет кара Божья.

Несколько невразумительная речь капитана, из которой матросы мало что уразумели, тем не менее произвела на них должное впечатление. Им хотелось только одного – избавиться от парочки авантюристов. Так что решение капитана они встретили на ура и, не дожидаясь его приказа, тут же кинулись спускать шлюпку на воду.

Двое братьев смекнули, что при столь единодушном волеизъявлении всякое сопротивление бесполезно. И, довольствуясь тем, что эти невежды не обошлись с ними того круче, смирились со своей участью с легкостью, которая если и не вызвала к ним жалости у сбитых с толку матросов, то, по крайней мере, заставила отнестись к ним с некоторым почтением. Словом, братьям пришлось покориться.

Испанские матросы, довольные скорым избавлением от попутчиков, которых они считали не иначе как отступниками и боялись (поскольку, останься они на борту, то, возможно, ввели бы их в искушение, сбив с пути истинного), без всякого сожаления погрузили в шлюпку не только провизию, необходимую для перехода, могущего продлиться, по их прикидкам, недели две, но и кое-что еще, что могло бы им пригодиться.

Онцилла с братом спустились в шлюпку.

Не успели они покинуть борт, как матросы с радостными криками «ура!» принялись размахивать шапками; потом одним ударом топора они перерубили перлинь, удерживавший шлюпку у борта пироги, и та, едва весла легли на воду, отвалила так быстро, что через некоторое время уже маячила еле различимой точкой на горизонте. А вскоре и вовсе скрылась с глаз испанцев, которые с такой поспешностью от нее избавились.

Между тем, пока происходили описанные выше события, развитие которых отняло у нас не так уж много времени, занялся день. Утро выдалось великолепное, море мало-помалу успокоилось, и легкий бриз, дувший с моря, обещал нетрудное плавание.

Шлюпка, в которую высадили наших искателей приключений, была крепкая – новенькая, легкая, юркая и достаточно вместительная. Управлять ею оказалось проще простого, благо она была оснащена как таргана, что обеспечивало ей хороший ход и вместе с тем завидную устойчивость на большой волне в штормовую погоду; словом, все это имело не последнее значение для двух наших героев, оказавшихся волею суеверных испанцев в отчаянном положении.

Первым делом братья поставили рангоут, привелись по ветру и подняли парус; потом, когда парус набух и шлюпка понеслась вперед, братья переместились на корму и, принявшись за сухари, продолжили разговор, так некстати прерванный появлением их мертвого сообщника, которое привело к тому, что их обоих изгнали с «Сан-Хуана де Диос».

– Да простит меня Бог! – сказал Онцилла. – Кажется, Небу было угодно нарушить все наши планы и сделать нас безропотными жертвами самых заурядных событий! Наше положение ничуть не улучшилось, а, напротив, стало хуже, чем было.

– Я не разделяю твоего мнения, – возразил Кеклик. – Не вижу, с чего бы вдруг наше положение стало хуже. Если позволишь откровенно поделиться своим мнением, я бы даже сказал, сейчас оно лучше, чем когда бы то ни было.

– Неужели потому, что мы убедились в трагической смерти того пройдохи и теперь нам нечего бояться, что он нас выдаст?

– Если бы только это, Онцилла, уже было бы кое-что. Да только я гляжу дальше. Думаю, тот мертвец, что плясал в кильватере пироги, как черт на веревочке, сослужил нам добрую службу. И вот почему. Признаться, я не был уверен, что нам удалось бы беспрепятственно сойти на французский берег Санто-Доминго. Флибустьеры – народ горячий и, главное, зоркий и хитрый, как обезьяны. У нас было девяносто шансов из ста, что пирогу захватили бы на подходе к Пор-Марго или Леогане. И тогда пиши пропало: суд был бы скор – нас бы вздернули без права на помилование заодно с испанцами.

– А что теперь? – ухмыльнувшись, бросил Онцилла.

– Теперь все обернулось по-другому. Если мы попадем в руки к испанцам, то предъявим им верительную грамоту от губернатора Кубы. Если же, напротив, что вероятнее всего, нам случится наткнуться на какое-нибудь флибустьерское судно, то мы – французские пираты, и будем круглыми дураками, коли не отведем им глаза и не докажем, что мы с ними одним миром мазаны.

– Все это замечательно и лихо закручено, да только сейчас мы в открытом море, в жалкой скорлупке и если и сможем куда добраться, так лишь до Санто-Доминго, а туда еще плыть и плыть. Ну а случись буря или ураган или ветер переменится, считай, нам крышка – так посреди Атлантики и сгинем от голода и жажды или потонем.

– О, ежели ты ставишь вопрос таким образом, ясное дело, твоя правда. Но у каждой медали есть обратная сторона. И по мне, так негоже опускать руки. Вместо того чтобы скулить, нужно, напротив, приложить все силы и бороться, что бы там ни случилось, иначе нам не выбраться из переплета, в какой мы угодили. Потом, ты же сам говорил – мы вроде как жертвы случая. Так что, ради бога, успокойся! Случай не оставит нас, и как знать, может, он еще готовит нам приятный сюрприз!

– О, блажен, кто верует с готовностью, почти с радостью сносить выпавшие на его долю напасти, даже самые горькие.

– Чего ты хочешь? Я в жизни такое пережил, что нынешние муки мне нипочем. Кажется, случись сейчас даже самая страшная беда, меня ничем не пронять. Страдание, как и счастье, не бывает неизбывным – со временем на все становится наплевать. Так же и со мной. Уж ты поверь, давай наберемся терпения, раз уж ничего нельзя поделать, и прислушаемся к испанцам: порой их устами глаголет истина. К примеру, Санчо Панса, оруженосец Рыцаря печального образа, частенько изрекал всякие премудрости, и среди прочего такую: «Когда случившееся уже не исправить, надобно с этим смириться, позабыв о грусти». И, по-моему, это единственный способ извлечь выгоду из нашего положения, ведь оно могло быть куда хуже, чем есть.

Минуло несколько дней, и с двумя нашими путешественниками не случилось ничего, что было бы достойно нашего внимания. Попутный ветер быстро гнал их шлюпку к Санто-Доминго. И скоро наши искатели приключений оказались в проливах.

С тех пор как их бросили в открытом море, они не раз замечали паруса, но те были слишком далеко, и наши герои вряд ли могли привлечь к себе их внимание на своем легком суденышке с парусом, похожим на крылышко зимородка, тем более что обращать на себя внимание им не очень-то хотелось. К тому же они вполне примирились со своей участью и отныне желали только одного – без приключений добраться до острова Санто-Доминго.

Между тем на подходе к проливам они стали глядеть в оба. Кому, как не им, было известно – именно в здешних водах флибустьеры, подобные хищным птицам, устраивали засады и нападали на испанские корабли, возвращавшиеся в Европу с богатыми грузами.

Они не хотели, чтобы их застали врасплох: прежде всего им было нужно, чтобы их признали за тех, за кого они себя выдавали, – Береговых братьев.

Было около половины пятого вечера. Для пущей верности наши герои убрали мачту и, взявшись за весла, принялись грести меж редких островков, миновать которые им следовало во что бы то ни стало. И вдруг на одном из них, примерно в миле прямо по курсу шлюпки, с наветренной стороны, они заметили длинный шест с какой-то тряпкой на конце.

Этот сиротливый шест, очевидно, служил сигналом бедствия.

Друзья бросили весла и стали совещаться, стоит ли идти дальше, но тут грянул ружейный выстрел, о чем свидетельствовала струйка дыма, которую они разглядели вдали, хотя шума не расслышали, – выходит, их заметили, а значит, настал час, когда им, как обычно говорят, предстояло все поставить на карту.

Они что было сил навалились на весла, держа прямиком к островку.

Вскоре друзья разглядели двух человек, выраженных, как и сами они, в Береговых братьев, – те жестами, похоже, указывали им верное направление, чтобы шлюпка могла беспрепятственно подойти к берегу, не наскочив на рифы.

Им понадобилось каких-нибудь десять минут, чтобы подойти к островку.

Первые слова, которыми наших друзей встретили те двое, были следующие:

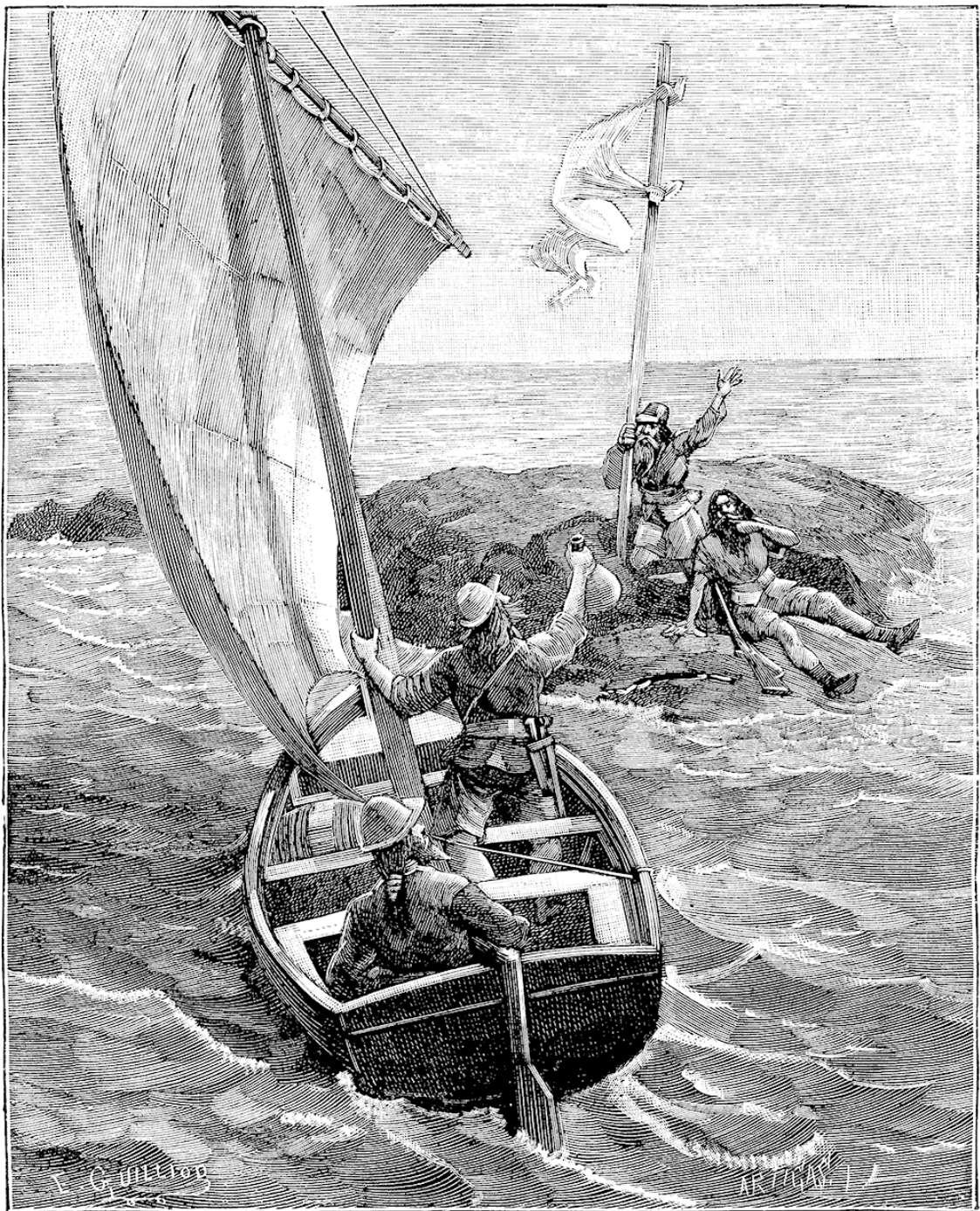
– Пить! Пить!..

Несчастные выглядели бледными и истощенными – у них как будто и впрямь совсем не осталось сил.

Онцилла с братом оказали им помощь, какую только могли; потом, вняв мольбам бедняг, они взяли их в шлюпку, уложили на дно и отвалили от берега.

Вскоре флибустьеры забылись тяжелым сном, не раз прерывавшимся за ночь; к утру же благодаря заботам, которыми их окружили, они почувствовали, что силы вернулись к ним, и смогли рассказать обо всем, что с ними приключилось и как они оказались на необитаемом острове, где наверняка погибли бы от голода и жажды, если бы их не подобрала шлюпка.

Старший из них, капитан Бартелеми, один из самых знаменитых флибустьеров на Тортуге, несколько дней назад вышел из Пор-Марго на легкой пироге с экипажем из сорока вооруженных до зубов человек, как он выразился, на охоту за испанцами.

Поначалу все складывалось благополучно. В тот же день он захватил два галиона, переправил на них часть своих людей и, отправив оба трофея в Пор-Марго, с десятью оставшимися товарищами опять затаился в засаде.

Через день, на рассвете его впередсмотрящий заметил парус. Флибустьеры не мешкая устремились в погоню, да только на сей раз им пришлось иметь дело не с галионами, а с шестидесятипушечным испанским кораблем, экипаж которого состоял из семисот человек.

Когда же флибустьеры смекнули, что дали маху, то решили спасаться бегством, но было уже слишком поздно: на них градом обрушились испанские пушечные ядра – и вскоре они почти все пали замертво либо были ранены. Наконец, последним бортовым залпом, более выверенным, испанцы разнесли их посудину в щепки, и не прошло и пяти минут, как она пошла ко дну.

Лишь ценой невероятных усилий капитану Бартелеми удалось добраться до островка, где его спустя какое-то время и обнаружили на пару с товарищем, которого он только и смог спасти из всего экипажа.

А посему Бог свидетель, сколь грандиозные планы мести замыслил сей достойный капитан против испанцев, и верный его собрат Питриан поддерживал их обеими руками.

Когда рассказ флибустьеров, неоднократно прерывавшийся непомерным заглыванием спиртного, подошел к концу, двое наших братьев сочли необходимым отрекомендоваться в свою очередь, поскольку для капитана Бартелеми их облачение, под стать Береговым братьям, еще ничего не значило. Все буканьеры были тесно повязаны друг с дружкой – и Бартелеми никак не мог припомнить, что где-то видел своих спасителей раньше или что-то слышал о них.

Тогда Онцилла взял на себя труд дать все необходимые объяснения.

– Было бы удивительно, любезный капитан, – сказал он, – если б вы или капитан Питриан видели нас раньше. Ведь мы прибыли на острова¹⁶ лишь года полтора назад и все это время обретались на Сен-Кристофере. И только несколько дней тому назад как уразумели – нечего там больше делать, ведь гавачо¹⁷ стали обходить те воды стороной, вот мы и решили податься на Тортугу. На скопленные деньжата купили эту посудину, оснастили ее, вышли в море и поплыли себе по воле волн. А пару дней назад ветер переменялся, мы сбились с курса, и вот нам представился случай оказать вам маленькую услугу.

– Черт возьми, маленькую услугу! – воскликнул капитан Бартелеми. – Стало быть, без вас мы с Питрианом подошли бы, как собаки, от голода! По рукам же, братцы, и запомните, отныне у вас есть друг, так что, случись какая нужда, можете на меня положиться!

– Два друга, – наставительно поправил Питриан. – Или я не в счет?

– Ну а пока вот что, – продолжал Бартелеми, – есть у меня два корабля, личная моя собственность, стоят в Пор-Марго. Так что, коли есть у вас нужда в деньгах, отвалю, сколько надобно.

– Нам оно не в тягость, – прибавил Питриан.

– Мы с братом благодарим вас за столь сердечное предложение, – сказал Кеклик, – да только кое-какие сбережения после покупки лодки у нас все еще остались. Пояса у нас, божьей милостью, распирает от испанского золота, и мы не будем вам в тягость. Хотя, впрочем, оказать нам одну услугу вы сможете, ежели, когда доберемся до берега, представите нас своим друзьям, чтоб мы и для них стали братьями. Знайте, мы всей душой разделяем вашу ненависть к испанцам и в случае чего сумеем доказать это на деле.

Спустя пару дней шлюпка, командование которой Бартелеми взял на себя, пристала к берегу в бухточке, расположенной в семи-восьми лье от Пор-Марго. Капитан Бартелеми, будучи самолюбивым и к тому же глубоко уязвленным постигшей его неудачей, не хотел идти напрямик в Пор-Марго, благо спутники против его воли не возражали. Да и какая им была разница, где высаживаться на берег: главное – они благополучно добрались до Санто-Доминго.

Случай, благоволивший двум братьям после того, как их ссадили с пироги, не обманул их надежд и теперь, – напротив, он даже восполнил их с лихвой.

Не успели флибустьеры ступить на твердую землю и, надежно спрятав шлюпку в прибрежных зарослях, собраться в путь по направлению к Пор-Марго, как вдруг неподалеку от того места, где они высадились, послышался шум, а вскоре ему уже вторили выстрелы и угрожающие крики.

– О-о, – воскликнул Бартелеми, поведя носом и словно втягивая воздух, – да тут, похоже, каша заваривается! А ну-ка, пойдем глянем!

¹⁶ Имеются в виду Антильские острова.

¹⁷ *Гавачо* (чужак, грязный оборванец, негодяй) – презрительное прозвище испанцев.

Повторять призыв не было необходимости. Спутники Бартелеми бросились вслед за своим предводителем и скоро заметили буканьера: он держал ружье за дуло и, как дубиной, размахивал им над головой с поразительной силой и не менее удивительной ловкостью, храбро и не без успеха отбиваясь от десятерых испанцев; те окружили его и намеревались не то прикончить, не то схватить.

Буканьер же отвечал на их угрожающие крики самыми оскорбительными насмешками, не переставая при этом защищаться с удвоенной силой.

Вот уже несколько испанцев, более или менее серьезно раненных, лежали на земле. А неожиданно подоспевшая к флибустьеру подмога тотчас изменила перевес в стычке.

Испанцы дали деру, оставив своих поверженных сородичей, так что победителями на поле брани остались флибустьеры.

Однако ж самым странным в этой заварухе было то, что береговой брат, чудесным образом спасенный собратями, вдруг с яростью накинулся на своих спасителей.

– Подите прочь, черт бы вас побрал! – завопил он. – Дайте мне самому проучить этих мерзких гавачо, чтоб больше неповадно было отрывать почтенного человека от трудов праведных. Право слово, друзья, или вы сомневаетесь, что я в одиночку не одолел бы этих нищих негодяев?

Со знанием дела добив прикладами все еще хрипевших раненых, флибустьеры наконец сумели урезонить своего не на шутку разбушевавшегося товарища, оказавшегося на поверку не кем иным, как капитаном Монтобаном. После того как с представлениями и приветствиями было покончено, они впятером направились в Пор-Марго, посмеиваясь меж собой над приключением капитана, который шел на любовное свидание, а угодил в засаду к испанцам.

Через два часа они были на месте.

Как и предвидел Кеклик, случай благоволил двум братьям в том смысле, что они прибыли на Санто-Доминго не чужаками и что, даже еще не успев попасть в гавань, наводненную Береговыми братьями, они уже принадлежали к их числу, оказавшись среди могущественных и верных друзей.

Глава II

Каким образом капитан Дрейф отрекомендовался господину де Лартигу, капитану корабля его величества Людовика XIV

Давайте оставим на время Береговых братьев на Санто-Доминго, куда мы еще не преминем вернуться, и отступим на несколько шагов назад, дабы рассказать о событии, произошедшем в тех же водах за три дня до того, как двух наших знакомых искателей приключений бросили в открытом море испанцы с пироги «Сан-Хуан де Диос», то есть в ночь с 12 на 13 июля 1674 года.

Итак, той ночью, а вернее, около трех часов утра французский военный корабль лавировал на траверзе острова Куба, милях в пятнадцати от побережья. Ветер дул довольно сильный; свободные от вахты матросы, которым не было нужды травить или подбирать брасы и шкоты, сбились тут и там в кучки на шкафуте; некоторые спали, другие негромко разговаривали, расхаживая свойственным морякам мерным шагом.

Вдруг с марса фок-мачты послышался пронзительный крик:

– Корабль!..

При таком оповещении, всегда долгожданном на военных кораблях, матросов тут же словно молнией пронзило.

– Тихо! – скомандовал в рупор вахтенный офицер. И, живо натянув плащ, не мешкая взобрался на верхушку кормовой надстройки.

– Эй, на марсе! – окликнул офицер.

– Эй, на палубе! – крикнул в ответ впередсмотрящий.

– Видишь парус?

– Аж целых два, господин лейтенант.

– Курс?

– Справа по борту, прямо по курсу. Следуют тем же галсом.

– Отлично. Корабли военные?

– Точно не скажу, господин лейтенант, во тьме не разглядеть, но похоже на то.

– Большие?

– Что до размеров, господин лейтенант, никак не меньше нашего.

– Гляди в оба, мой милый, особенно следи за их курсом!

– Могли бы и не предупреждать, лейтенант, будьте спокойны!

– Господин де Керсэн, – обратился вахтенный офицер к младшему офицеру-добровольцу, стоявшему на верхней палубе на юте, – доложите капитану, что прямо по курсу видим два больших корабля, судя по всему военных.

– Я мигом, лейтенант, – отдав честь, ответил молодой человек.

И тотчас исчез во чреве корабля.

Прошло несколько минут, в течение которых матросы обменивались меж собой всевозможными догадками и предположениями.

– Что там у вас, господин де Помре? – бодрым голосом осведомился капитан, появившийся на палубе полуодетым.

– Видим два крупных корабля, капитан.

– А ну-ка, дайте поглядеть! – сказал капитан, взяв из рук офицера галилееву подзорную трубу, которую тот ему протянул, и впился взглядом в подозрительные корабли.

Господин де Лартиг, командир корабля четвертого ранга «Непоколебимый», был достойным офицером лет сорока пяти, с волевыми чертами и приветливым выражением лица, любимчиком экипажа и превосходным моряком.

– Кажется, – проговорил он, – это те самые корабли, что мы ищем.

Он выпрямился, обвел горящим взором окружающих и прибавил:

– Постараемся же исполнить наш долг, как и подобает! Да здравствует король!

– Да здравствует король! – вторили ему все, кто теснился на палубе и на юте.

– Будем готовиться к бою, и немедленно, – продолжал капитан. – Общая тревога!

– Тревога! – тут же повторил следом за ним старший боцман.

В XVII веке подобная команда означала и боевую тревогу, на которую она была заменена уже в наши дни.

Корабль как будто содрогнулся всем корпусом от клотиков мачт до киля – и совершил крутой маневр, изменив генеральный курс.

Пронзительно засвистали боцманские дудки; загрохотали барабаны; зазвонила рында; грянули трубы; подвесные морские койки, или коечные сетки, были сдернуты, скатаны и извлечены на палубу вместе с рундуками – своеобразными корзинами, в которых матросы хранят свои пожитки. Коечными сетками и рундуками заткнули просветы между релингами, соорудив из них заслоны против картечи и мушкетных пуль; потом эти заслоны красоты ради покрыли изящной синей тканью, расшитой золотыми лилиями.

Когда восстановилась тишина и каждый занял свой пост, капитан спустился с юта на шканцы, чтобы наскоро произвести смотр экипажа и самолично проверить, готовы ли мушкеты к стрельбе, полны ли патронташи зарядов, остры ли шпаги, топоры, протазаны и алебарды.

Закончив смотр, капитан подал сигнал, тут же подхваченный свистком главного боцмана и возвестивший о начале молебна. И действительно, следом за тем на палубу в сопровождении слуги с бренчащим колокольчиком чинно вышел статный старик в стихаре и с епитрахилью на шее; лицо у него казалось мрачноватым, лоб был открыт, седые усы вздернуты кончиками кверху.

Офицеры, солдаты и матросы почтительно преклонили перед ним колени и перекрестились.

И вот судовой священник начал молебен с библейской строфы, которую экипаж подхватил нараспев и дружно – истинно по-военному. Засим святой отец произнес по-бретонски короткую речь, выслушанную всеми с большим воодушевлением; потом он затянул так же нараспев: *salvum fac regem...*¹⁸ на что экипаж отвечал: *Amen*¹⁹, после чего все разошлись по своим боевым постам.

Было около трех часов утра. «Непоколебимый» нагонял неизвестные корабли и уже шел на сближение – все говорило о том, что на восходе солнца завяжется бой. Желая как-то приободрить экипаж, капитан распорядился, чтобы баталер выдал каждому по пайку – в счет завтрака, по чарке неразбавленного вина и по восемнадцать унций сухарей.

Время поджимало. Все ели стоя, сгрудившись возле котелков. Младшие офицеры даже не удосужились сдобрить причитающуюся им по штату селедку выданным к ней маслом. Так что с завтраком было покончено в считанные минуты.

И вот уже главный старшина засвистал в дудку и скомандовал:

– Сыпь соль!

¹⁸ Вернее, Domine, salvum fac regem... (лат.) – десятая строфа из 19-го псалма, полностью звучащая в переводе так: «Господи! Спаси царя и услышь нас, когда будем взывать к Тебе».

¹⁹ Аминь (лат.), то есть «верно», «истинно».

По команде человек пятнадцать матросов кинулись к люку, куда перед тем снесли множество корзин с солью крупного помола; они опорожнили корзины, рассыпали соль по всей палубе, и вскоре та покрылась как будто плотным слоем мелкого града.

В эту минуту одному из матросов-наблюдателей на площадке перед бушпритом послышался прямо по курсу легкий всплеск. Он перегнулся через борт, желая удостовериться, что не ошибся, как вдруг громкий голос, раздавшийся, словно из морской пучины, грянул по-французски:

– Эй, на «Непоколебимом»!

– Эй, вы там! – прокричал в ответ матрос. – Кто нас кличет?

– Франция! Пирога с Санто-Доминго!

Капитан, слышавший эту короткую переключку, что-то шепнул вахтенному офицеру.

– Убрать грот! – скомандовал тот в рупор. – Руль лево на борт! Грот-марсель вывести из ветра!

Матросы бросились к гитовым и брасам – и через несколько мгновений корабль, осаженный на полном ходу, застыл как вкопанный бортом к волне.

– Эй, на пироге! – крикнул офицер.

– Эй, на корабле! – тут же последовал ответ.

– Дайте-ка задний ход и швартуйтесь правым бортом. Сейчас бросим вам конец!

Кто-то из матросов схватил швартов и, держа его в руке, спрыгнул на руслень; когда же легкое суденышко поравнялось с кораблем, он бросил конец, который моряки на пироге подхватили на лету, прочно закрепили его на носу своего судна и, ловко перебирая руками, подтянули его к борту корабля.

Через несколько минут четверо или пятеро человек с пироги, словно кошки, вскарабкались по борту корабля и вслед за тем скорее перемахнули, чем перелезли, на его палубу.

Экипаж пироги состоял из дюжины человек; семеро остались на ее борту следить, чтобы она не ровен час не опрокинулась, ударившись о мощный борт корабля.

Люди, объявившиеся столь странным образом на борту французского корабля, заслуживают нашего особого внимания. Четверо из них были высокого роста, с резкими, даже грубыми чертами лица и свирепым взглядом, в котором угадывалась непоколебимая воля. Были они сухощавы и мускулисты и явно обладали недюжинной силой; их смуглая кожа, словно выдубленная дождями, солнцем, ветром и морской водой, казалось, прилипла к костям, плотно обтянув выпуклые мышцы, толстые, как канаты, и твердые, как железо.

Одеты они были не менее странно, чем выглядели: лишь короткие холщовые куртки и такие же штаны, доходившие до середины бедер. Впрочем, определить, точно ли платье у них было из холстины, можно было, лишь рассмотрев его чуть ли не в упор, поскольку оно было сплошь замызгано кровью и жиром, отчего сделалось непромокаемым и обрело рыжеватый оттенок. У троих волосы стояли торчком, у других же они были перевязаны ремешками из змеиной кожи; на головах – невысокие шляпы с обрезанными по бокам полями, нависавшими спереди наподобие козырьков; у каждого с левого бока – переброшенная через правое плечо, туго скатанная холщовая палатка; у всех – густая и длинная, по грудь, борода; на рыжего цвета кожаных поясах – ножны из крокодиловой кожи, и в них – по четыре широких и острых ножа, по штык-тесаку, а с левого бока еще и абордажный топор, зарядная сумка из бычьей кожи и калек²⁰, заполненный порохом и закупоренный воском. Кроме всего прочего, в руке у каждого было по ружью длиной четыре с половиной фута, отличавшемуся поразительной точностью стрельбы; такие ружья были специально изготовлены для обитателей островов двумя distinguished оружейниками, которых те же островитяне так и звали: Гелен из Нанта и Браши из Дьепа.

²⁰ Калекбас – сосуд из тыквы.

Эти люди были буканьерами, или Береговыми братьями, – их появление стало полной неожиданностью для офицеров и матросов «Непоколебимого», часто слышавших об этих молодцах, поскольку слава о них гремела на весь белый свет, но ни разу их не видевших воочию. Поэтому экипаж корабля глядел на них во все глаза, к чему буканьеры, отдадим им должное, отнеслись с совершенным безразличием, а вернее, с глубоким презрением.

Предводитель буканьеров являл собой их полную противоположность. То был мужчина лет пятидесяти, роста выше среднего, крепкого сложения и наделенный незаурядной силой. Длинные светлые волосы и чуть тронутая сединой рыжеватая борода, обрамлявшая лицо, придавали его заостренным чертам еще больше резкости, очень напоминая львиную гриву. Хотя он, казалось, и впрямь обладал завидной силой, а движения его были резковаты и порой отрывисты, осанка и манеры у него отличались врожденным изяществом, по которому в те времена можно было с первого же взгляда угадать человека благородного.

Его наряд, как сказали бы мы сегодня, выглядел в высшей степени оригинально, если не экстравагантно, но, что бы там ни было, он придавал его носителю неподражаемую пластичность и легкость.

На нем был суконный камзол, сплошь расшитый золотом; на темно-красной узорчатой и золотом же отороченной португее висела широкая шпага; кружевное жабо держалось на огненного цвета ленте, отливавшей всеми цветами радуги поверх жилета, едва прикрытого лацканами богатого камзола; его мягкие черные сапоги заканчивались сверху отворотами, обшитыми фландрским кружевом с заостренными фестонами. В руках он держал так же расшитую золотым узором шляпу, увенчанную парой длинных перьев, ниспадавших справа на отогнутые наполовину поля.

Хотя ему доставало разве только белокурого парика с волнами крупных завитушек, украшенных лентами, который он, впрочем, не носил, очевидно, из чувства презрения, его и без того чересчур фасонистому наряду запросто позавидовал бы любой тогдашний щеголь.

Итак, наш новый, странного вида герой шагнул к капитану, который в свою очередь сделал несколько шагов ему навстречу. Они обменялись учтивыми приветствиями, после чего незнакомец снова водрузил шляпу себе на голову, и между ними завязался разговор, который капитан предварил приказом, адресованным вахтенному офицеру, дабы тот распорядился угостить буканьеров прохладительными напитками, что со стороны последних было встречено с восторгом.

Между тем экипаж переместился в носовую часть корабля; офицеры из уважения к капитану тоже отошли в сторонку, так что господин де Лартиг и его чудной гость, оставшись одни на юте, могли беседовать совершенно спокойно, не боясь, что их услышат.

Разговор начал французский капитан.

– Добро пожаловать на борт корабля его величества «Непоколебимый», сударь, – любезно сказал он.

– А ведь вы совсем не ждали меня в гости, не так ли, господин капитан? – с улыбкой отвечал незнакомец.

– Признаться, да, сударь, но это не мешает мне повторить приглашение: добро пожаловать!

– Благодарю за теплые слова, сударь.

– Не будет ли нескромностью с моей стороны осведомиться, что именно привело вас ко мне на борт в столь ранний час?

- Ничуть, сударь. Всего лишь простое желание доставить вам удовольствие.
- Благодарю вас в свою очередь, сударь, и тем не менее я не совсем понял...
- Могу ли я оказать вам услугу? – прервал капитана незнакомец с самым добродушным видом.
- Опять же что-то не пойму я вас, сударь, – упорствовал господин де Лартиг.
- Сейчас объясню. Дело в том...
- Простите, что перебиваю вас, но прошу оказать мне милость и проследовать со мной на ют, в мою каюту! Там с глазу на глаз да за бутылочкой французского вина мы сможем поговорить более душевно.
- Охотно принимаю ваше любезное предложение, сударь, но вы поступите благоразумно, если прежде прикажете зачехлить пушки и отослать экипаж на нижние палубы.

– Как же так, сударь? – удивился капитан. – Отдать подобный приказ, когда у нас в виду два судна, и, несомненно, вражеских! Это невозможно!

– Одно из них и впрямь было вражеское, сударь. Теперь же вовсе нет, уверяю. Взгляните-ка! Пока вы ложились в дрейф, они повернули на другой галс и подошли к вам. Они повторили ваш маневр, убрали паруса и оказались под огнем ваших пушек.

– И то верно, – согласился капитан, после того как наскоро оценил на глаз положение обоих кораблей. – И что это значит?

– Я же говорю, сударь, это друзья.

– Друзья? Вы уверены?

– Клянусь честью!

– Можно еще одно слово, сударь?

– К вашим услугам, капитан.

– Так с кем я имею честь говорить?

– Я капитан Дрейф, – просто отрекомендовался незнакомец, как будто столь необычного прозвища было вполне довольно.

– Знаменитый буканьер, чье имя сродни славе Монбара, Лорана и Медвежонка Железная Голова! – воскликнул господин де Лартиг то ли с изумлением, то ли с восхищением.

– О, сударь, – благодушно отвечивал буканьер, – не столь уж я знаменит, как те, кому вы соблаговолили меня уподобить. Куда уж мне до них!

– Не скромничайте, любезный капитан. Пожалуйте вашу руку!

– Держите, сударь. Однако не слишком ли много мне чести?

Капитаны обменялись горячим рукопожатием.

Засим, к всеобщему недоумению, господин де Лартиг приказал дать отбой боевой тревоге, привести все в обычный порядок и оставить на верхней палубе только вахтенных.

Покуда офицеры, так и не уразумевшие причину странного поведения капитана, спешили исполнить его приказы, тот увлек Дрейфа на ют, сказав ему с учтивой улыбкой:

– Как видите, дорогой капитан, я не преминул последовать вашему совету.

– Вы не пожалеете, что оказали мне доверие, господин де Лартиг.

– Так вы меня знаете, сударь?

– Как и ваш доблестный корабль, капитан.

Вестовые господина де Лартига накрыли стол в капитанской каюте, выставив всевозможные прохладительные напитки. Командир корабля с предводителем буканьеров разместились за столом, господин де Лартиг наполнил бокалы, и, сдвинув их, они выпили.

– Вы позволите, капитан? – спросил буканьер, доставая трубку.

– Нисколько не стесняйтесь, капитан. Запах табака не доставляет мне ни малейшего неудобства, напротив, даже нравится.

– Что ж... – проговорил Дрейф.

Он набил трубку, раскурил и тут же почти весь исчез в густом облаке табачного дыма.

– А теперь, капитан, – сказал командир корабля, – давайте, с вашего позволения, продолжим наш разговор с того места, на котором мы остановились.

– Охотно, капитан. Ваше здоровье! Какая прелесть это анжуйское!

– И ваше, капитан! Да вы знаток!

– Немного. Гм!

– Итак, по-моему, вы упомянули об удовольствии, которое намерены мне доставить.

– Вот именно. Пару недель назад господин д'Ожерон, наш губернатор...

– И один из самых добрых моих друзей, – дополнил командир корабля.

– Надеюсь. Так вот, господин д'Ожерон бесцеремонно напросился ко мне на обед в Пор-Марго, что он частенько себе позволяет, желая засвидетельствовать мне свою дружбу. Но в этот раз он руководствовался куда более серьезной причиной. В то утро в порт зашло судно

Компании с депешами для губернатора от господина де Кольбера²¹. Судно шло на всех парусах, ибо депеши были наиважнейшие: в них сообщалось, что король Людовик Четырнадцатый, да хранит его Бог, объявил войну Испании.

– Как! – вскричал командир корабля. – Испании объявлена война?

– Да, сударь, вот уже как два месяца. Впрочем, неудивительно, что вам о том ничего не известно, ведь вы уже с полгода как бороздите здешние воды.

– О боже! Вот так новость! Искренне благодарю вас, капитан.

– Не мне следует адресовать ваши благодарности, капитан, а господину д'Ожерону.

– Но ведь эти вести доставили вы!

– По его приказу. Вот суть дела в двух словах. Господин д'Ожерон, ваш друг, что он успешно доказал в сложившихся обстоятельствах, памятуя о том, что вы находитесь в этих водах, проявил большую озабоченность по отношению к вам, поскольку в проливах Мексиканского залива так и шныряют испанские крейсера. А посему важно было предостеречь вас как можно скорее. К сожалению, сейчас на Санто-Доминго не осталось ни одного корабля: все наши компаньоны вышли в море.

– Положение и правда критическое.

– Господин д'Ожерон тоже так считал, но я успокоил его за пять минут. «У вас нет кораблей, – сказал я ему, – зато у нас остались барки. Готовьте депеши, я выхожу в море нынче же ночью». Губернатор знает меня. Он пожал мне руку, мы обнялись и на том и порешили. Через час я купил пирогу, и вот она уже покачивается у борта вашего корабля. Нанял человек двадцать пять из числа Береговых братьев, старых своих знакомцев, и в тот же вечер, после того как господин д'Ожерон снабдил меня депешами, мы вышли в море, и вот я перед вами.

– Невероятно! – воскликнул командир корабля. – Только буканьеры и способны на такое!

– Полноте, капитан, вы шутите! Просто морская прогулка, – полушутя-полусерьезно сказал буканьер и, улыбнувшись, осушил свой бокал.

– Гм! Ничего себе прогулка! А как же те два корабля?

– Ах да, совсем забыл про них!

– Они-то чьи?

– Один, что поменьше, корабль Вест-Индской компании, шел в Пор-Марго и на траверзе Сен-Кристофера захватил другой, что побольше.

– А тот?

– Тот – испанец.

– Как испанец?

– Ну да. И побольше «Непоколебимого» будет. Этот великолепный корабль только месяцев пять как сошел с верфей Эль-Ферроля. Представляете, капитан, прощаясь с господином д'Ожероном, я сказал: «Не поздоровится первому же гавачо, что попадется мне в когти. Я разменяю его на мою пирогу, будь он хоть о трех палубах». И как в воду глядел!

– Что? Вы захватили этот самый корабль?

– Боже мой, ну да, – невозмутимо отвечивал буканьер.

– С вашим экипажем числом всего-то двадцать пять человек?

– Ну конечно! У меня же не было времени возвращаться за подмогой. Да и испанец вряд ли стал бы меня дожидаться.

– Черт возьми! Это ж переходит все грани возможного!

– Отчего же?

– Так ведь, если не ошибаюсь, на этом корабле семьдесят четыре пушки да восемьсот человек экипажа!

– Ну и что.

²¹ Жан Батист Кольбер (1619–1683) – генеральный контролер финансов при Людовике XIV с 1665 г.

– И вы его захватили?

– О чем имею честь вам сообщить.

– Но как вам удалось?

– О, честное слово, капитан, очень просто!

Достойный капитан де Лартиг и сам обожал это выражение – оно не сходило с его уст.

– Раз у вас все так просто, капитан, может, поделитесь своим секретом?

– Весьма охотно, коль это доставит вам удовольствие.

– Так расскажите же! Расскажите!

– В общем, да будет вам известно, как-то ночью, дней через десять после выхода из Пор-Марго, плыли мы себе по воле волн, и тут в крошечной мгле мою пирогу занесло в те же воды, где обретался этот самый корабль. Море – как масло, ни тебе мало-мальского ветерка. Корабль их тяжело переваливался с борта на борт; паруса на нем безжизненно свисали вдоль мачт, точно тряпки. И тогда мне пришла в голову одна мыслишка, благо, насколько я знаю, гавачо – еще те сони-лежебоки. У них на борту не было слышно ни единого шороха. Я посоветовался с товарищами – они у меня смекалистые и живо сообразили что к чему. Мы потихоньку убрали на пироге парус, спустили весла на воду и бесшумно подошли к испанцу с кормы. По кормовому срезу двадцать три моих молодца в мгновение ока перемахнули на палубу; двоих же я оставил приглядывать за пирогой. Расчет был верный. Лежебоки-гавачо дрыхли, как сурки, и офицерам с капитаном мы перерезали глотки так, что они и пикнуть не успели. Когда с ними было покончено, я поднялся на мостик – их вахтенные тоже дрыхли без задних ног. Тогда я велел задрать все люки и, после того как мы выбросили за борт офицера с рулевым, с нашим боевым флибустьерским кличем да с топором в руке вместе с остальными кинулся на этих сонь. Этих бедняг мы тоже застigli врасплох, и они, решив, как видно, что на них напало целое полчище демонов, сдались нам без всякого сопротивления и дали себя разоружить.

– Но ведь половина их экипажа, – с живейшим интересом предположил капитан де Лартиг, – наверняка все еще оставалась на нижних палубах?

– Вот-вот. Они там внизу очухались и ну орать наперебой! На наше счастье, они не знали, сколько нас. Думали, мы огромная силища. К тому же гавачо боятся флибустьеров, как черти ладана. Хватило бросить им трупы капитана и офицеров да пригрозить, что взорвем их корабль, и они присмирели, словно агнцы. И гуськом стали выбираться на верхнюю палубу. Там мы их по очереди связали по рукам и ногам, а рты им позатыкали кляпами, чтобы они не подняли тревогу, потому как кое-кто из них все же остался внизу. Но больше всего нас позабавило то, в какую бешеную ярость впали эти безмозглые, когда прознали, что позволили захватить себя горстке флибустьеров из двадцати трех человек.

– Оно и понятно.

– Ну и потеха же была, умрешь со смеху! Но самое забавное в этой истории то, что я-то думал захватить один корабль, а прихватил аж два. «Сантьяго», это название испанца, за день до того завладел по случаю кораблем Компании и преспокойно вел его на Кубу. А тут, на его беду, откуда ни возмись, я собственной персоной смешал ему все карты.

– А что вы сделали с экипажем, капитан?

– Часть заковал в железо прямо на корабле Компании, а остальных держал на борту «Сантьяго». Как же они мне надоели, капитан! Не спеши я на встречу с вами, уже б давно от них избавился.

– Каким же образом?

– По-буканьерски.

– То есть?

– Вздернул бы на реях, как гилянды, а нет, так выбросил бы за борт, – с самым благодушным видом пояснил флибустьер.

– О, капитан! – в ужасе бросил командир «Непоколебимого».

– Вы удивлены? С чего бы вдруг? Монбар только так и поступал, и не без удовольствия.
– Возможно, капитан, да только мы имеем честь служить его величеству и не вправе прибегать к столь... опрометчивым методам.

– Тем не менее они получше прочих. Если угодно, капитан, каждый глядит на жизнь со своей колокольни.

– Послушайте, любезный капитан, – с улыбкой заметил господин де Лартиг, – мне предстоит произвести кое-какой ремонт и пополнить запасы. Так что я готов препроводить вас в Пор-Марго.

– Никак невозможно.

– Это еще почему?

– Потому что вы не получите там столько воды, сколько вам нужно. Придется следовать в Леоган.

– Хоть бы и в Леоган, без разницы.

– Идет.

– Не хотите ли вы перепоручить мне ваших пленников, чтобы я распорядился ими по своему усмотрению?

– Перепоручить их вам, капитан, да ради бога! Однако ж на то, чтоб вы распоряжались ими по-своему, я пойти не могу.

– Вы мне отказываете?

– Никоим образом, просто должен вам заметить, что они не только мои пленники.

– А чьи же еще?

– И моих компаньонов.

– Что вы хотите этим сказать?

– Их придется продать в рабство.

– Так вы же хотели их повесить?

– Это совсем другое дело!

– Что-то я никак не возьму в толк.

– Да это ж проще пареной репы. Мы так ненавидим этих презренных гавачо, что удовольствие их вздернуть с лихвой покроет нам убытки, что мы понесем, ежели они помрут.

– Надо же, никогда бы не подумал! – воскликнул командир «Непоколебимого», расхохотавшись от души. – А вы, буканьеры, и правда не лыком шиты.

– Да уж, а чего вы хотели! У нас так мало развлечений, что грех не потешиться, коли подвернется такой случай.

– Вы рассуждаете просто восхитительно, любезный капитан, но позвольте с вами не согласиться. И, с вашего позволения, давайте поручим господину д'Ожерону решить наш спор?

– Как вам будет угодно, капитан.

– Ну что ж, на том и сойдемся, пусть он сам назначит цену на товар.

– По рукам.

– А что до корабля, которым вы так блестяще завладели, капитан, я полагаю, господин д'Ожерон живо нас рассудит.

– Тем более, капитан, что это оговорено морскими указами и законом, а значит, не о чем и беспокоиться.

– Остается только корабль Компании, на который вы, конечно же, претендуете по праву собственности на вещи, оставленные в море.

Дрейф одобрительно кивнул.

– Я переправлю ваших пленников к себе на борт, и мы двинемся в Леоган, – продолжал командир «Непоколебимого».

– Благодарю, что избавляете меня от этих дармоедов, да и потом, за ними нужен глаз да глаз, а у меня не так уж много людей.

– И то верно. Я к вашим услугам, дорогой капитан, во всем, что может вас порадовать, и, если нужно, могу предоставить вам в помощь человек двадцать матросов.

– В этом нет нужды, капитан, примите тысячу моих благодарностей. Я нашел среди экипажа корабля Компании, и даже пассажиров, несколько человек добровольцев, так что с их помощью до берега мы уж как-нибудь дотянем.

– Как угодно, капитан. Дайте сигнал, когда будете готовы, и двинемся дальше.

– Позвольте заметить, капитан, но это было бы не совсем уместно! – горячо запротестовал Дрейф. – Вы командуете кораблем его величества, вы старший офицер, и этих двух причин вполне достаточно, чтобы я решил, как мне следует поступить.

– Что вы хотите этим сказать, любезный капитан? Сдается мне, вы человек свободный и вольны распоряжаться собой по своему усмотрению.

– Возможно, капитан, но я прежде всего верноподданный его величества и везде, где бы ни оказался в компании одного из его офицеров, считаю своим долгом не отдавать приказы, а получать их от него.

– Однако, капитан...

– Простите меня за мое упорство, но дело намного серьезней, чем вы, верно, полагаете. С вашего позволения, мы пойдем эскадрой. До Санто-Доминго я всего лишь ваш подчиненный, и ничто не заставит меня поступить иначе, к тому же того требуют условия нашей общей безопасности.

– О-о, по-моему, это уже чересчур, капитан! – рассмеялся господин де Лартиг. – В своей галантности вы доходите до крайности.

– Вовсе нет, капитан. Я имею честь сообщить вам, что в здешних водах полно неприятельских крейсеров, а мы сейчас находимся аккурат в этих водах. Ежели нас атакуют, что в конце концов не исключено, хотя от этих презренных гавачо больше шума, нежели толка, у нас должен быть один командир, чтобы мы действовали заодно. Единое командование утроит наши силы, и мы запросто одолеем врагов, сколько бы их ни было. А ежели будем сами по себе, пиши пропало.

– Вы правы, как всегда, дорогой капитан. Более здраво наше положение, пожалуй, трудно оценить. Что ж, уступаю вашему желанию. Пойдем эскадрой, – прибавил он с усмешкой, – и несладко придется тому, кто дерзнет оказаться у нас на пути.

– Согласен, – благодушно заметил Дрейф.

– Ладно, еще по бокалу доброго анжуйского, и за дело!

– Превосходно, капитан, – сказал буканьер, осушая свой бокал. – Ваше здоровье!

– И ваше, капитан!

Когда они уже было встали, опрокинув каждый, как говорится, свой бокал на ноготь, дверь в каюту отворилась – на пороге стоял офицер со шляпой в руке.

– Что вам угодно, господин де Помре? – спросил командир «Непоколебимого».

– Командир, на самом большом корабле уже несколько минут подают какие-то сигналы, но мы не можем их распознать, – почтительно отдав честь, доложил офицер.

– Что ж, – заметил Дрейф, – неудивительно, ведь у нас другая сигнальная система, совсем не то, что у вас. Сигналят, как видно, мне. С вашего позволения, капитан, думаю, было бы неплохо пойти и взглянуть, что там такое.

Офицер и капитан с буканьером вышли из каюты и поднялись на ют.

Наступил день; три судна лежали в дрейфе на расстоянии пистолетного выстрела друг от друга, грациозно покачиваясь на легкой волне.

Как и докладывал своему командиру господин де Помре, «Сантьяго» непрерывно подавал странные сигналы флагами.

Дрейф какое-то время присматривался к ним, потом повернулся к Лартигу: брови у него были нахмурены, лицо – серьезно.

– Я вынужден немедленно вернуться на свой корабль, господин капитан, – сказал он. – Там что-то происходит, а вернее, как я догадываюсь, уже произошло. Я и сам не разберу эти сигналы, уж больно они невнятные, но на борту «Сантьяго» явно творится неладное. Могу я рассчитывать на вашу помощь, ежели случилось то, о чем я подозреваю?

– Конечно, дорогой капитан, вы можете на меня рассчитывать. Так не пора ли заняться перегрузкой пленных?

– Не вижу тому никаких препятствий, капитан, и чем скорее, тем лучше.

– Прекрасно, сейчас прикажу спускать шлюпки.

Дрейф взял золотой свисток, висевший у него на шее, и дважды свистнул на свой лад.

Перед ним тут же предстали буканьеры, которых моряки «Непоколебимого» потчевали самым радушным образом.

– Готовы? – спросил Дрейф.

– Да, командир, – в один голос отвечали те.

– Тогда швартуйте пирогу и грузитесь по двое!

Флибустьеры отдали командиру честь и тут же бросились исполнять приказ.

– До скорого, капитан! – сказал Дрейф, увидев, что на пироге готовы принять его на борт.

– До скорого, дорогой капитан! – отвечал командир «Непоколебимого», горячо пожимая ему руку.

Дрейф распрощался с офицерами, миновал двойной ряд солдат, выстроившихся, словно на параде, и через какое-то время уже был на пироге в своей каюте.

Попрощавшись напоследок с господином де Лартигом и его штабными, собравшимися его проводить, он обратился к своим матросам.

– Весла на воду! – крикнул он. – Дружнее навались, молодцы!

Легкое суденышко отвалило от борта корабля и полетело, рассекая гребни волн, точно птица.

Через пять минут оно подошло к «Сантьяго».

Между тем на «Непоколебимом» по приказу командира спешили спустить шлюпки на воду и все подготовить к перевозке пленных испанцев.

Глава III

Как и зачем Олоне отправился на Большую землю

Чтобы объяснить читателю суть серьезных событий, только что произошедших на борту корабля «Сантьяго» и вынудивших его командира, оставленного за старшего вместо капитана Дрейфа, то и дело передавать сигналы, впрочем маловразумительные и ввергшие в недоумение офицеров «Непоколебимого», нам придется перенестись месяца на полтора назад в Дьеп, откуда через несколько часов должно было сняться на Большую землю судно Компании.

Это судно, водоизмещением девятьсот тонн, называлось «Петух» и было вооружено дюжиной пушек, а экипаж его состоял из семидесяти человек. Как было сказано выше, оно принадлежало Вест-Индской компании и направлялось в Пор-де-Пэ с различными продовольственными грузами для колонии и девятью десятками так называемых вольнонаемных – мужчин и женщин.

Впрочем, хорошо известно, как жестоко Вест-Индская компания обходилась с этими беднягами.

Их вербовали чуть ли не на каждом углу, а в случае необходимости даже похищали.

Муж, желавший избавиться от жены, или жена от мужа, отец от сына, сын от отца, должник от кредитора, – любой мог договориться с вербовщиками Компании; ему выплачивалась внушительная сумма. Человека же, от которого хотели избавиться, хватали, причем вполне по закону, где бы тот ни находился, – на улице среди бела дня и при всем честном народе, и никто даже не пытался за него заступиться: до того велик был страх перед мордоворотами-вербовщиками, сущими разбойниками с большой дороги, ощущавшими, однако, полную свою безнаказанность.

Других собирали по притонам, захудалым игорным домам да прочим злачным местам.

Горемычных бедолаг опаивали, суля золотые горы и алмазные россыпи. Но как только те высаживались на Санто-Доминго после долгого морского перехода, во время которого их держали, точно зверей, в трюмах, обрекая на нечеловеческие муки, их продавали в рабство сроком от трех до пяти лет богатым островитянам и буканьерам, обращавшимся с ними как со скотиной: несчастных безжалостно избивали, калечили и даже убивали. И те, невзирая ни на что, не могли никому пожаловаться на свою горькую участь – просто потому, что жалоб от них не принимали, зато их поднимали на смех, и они были вынуждены безропотно и дальше гнуть спину, влача рабское существование.

С другой стороны, правда и то, что, если им хватало сил претерпеть все тяготы в процессе обретения столь горестного опыта, они получали вольную и уже пользовались такими же правами, что и их бывшие хозяева. Они становились теми же свободными островитянами, буканьерами или флибустьерами – словом, береговыми братьями. И тогда сами покупали рабов и обращались с ними точно так же, как некогда обходились с ними, напрочь позабыв о пережитых мытарствах, продолжавшихся то три года, а то и все пять лет, что они прозябали в положении рабов.

«Петух» был великолепным судном, прекрасно оснащенным (включая парусное вооружение) и обладал довольно неплохой остойчивостью. Иначе говоря, он был отлично приспособлен для не совсем обычных рейсов, требовавших определенного распределения нагрузки и совершенно особого внутреннего обустройства.

Суток за двое до отхода «Петуха», согласно рейсовому расписанию, его капитан возвратился из Полле, где он отобедал с агентом Компании. Так вот, во время разговора с этим самым агентом на причале капитан, дожидаясь шлюпку, чтобы вернуться к себе на корабль, следил рассеянным взглядом за маневрами пироги, которой управлял один-единственный человек.

Суденышко изящно лавировало на волне, а потом, вдруг резко повернув на другой галс, устремилось напрямик к берегу и лихо причалило в двух шагах от того места, где стоял капитан.

Моряк, управлявший пирогой, легко спрыгнул наземь и, вытащив ее на прибрежный песок, подошел к капитану, сжимая в руке берет.

Этим моряком оказался парень лет двадцати шести, высокий, крепкий, хорошо сложенный и в морском деле явно не новичок, что он показал некоторое время назад, явив пример необычайной ловкости, силы и несравненного мастерства. Его мужественное, с резкими чертами лицо хранило редкое выражение решимости и отваги. Глаза у него были черные, взгляд – пронизательный, лоб – широкий и открытый, нос – прямой, рот – несколько крупноватый, зубы – будто точенные из слоновой кости. Длинные светлые шелковистые волосы, игриво вздернутые тонкие рыжеватые усы придавали его лицу что-то необыкновенно притягательное, вызывающее симпатию с первого же взгляда. В общем, это был красивый, ладный молодой человек, походивший скорее на переодетого сеньора, чем на матроса, хотя свой матросский костюм он носил с непринужденностью человека, давно к нему привыкшего.

– Вот так молодец! – чуть слышно заметил капитан агенту Компании, пока матрос шел к ним навстречу.

И тут незнакомец вдруг сам обратился к ним.

– Прошу прощения, господа, что прерываю вашу беседу, – учтиво сказал он звонким, мелодичным голосом.

– Что вам нужно, друг мой? – осведомился капитан. – Службу себе подыскиваете?

– Может, и так, сударь, но, верно, не ту, что вы имеете в виду.

– Тогда объясните, друг мой! – любопытствовал капитан.

– С вашего дозволения, сейчас объясню, господа. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с капитаном Гишаром, командиром «Петуха», готового к отходу на Санто-Доминго, и с господином де Фраппелем, старшим агентом Вест-Индской компании в Дьепе, не так ли?

– Вы прекрасно осведомлены, друг мой. Мы действительно те, за кого вы нас принимаете, и если у вас есть к нам дело, что ж, мы готовы вас выслушать.

– Вот мое дело в двух словах, господа, – продолжал молодой человек. – Родился я двадцать пять лет назад под Ле-Сабль-д'Олоном, родителей своих никогда не знал и думать о них забыл. Мне было лет шесть или семь, когда бедная женщина, растившая меня, утопла заодно со своим мужем. Как-то возвращались мы все вместе с рыбной ловли, и тут налетел шквал, барка наша опрокинулась, двое храбрых рыбаков ушли под воду и так и не всплыли. Мне повезло больше. Я выплыл, ведь приемный мой батюшка научил меня плавать сызмальства, незнамо как ухватился за весло и долго барахтался в волнах, держась за него, покуда другие рыбаки, видевшие, какая с нами приключилась беда, не подоспели мне на выручку и не спасли.

– Ну и ну, – рассмеялся капитан, – да ты в рубашке родился!

– А мне завсегда везло, – весело продолжал паренек. – После смерти моих кормильцев в бедном нашем доме и вовсе стало голодно, а надо было как-то жить. Вот я и пошел в юнги. И с тех пор только и делал, что бороздил моря да океаны, во всякое время года, под разными широтами: сельдь ловил, на китов ходил и в Африку, и в Америку, и в Индию. Где только не побывал! Сперва матросом был, потом боцманом, а иной раз и за штурмана случалось быть. Я знаю грамоту, поэтому живо набирался опыта и никогда не останавливался на достигнутом. Короче, скажу не без гордости, из меня вышел неплохой моряк, да и рвения во мне хоть отбавляй.

– В вашем возрасте оно и понятно, – заметил господин Фраппель.

– Что есть, сударь, того не отнять, – продолжал молодой матрос. – Так вот, есть одна страна, где я никогда не бывал; о ней рассказывают всякие чудеса, и мне страсть как хочется там побывать. Точно знаю, я сумею там разбогатеть и живо пойду в гору.

- Что же это за страна такая? – любопытствовал капитан.
 - Большая земля! Я тоже хочу стать одним из них – Береговых братьев!
 - А у вас губа не дура, любезный друг, – заметил агент Компании.
 - Да что уж там! Для такого дела все при мне. Я не трус, не дурак и хочу выйти в люди.
- Чего вам еще нужно?
- Признаться, больше ничего! И вам хотелось бы отправиться с нами?
 - Да. Свой проезд я отработаю, а придем на Санто-Доминго, вы меня высадите.
 - Занятный вы человек, и мне хотелось бы вам помочь. Но, к несчастью, ваше желание невыполнимо.
 - Невыполнимо?

– Да, поскольку формально оно противозаконно. У вас есть только два выбора: вписаться ко мне в судовую роль, и тогда я буду вынужден взять вас с собой в Дьеп – и если я пойду на такое, то лишь из сочувствия к вам, потому что экипаж у меня укомплектован, – или же...

– Или?

– Вы нанимаетесь через Вест-Индскую компанию. И знаете, что вас там ждет в таком случае?

– Да, знаю. Гм, ничего хорошего! Значит, по-вашему, другого выхода нет?

– Клянусь честью!

Молодой человек как будто призадумался, потом вдруг вскинул голову и не без дерзости сказал:

– Вот что, разве я не говорил – мне завсегда везло! Тем более возможность есть и сейчас. Договорились, капитан, согласен, я отправляюсь с вами.

– Согласны?

– Да, но при двух условиях.

– Любопытно, что же это за условия?

– Во-первых, во время всего перехода я буду работать матросом и числиться в экипаже.

– А второе?

– Вы когда снимаетесь с якоря?

– Послезавтра с приливом.

– Ну и во-вторых, до выхода в море я остаюсь на берегу. Годится, капитан?

– По рукам. Пойдете ко мне вторым штурманом.

– Спасибо, капитан, вы не пожалеете.

– Надеюсь. И кто знает, может, я и там вам пригожусь. Зовут-то вас как?

– У меня никогда не было имени. Все кличут меня Олоне²² – в честь городка, где я, кажется, родился.

– Ладно, будем вас так и звать. Ну что ж, Олоне, ступайте за этим господином, подпишете бумаги, и послезавтра чтоб были на борту как штык.

– Благодарю, капитан, я не подкачаю.

Тем временем за капитаном подоспела шлюпка, он сел в нее и вернулся на борт своего судна.

А Олоне вместе с господином Фраппелем меж тем возвратился в Полле. Агент Компании дал ему подписать соглашение, отсчитал надбавку к денежному содержанию в сумме сто пятьдесят франков – по тем временам деньги немалые, – взял с него слово, что он не нарушит соглашения, и спровадил его, пожелав всяческих благ.

Молодой человек поблагодарил господина Фраппеля и откланялся, радостно отправив себе в карман пригоршню монет по шесть ливров каждая.

Но как только Олоне остался один, лицо его снова сделалось серьезным; он прибавил шагу и вместо кабака, куда с его-то деньжищами не преминул бы податься любой другой матрос, вышел из города, а выбравшись на дорогу, что вела в Париж, затаился на обочине в густой лесной поросли, скрывшей его целиком.

Было часов шесть вечера; стояли первые майские дни, то есть почти самые долгие в году.

«Вот так, – сказал он себе, устраиваясь поудобнее в своем убежище, – уж здесь-то я точно ее застану. Подождем!»

Ждать пришлось долго, но Олоне было не привыкать. Он сидел, наострив уши, не шелохнувшись, точно индийский факир, и пристально всматривался в редких путников, направлявшихся в город или шедших оттуда.

²² То есть олбнец (житель Ле-Сабль-д'Олона).

Около часу просидел он в странном своем укрытии, как вдруг ему послышался звон бубенчиков, скрип колес экипажа, катящего по вымощенной мелким щебнем дороге, и drobный цокот лошадиных копыт.

Олоне напряг слух.

«Уж теперь-то ошибки быть не может», – едва сдерживая переполнявшие его чувства, прошептал он и крепко прижал руку к сердцу, словно силясь удержать его биение.

В самом деле, спустя несколько минут мимо укрытия, где затаился наш матрос, промчался тяжелый экипаж, запряженный пятеркой лошадей. Молодой человек тут же подался вперед с выражением несказанного счастья на лице и с непередаваемым восхищением в голосе проговорил:

– Это она! Господи, как же она прекрасна!..

Он вдруг побледнел, горестно понурил голову и прослезился. «Увы, – продолжал он про себя, – что за злая судьба вывела меня, несчастного, на след этой женщины! Как посмел я полюбить это обворожительное существо! Кто я для нее, такой богатой, красивой и благородной... я, жалкий найденыш без роду без племени?.. Полно! Неужто я совсем из ума выжил? Она пройдет мимо меня – и не заметит... она даже не опустит глаза, чтобы меня разглядеть...» Но тут в его черных глазах полыхнула вспышка решимости. «Хотя кто знает?.. – прибавил он. – Будущее за мной! Имя и состояние, чего у меня нет, я смогу завоевать. И завоюю!.. Или подохну!.. А смерть – это забвение!..»

Так, рассуждая сам с собой, наш матрос выбрался из своего убежища, бросился к проселочной дороге и бегом помчался в сторону города.

Проявив завидное проворство, он поспел как раз к сроку, чтобы еще раз глянуть на проезжавший мимо экипаж.

В этом экипаже сидели трое: сеньор лет пятидесяти пяти с надменным, пренебрежительным видом и две дамы – мать с дочерью, по всей вероятности.

Хотя старшей из двух дам было сильно за сорок, ей, однако ж, можно было запросто дать года тридцать два – тридцать три, поскольку ее необыкновенная красота сохранилась во всем своем первозданном великолепии. Ее лицо отличалось тонкими чертами, которые с поразительной точностью удавалось передать в камне древним ваятелям, унесшим с собой тайну своего мастерства; кожа у нее была на удивление тонкая, почти прозрачная и гладкая, как у младенца; легкая тень грусти на лице придавала ему еще больше выразительности. Время от времени она бросала томные взгляды на дочь, и тогда ее ярко накрашенные губы приоткрывались в очаровательной улыбке, а глаза, вспыхнув на миг другой ярким, горячим огнем материнской любви, вдруг затуманивались, обретая задумчивое выражение.

Ее дочери едва ли было шестнадцать. Что же можно сказать о ней, кроме того, что она была такая же красавица, как и ее мать в пору своей юности! Светлокудрая и черноглазая.

Кожа у нее имела розовато-опаловый оттенок, губы были алые, а зубы сверкали ослепительной белизной; длинные волосы волнами ниспадали на плечи; стан пленял гибкостью и стройностью. Одним словом, в облике девушки прекрасно сохранившееся очарование ребенка сочеталось с изящной томностью женщины: то была истинная красавица, сама того не сознававшая.

Карету с обеих сторон сопровождали четверо вооруженных до зубов слуг в парадных ливреях.

Когда тяжелый экипаж скрылся за углом ближайшей улицы, наш молодой герой будто разом вырвался из плена наваждения, что охватило его.

«Милая Виолента! – молвил он. – Женщина ты или ангел? Я же, я – жалкий безумец! Посмел полюбить это небесное создание! О да, я люблю ее! Люблю так, что готов умереть по одному лишь слову, ежели оно слетит с ее губ, по одному знаку ее розоватых пальцев. О! Видеть ее! Видеть всегда!..»

И, точно слепой безумец, он пустился бежать дальше – следом за экипажем.

Впрочем, эта гонка с преследованием продолжалась недолго. Карета резко свернула в сторону – и в мгновение ока скрылась во дворе особняка, ворота которого тут же за нею закрылись.

Матрос остановился чуть в сторонке и обвел особняк самым пристальным взглядом. «Так вот куда она выезжает, – невольно прошептал он. – Выходит, меня не обманули! И сведения мои точны! Но вот уедет ли она отсюда, на самом деле?... О, я это узнаю!»

Глянув на дом последний раз, он словно с сожалением двинулся прочь и, пройдя сотню шагов, вошел в кабачок, куда обычно заходили матросы. Но не затем зашел он туда, чтобы напиться и насытиться: в эту минуту голова у Олоне была занята другими мыслями, далекими от желания утолить жажду и голод. Он задержался на миг-другой на пороге, сосредоточенно оглядел низкий, темный, прокуренный зал – и, судя по всему, разглядел то, что высматривал, потому что направился прямо к столу, за которым сидел какой-то одинокий выпивоха, и без лишних церемоний подсел рядышком.

Двое моряков, поскольку незнакомец тоже был в костюме матроса, обменялись улыбками и рукопожатиями.

– Ну как, Питриан, – с чуть заметным смущением спросил Олоне, – что новенького, старина?

Поспешим тут же заметить, что «старина», к которому обратился наш герой, был крепким молодцом под шесть футов ростом – сущим геркулесом с плутоватым, хотя и симпатичным лицом и проницательным взглядом; на вид мы дали бы ему от силы года двадцать два.

– Ничего такого, что тебе было бы не по душе, брат, – отвечал тот с улыбкой. – Да ты и впрямь в сорочке родился, как поговаривают старые кумушки. Все складывается для тебя на удивление удачно. Сама судьба на твоей стороне – обделяет твои делишки наилучшим образом.

– Как это? Выкладывай, да поживей!

– Сам посуди. Сеньор дон Блаз Саласар, граф Медина-дель-Кампо и герцог де Ла Торре... ох уж мне эти чертовы испанцы – пока выговоришь все их имена да титулы, язык сломаешь!..

– Не томи же!

– Ну так вот. Этот самый сеньор, кажется, доводится закадычным дружком нашему королю, его величеству Людовику Четырнадцатому, ведь не случайно он торчит у него при дворе уже бог весть сколько времени...

– А мне-то что с того?

– Терпение, дружище! Я и говорю, этого самого дона Блаза, и прочая и прочая, видимо, назначили вице-королем Перу по велению испанского короля, его государя, питающего к нему совершенно особое уважение.

– А мне-то какой от этого прок?

– Такой, что ты и не представляешь. Хотя французский король воюет с испанским, господин Кольбер получил приказ милостиво предоставить в распоряжение сеньора дона Блаза, и прочая... фрегат «Пор-Эпик» да снарядить его в Перу. А господин Кольбер решил по случаю использовать этот самый фрегат для слежки за берегами Испании... Да ты слушаешь меня или нет?

– Я весь внимание, да только вот ни черта не пойму!

– Потому что ни черта не хочешь, хотя все ясно как божий день. Министр не посмел ослушаться королевского приказа, договорился с управляющими Вест-Индской компании, и те известили капитана Гишара, чье судно готово к отходу, что ему надлежит взять к себе на борт и доставить на Санто-Доминго, причем со всеми почестями, достойными его ранга, графа Медина-дель-Кампо, новоиспеченного вице-короля Перу, с домочадцами. Так что на борту «Петуха» все подготовлено к приему важных пассажиров. И по приходе судна на Санто-Доминго господину д'Ожерону, губернатору французской части острова, будет проще простого препроводить графа в целости и сохранности, вместе с его свитой, на испанскую территорию.

– Ты точно знаешь?

– Точнее не бывает. Я все узнал от самого графского камердинера, этого индюка надутого, – выступает всегда только боком, откуда ни глянь.

– Отлично! – воскликнул Олоне. – Я так и думал!

– Ты?

– Да, нутром почувствовал! – живо откликнулся наш герой, радостно потирая руки.

– Да ну! Быть того не может!

– Еще как может, – продолжал молодой человек, рассмеявшись, – тем более что я тоже отправляюсь вместе с ними.

– Ты?

– Да. Вот послушай и сразу все поймешь.

И Олоне поведал другу историю о том, как он нанялся на борт «Петуха».

Питриан слушал его не то что с удивлением – с полным недоумением.

– Все едино, – молвил он, недовольно мотнув головой, – ты не прав. От своей любви ты совсем рехнулся. И заведет она тебя бог знает куда!

– После нас хоть потоп! – решительно заявил наш герой.

– Ты рассуждаешь как осел, но ты мне друг. И я не скажу тебе ни слова поперек, хоть ты и подвел меня, не предупредив о своих делах.

– Что-то не пойму я тебя, Питриан.

– Хватит! Все и так ясно, еще сочтемся.

– Нет уж, сам ты рехнулся!

– Ан нет, не я, а ты. Ладно, идем, пора отсюда убираться.

С этими словами он встал, бросил на стол пару монет за бутылку вина, которую едва почал, и они вдвоем вышли из кабачка...

Олоне не нарушил уговора с Гишаром. В назначенный час он прибыл на борт «Петуха» и предстал перед капитаном. Началась подготовка к выходу в море. Одни матросы кинулись к брашпилю выхаживать якорь, а другие, разойдясь по всем реям, начали раздергивать паруса.

Горячо пожав руку новоявленному штурману, капитан Гишар велел юнге показать выделенную новичку каюту, чтобы он мог отнести туда свой рундук. Обустроившись на месте, что заняло у него несколько минут, Олоне тотчас же заступил на службу.

И первым, с кем он столкнулся, поднявшись на мостик, был Питриан.

– Вот видишь, брат, – сказал тот, бесцеремонно рассмеявшись ему в лицо, – не ты один умеешь откалывать коленца. Так что и я кое-что могу.

– Ты что ж, тоже нанялся на «Петуха»?

– Истинная правда, и на тех же условиях, что и ты. Только не штурманом, а всего-то боцманом, да мне наплевать. А ты разве не рад меня видеть, шельмец? Я же говорил – еще сочтемся!

– Спасибо, Питриан! – с чувством отвечал Олоне, пожимая другу руку.

На этом их разговор закончился. Да и была ли им нужда говорить еще о чем-то: ведь они понимали друг дружку с полуслова? Так что на этом друзья разошлись по своим постам.

Через час «Петух» стал по ветру и двинулся в открытое море.

Первые десять-двенадцать дней перехода дул попутный ветер, погода стояла великолепная, и все заставляло надеяться, что плавание будет проходить в самых благоприятных условиях.

Граф де Ла Торре быстро расположил к себе экипаж своей любезностью и благородством.

Вахтенные матросы с удовольствием наблюдали, как он прогуливается по палубе в компании герцогини и ее очаровательной дочери. Как только эти трое объявлялись на корме, моряки почтительно отходили в сторонку, уступая им место для прогулки; матросы переговаривались меж собой уже только шепотом, изо всех сил стараясь ненароком не пустить в ход крепкое словцо и остерегаясь развязно-грубоватого поведения, к чему они привыкли.

Сеньорита Виолента де Ла Торре была главным предметом глубочайшего почтения со стороны этих большей частью неотесанных мужланов, а точнее сказать – объектом преклонения. Эта юная особа вызывала у них безграничное восхищение: в наивно-трогательной вере, присущей их натурам, простым и одновременно решительным, они считали, что присутствие на борту такой прелестной девушки сулит удачу как им самим, так и их кораблю.

А Олоне был просто счастлив, счастлив как никогда. По правде говоря, он не смел заговорить с девушкой ни о чем другом, кроме самых обыденных вещей, как то: о погоде, ходе судна или ожидаемой продолжительности плавания. Однако теперь он не был для нее совершенно посторонним: его мягкий, гармонично-певучий голос очаровывал девушку, ввергал в радостную дрожь; да и потом, отныне он виделся с нею каждый день по несколько часов и мог втайне любоваться и восхищаться ею. Потому-то, повторимся, он и был на седьмом небе от счастья.

И все же капля дегтя не преминула упасть в этот сосуд, полный счастья, придав его содержанию изрядный вкус горечи.

Олоне и подумать не мог, что коварный тайный заговор зреет против той, которую он обожал и почитал всею душой, притом, заметим, без всяких корыстных помыслов; и причиной тому послужила неодолимая преграда, выросшая между ним и ею благодаря неумолимым законам общества.

Это требует объяснения, и мы попытаемся дать его ниже в нескольких словах.

Первый штурман, он же старший помощник капитана, был в прошлом офицером королевского военно-морского флота, но за некоторые свои далеко не безобидные выходки, которые нет смысла здесь перечислять, ему пришлось подать в отставку. Это был великодушный человек, он даже имя носил благородное – Орас де Вильномбль – и состоял в родстве с самыми знатными фамилиями в Оверни²³. Кроме того, он доводился племянником одному из управляющих Вест-Индской компании. И благодаря покровительству того же дядюшки получил должность второго помощника капитана корабля «Петух» и прослужил в ней худо-бедно три года. Однако на основании этого мы не станем утверждать, что моряком он был никудышным, напротив, в своем ремесле он знал толк и смог не раз проявить в различных обстоятельствах свои недюжинные таланты и замечательные познания в морском деле. Между тем заслуги господина де Вильномбля на морском поприще напрочь перечеркивались его постыдными пороками и безнравственными поступками. То был пьяница, игрок, распутник и все такое прочее.

²³ Овернь – историческая область во Франции.

Ради удовлетворения своих необузданных прихотей и ненасытных страстей он был готов на все.

Экипаж «Петуха» терпеть его не мог и, что немаловажно, боялся, и все из-за того влияния, которое он оказывал на своего дядюшку, сумев обвести его вокруг пальца заверениями о том, что окончательно решил вернуться к достойной жизни и трудам праведным. И дядюшка, человек почтенный, порой даже радовался такому преображению племянника и с удовлетворением отмечал, что наконец-то сумел наставить его на путь истинный.

Что касается внешнего облика шевалье Ораса де Вильномбля, это был приятный кавалер лет тридцати двух – тридцати четырех и в высшей степени элегантный; он досконально знал все придворные обычаи и, главное, обладал талантом, редким даже для того галантно-утонченного века, вполне здраво рассуждать о всяких пустяках, остроумно рассказывать занятные истории, зачастую скабрзные, и, наконец, вызывать к себе симпатию у простодушных дам, не выказывая при том видимого желания приударить хотя бы за одной из них.

За два дня до отплытия «Петуха» граф возвращался после довольно продолжительной прогулки верхом по Аркской дороге. Было около половины восьмого вечера; погруженный в свои мысли, весьма серьезные и, если судить по выражению его лица, отнюдь не самые приятные, молодой старпом бросил поводья на шею лошади, предоставив ей идти совершенно свободно, как заблагорассудится, чем она не преминула воспользоваться и принялась пощипывать траву на каждом изгибе дороги.

И тут двое незнакомцев, одетых как матросы, остановили лошадь, схватив ее под уздцы.

Граф живо вскинул голову и потянулся к седельной кобуре.

– Что вам надо? – грозно спросил он.

– Оказать вам услугу, – отвечал один из них, – ежели вы тот, кто нам нужен.

– И кто же вам нужен?

– Граф Орас де Вильномбль, старший помощник капитана «Петуха», судна Компании.

– Это я, – сказал он.

– Тогда соблаговолите проследовать за нами – здесь недалеко. Мы готовы сделать вам выгодное предложение.

– А кто докажет, что вы не уготовили мне западню? И не хотите заманить меня в ловушку, чтобы убить?

– Бросьте! Вы же не верите ни одному своему слову. У нас нет оружия. К тому же вам решать – согласиться или отказаться. Как вы знаете, господин граф, завтра в шесть часов утра вы должны заплатить пять тысяч пистолей, которые давеча проиграли, а теперь безуспешно пытались просить взаймы у одного из своих друзей. Так вот, если не вернете долг, вас немедленно арестуют, лишат чина, и на сей раз без всякого снисхождения.

– Предположим, так оно и есть, – надменно продолжал граф, – и что из того следует?

– Только одно: коли вы согласны проследовать за нами, через четверть часа у вас будет пять тысяч пистолей, которые вы тщетно пытаетесь раздобыть; сверх того, вам будет выплачено еще пять тысяч пистолей, не считая дополнительных десяти тысяч, по приходе вашего судна в Пор-Марго, если вы в свою очередь согласитесь оказать нам услугу, чего мы от вас, собственно, и ждем.

Граф, похоже, призадумался и наконец решился.

– Едем! – твердо сказал он.

И в сопровождении двух незнакомцев двинулся куда-то через поле.

Не прошло и пяти минут, как они вышли к заброшенной лачуге, куда граф, спешившись и привязав лошадь к дереву, проник следом за двумя незнакомыми проводниками.

Один из них зажег желтую сальную свечу и поставил ее на колченогий стол, после чего между ними троими снова завязался разговор.

О чем же они говорили? Какие предложения были сделаны графу? Об этом мы скоро узнаем. Но предложения эти, очевидно, были не самые приятные, поскольку граф, кичившийся тем, что ему сам черт не брат, невзирая на свое отчаянное положение, все никак не решался их принять.

Тем не менее незнакомцам, кажется, удалось развеять его сомнения и выжать из него согласие, потому что по заключении сделки граф получил десять тысяч пистолей наличными; он их тщательно пересчитал и, удовлетворенно вздохнув, уложил в свой бумажник, после чего вышел из лачуги и вскочил в седло.

– Свои обещания мы сдержали, – сказал один из незнакомцев угрожающим тоном, – дело теперь за вами. И знайте, если вы не доведете его до конца, вам не избежать нашей мести.

– Мы будем на Большой земле в одно время с вами, – мрачным голосом прибавил второй.

– Господа, – высокомерно отвечал граф, – у вас есть мое благородное слово. Раз вы знаете меня как облупленного, вам должно быть известно и то, что я слов на ветер не бросаю. Прощайте же и спасибо за все.

И, ударив лошадь рукой, он пустился вскачь.

– До свидания! – усмехнувшись, в один голос крикнули ему вслед незнакомцы.

Через десять минут граф уже прибыл в Дьеп. Нигде не останавливаясь, он сперва направился напрямик к своему кредитору и расплатился по долгам, потом уладил кое-какие дела, сел в шлюпку, и та доставила его на борт «Петуха»; он твердо решил не сходить на берег до самого отплытия.

Как старший помощник капитана, граф Орас отвечал в основном за содержание в надлежащем порядке внутренних помещений на корабле, включая жилые, за нагрузку судна и, наконец, за состояние самых разных мелочей, из которых состоит судно и от которых зависит жизнь на борту, – от такелажа, балласта и груза до провианта, дисциплины экипажа и поведения пассажиров, поскольку капитан ведал главным образом навигацией.

Когда капитан Гишар получил распоряжение принять на борт герцога де Ла Торре с семьей, он, естественно, переадресовал это распоряжение старшему помощнику, предоставив ему самому решать, что надобно сделать для того, чтобы благородные пассажиры ощущали себя не совсем уж плохо на борту «Петуха» во время довольно долгого морского перехода: ведь, даже предположив, что плавание будет проходить при благоприятных условиях, оно должно было продлиться никак не меньше месяца, а то и больше.

Граф Орас, отдадим ему справедливость, выполнил деликатное поручение капитана тактично и со вкусом: он воистину сотворил чудо, когда обустроил пассажирские каюты, превратив их в роскошные покои, достаточно просторные и, главное, очень удобные, чего зачастую весьма не просто добиться и на судне, тоннажом покрупнее «Петуха», тем более что он и без того был переполнен пассажирами обоих полов.

Больше всего герцог де Ла Торре пугался неудобства, на которое, как ему казалось, он был обречен на борту торгового корабля, да еще относительно малого водоизмещения, где пространство крайне ограничено; и каково же было его удивление, когда граф Орас встретил его на борту самым учтивым образом и препроводил в отведенные ему покои. Очарованный окружающей обстановкой, герцог горячо поблагодарил старпома, с которым еще не был хорошо знаком, хотя изысканные манеры последнего пленили его с первого же взгляда. Впрочем, он этим не ограничился: как только его почтил своим присутствием капитан, он воспользовался случаем и поздравил того с таким искусным старшим помощником, проявившим незаурядные вкус, талант и фантазию при обустройстве его, герцога, каюты.

К великому своему сожалению, капитану пришлось ответить на великодушные похвалы своего знатного пассажира, представив ему графа де Вильномбля. В глубине души достой-

ный капитан надеялся отсрочить эту формальность; больше того, он даже хотел по секрету открыть герцогу истинную натуру этого человека, которого управляющие Вест-Индской компании навязали ему в старшие помощники. Но, как уже не раз случалось при подобных обстоятельствах, когда капитану Гишару удавалось раскусить коварные замыслы старпома, завуалированные под самыми благовидными помыслами, тот вмиг насторожился и устроил все так, чтобы иметь возможность самолично принять похвалы в свой адрес; он все-таки заставил капитана, вопреки явному нежеланию последнего, сыграть ему на руку, представив его герцогу.

Капитан и граф знали друг друга с давних пор; они презирали и смертельно ненавидели друг друга; по правде говоря, между ними давно шла война, и оружием в ней служила любезность; то была война тайная, непримиримая и жестокая, хотя и безмолвная и неизменно с улыбкой на устах. Разумеется, герцог де Ла Торре, который не подозревал, да и не мог подозревать о скрытой вражде между ними, был счастлив повстречать на этом судне благородного человека, одного с ним сословия и почти равного положения; человека с изысканными манерами, с которым можно было бы поддерживать приятные отношения в течение всего плавания, тем более что тот мог бы составить общество и его домочадцам, помогая им терпеливо сносить тяготы, неизбежно сопряженные с долгими морскими переходами. Так что графа Ораса он принял с распростертыми объятиями; и вскоре тот, обдумавший свой план заблаговременно, сумел стать незаменимым для графа де Ла Торре, снискав себе глубочайшее уважение этого благородного кастильянца и заручившись его дружбой.

Любовь делает человека прозорливым. И Олоне скоро обратил внимание на проделки своего прямого начальника. С болью в сердце он заметил, что ухаживания графа любезно принимаются обеими дамами. Впрочем, печалился он недолго, потому как некоторое время спустя отметил и другое – что сеньорита де Ла Торре невольно прониклась неприязнью к этому человеку и стала везде и всюду держаться с ним крайне холодно.

К сожалению, положение подчиненного, которое Олоне занимал на борту, никоим образом не позволяло ему оказывать услуги пассажирам; он даже не мог предостеречь их от происков графа Ораса.

Олоне был бессилен против графа; к тому же в те времена морской кодекс отличался такой строгостью, а вернее, был настолько суров, что означенные в нем крутые меры случалось применять не так уж часто.

Капитан Гишар тоже был начеку. Он, повторимся, слишком давно знал своего старшего помощника и теперь стал пристально следить за каждым его шагом, даже самым, казалось бы, невинным: у него было предчувствие, что тот действует по тщательно продуманному плану. Но что это за план? И чего, собственно, добивался граф? Этого капитан Гишар не знал, но очень хотел узнать. И по возможности расстроить каверзные замыслы графа и вывести его на чистую воду сразу же, как только тот допустит промашку.

Но граф был не промах: почувствовав за собой слежку, он сделался куда более осторожным. Поэтому вести себя с ним следовало с неизменной хитростью и ловкостью; надо было делать вид, что выказываешь ему самое полное доверие, и при этом не спускать с него глаз.

Положение было сложное, если не сказать критическое. Капитану Гишару пришлось иметь дело с сильным противником. И он не преминул поделиться с Олоне, узнав его лучше и проникшись к нему доверием, своими тайными опасениями; он рассказал ему о двуличном характере старшего помощника и дурных предчувствиях на его счет. Олоне выслушал признания капитана с величайшей радостью. Под его покровительством он почувствовал себя сильным и воспрянул духом. Его друг Питриан тоже был посвящен в их тайну, и они втроем единодушно решили установить скрытую слежку за человеком, которого отныне считали своим врагом, наблюдать за малейшими его действиями денно и нощно – словом, не упускать его из виду ни на миг, дабы в конце концов расстроить его происки, которые он наверняка замыслил,

чтобы обольстить юную, очаровательную дочь герцога де Ла Торре и скомпрометировать ее таким образом, чтобы ей пришлось принять его предложение.

Между тем плавание продолжалось в самых благоприятных условиях: ветер после отхода из Дьепа не стал ни крепче, ни слабее, к тому же он был неизменно попутным. Так что брасы, шкоты и галсы, казалось, были намертво ошвартованы на гафель-нагелях, как шутили меж собой матросы. Судно быстро приближалось к Санто-Доминго: еще неделя, самое большее дней восемь – и «Петух», как ожидалось, бросит якорь на рейде Пор-де-Пэ, во французской части острова.

Граф Орас де Вильномбль вел себя еще более осмотрительно; при этом, однако, он обхаживал герцога де Ла Торре с еще большей настойчивостью. Памятуя о влиянии, каким пользовался вице-король Перу, зная о его многочисленных родственных связях с первыми семьями королевства и о доверии, какое он имел в Версале, хотя и был испанцем, граф Орас представился ему жертвой завистливых преследователей – могущественных врагов, очернивших его в глазах господина Кольбера, всесильного министра короля Людовика XIV; непримиримая ненависть и испортила ему карьеру – он был вынужден подать в отставку и, к своему стыду, прозябать в низших чинах, служа на торговых судах вместе с людишками без роду без племени, которые считали его своим недругом и, поскольку питали неприязнь к знати вообще, пытались и ему всячески насолить.

Герцог де Ла Торре, невольно проникшись историей графа о его мнимых злоключениях, которую тот пересказывал при каждом удобном случае, проявил сочувствие к горестной судьбе молодого человека, оказавшегося в положении, совершенно недостойном того, что было уготовано ему при рождении. И обещал ему, хотя между Францией и Испанией была объявлена война, порадеть за него перед министром, используя все влияние, коим его родственники и друзья обладали в Версале, дабы графу воздали по справедливости и позволили вернуться на службу в королевский флот на условиях, наиболее приличествующих достойному имени, которое он носил.

Так вот и обстояли теперь дела, и граф Орас в душе радовался тому, что сумел склонить господина де Ла Торре на свою сторону. Он уже видел, что в ближайшем будущем его хитроумные планы увенчаются полным успехом, как вдруг произошло непредвиденное событие, которое не просто изменило, а разрушило все его планы и обрекло на еще большие беды.

Случилось так, что судно Вест-Индской компании «Петух» было захвачено испанским военным кораблем «Сантьяго».

Вот как французское судно неожиданно попало в руки к испанцам в каких-нибудь ста пятидесяти лье от острова Санто-Доминго – цели своего плаванья, хотя французы надеялись, что обманули бдительность многочисленных вражеских крейсеров и сумели-таки от них ускользнуть.

Глава IV

Как граф Орас попал из огня да в полымя и был вынужден покинуть борт «Петуха» самым неприятным образом

Четыре двойных удара, пробитых сигнальщиком в рынду, возвестили экипажу «Петуха», что судовое время – восемь часов вечера. Было темно, пасмурно и ветрено, по морю шла крупная зыбь.

Граф Орас де Вильномбль, старший помощник капитана корабля, приказав установить паруса на ночь по уставу, то есть убрать лиселя, зарифить марсели и закрепить втугую брасы, передал рупор Олоне, заступившему на вахту аккуратно в восемь часов и на всю ночь.

Согласно неизменной морской традиции, молодой человек, сменив старшего чином, осведомился, есть ли какие-нибудь новости.

– Никаких, – сухо ватно ответил тот, направляясь к кормовому люку. – Ветер отходит, направление прежнее: восток-юго-восток.

– Знаю, сударь, – твердо сказал Олоне, – потому и имею честь спросить.

– Так что вам еще угодно знать, сударь? И пожалуйста, давайте поскорей, а то мне нужно заполнять вахтенный журнал.

– Мне, сударь, угодно знать точное местоположение судна, замеченного на заходе солнца справа по борту, если не ошибаюсь.

– Да, какое-то судно действительно было замечено, – с безразличным видом отвечал граф. – Но как только вперёдсмотрящий доложил о нем, оно увалилось против ветра, и вот уже больше часа мы его не видим.

– Так-то так, сударь, может, оно и к лучшему, но неплохо бы все время быть начеку. Мы находимся на пути следования испанских кораблей – они идут либо в Америку, либо обратным курсом, так что здешние воды день и ночь патрулируют крейсера испанцев.

– Возможно. Да вы успокойтесь, сударь, замеченное судно, а я к нему внимательно присмотрелся, вовсе не испанский торговый корабль, идущий в Вест-Индию или обратно, и никакой не крейсер. Это самый обыкновенный угольщик, может, несколько тяжеловатый; по конструкции – типичный торговец, ход – тяжелый, намерения – самые мирные; похож на тихоходный голландский галиот, а по большому счету – на корыто. В общем, делайте что хотите: теперь вы за старшего вахтенного – вам решать. И всего хорошего, господин второй штурман, а я вынужден откланяться: меня ждет герцог де Ла Торре. Вечер добрый!

Произнеся эти слова с легкой насмешкой, граф Орас быстро повернулся и почти в то же мгновение скрылся за дверью кормовой надстройки, напевая себе под нос куплет из какой-то застольной песенки.

Олоне, оставшись один, пожал плечами, осмотрел паруса, потом живо оглядел море и линию горизонта и бросил взгляд на компас. Все проверив, он приступил к бесконечному хождению туда-сюда – от нактоуза компаса до грот-мачты и обратно, метаясь, если можно так сказать, как зверь в клетке, тем более что это пространство составляло меньше двадцати футов. С трубкой в зубах он приготовился к самой тоскливой вахте – непрерывному четырехчасовому пребыванию на мостике. Впрочем, ему было не так уж тоскливо: ведь все это время он мог спокойно думать о своей любимой – и его мысли тут же переключились на нее.

Но молодому человеку недолго было суждено предаваться любовным грезам: служебные обязанности скоро вернули его к действительности и поглотили все его внимание. Питриану, взобравшемуся случайно на салинг брам-стенги, чтобы закрепить два-три раздернувшихся сезня, вдруг почудилось, что где-то рядом с их судном сверкнул огонь: он попеременно

то вспыхивал, то гас, повинуюсь, конечно же, колебаниям волн. Матрос поспешил закончить работу, спустился на палубу и сообщил другу о том, что видел или что ему показалось.

Питриан был прекрасным моряком – Олоне не подверг его слова ни малейшему сомнению, тем более что он тут же вспомнил о подозрительном судне, недавно маячившем на горизонте. Однако ему хотелось самолично взглянуть, что же это за огонь. Он взял подозрную трубу ночного видения, тщательно осмотрел горизонт в той стороне, куда показал Питриан, и скоро убедился, что друг его не ошибся.

Судно, замеченное на заходе солнца, снова оказалось в виду, и, насколько можно было судить, за последние час-два оно значительно приблизилось к «Петуху», хотя положение его, с тех пор как оно было обнаружено впервые, ощутимо изменилось.

Капитан Гишар, взяв к себе Олоне вторым штурманом, проявил редкую прозорливость – лучшего выбора и быть не могло. Олоне действительно, можно сказать, родился в море – оно было его колыбелью в младенчестве; он исходил его вдоль и поперек и никогда не разлучался с ним; он любил его благоговейной любовью и был убежден, что именно оно дарит ему все радости. По правде говоря, он чувствовал себя самым собой только на палубе корабля. Вот уже два десятка лет странствовал он по всему белу свету, пережил ураганы, тяготы и лишения, постоянно боролся со смертью, не раз встречаясь с ней безропотно лицом к лицу. Потому-то он и ощущал себя моряком до мозга костей и обрел, даже сам того не ведая, то присутствие духа, ту сметку и сноровку, без которых не может быть настоящего моряка.

Определив точное местоположение неизвестного корабля, Олоне понял, что это испанский крейсер; что, не желая то ли по нерадению, то ли по беспечности захватывать судно Компании ночью, он довольствовался тем, что сопровождал его на довольно близком расстоянии, чтобы не терять из виду, и на достаточном удалении, чтобы не быть замеченным в сумерках, решив, как видно, напасть на восходе солнца.

Расчет испанца, бесспорно, был верный – и стой сейчас на вахте, на борту «Петуха», любой другой штурман, ухищрения неприятеля увенчались бы успехом. Но обвести Олоне вокруг пальца было не так-то просто. Он принял решение в мгновение ока. Был лишь один способ избавиться от неотвязного преследователя – сбить его с толку, направив ложным курсом. И все четыре часа вахты напролет Олоне состязался с противником в хитрости и ловкости, то и дело меняя галсы, уваливаясь то под ветер, то против ветра, попеременно то увеличивая, то сбавляя скорость хода. Так что к полуночи неизвестный корабль куда-то запропастился: быть может, он потерял «Петуха» из вида, а может, погасил свои огни и теперь шел за ним в кильватере под покровом тьмы.

Когда господин де Вильномбль поднялся на мостик, поскольку капитан стоял только дневную вахту, как заведено на торговых судах, а штурманы поочередно несли и утреннюю... так вот, когда господин де Вильномбль поднялся на мостик, чтобы заступить на вахту в свою очередь, Олоне представил ему подробный отчет о происшедшем за ночь и о своих действиях.

Граф Орас на это только самодовольно улыбнулся.

– Любезный, – сказал он, – да вы засыпаете прямо на ходу, ступайте-ка отдыхать – вам это просто необходимо! Клянусь честью, вы жестоко обманулись! И то, что рассказали, – всего лишь плод вашего воображения!

– Будьте осторожны, сударь! – заметил Олоне. – Повторяю, нас преследует испанский крейсер.

– И где же он? Покажите! – изумился граф.

– Час как пропал из виду. Похоже, мне удалось сбить его с курса.

– Полноте! Сбить с курса! Такое-то неуклюжее корыто! Вот дождемся утра, сударь, и поглядим, какого дурака вы свалили, – с пренебрежительной усмешкой бросил граф.

– Очень хотелось бы, чтоб так оно и было, сударь, да только я считаю иначе: боюсь, обстоятельства говорят в мою пользу.

– Вы слишком молоды и, естественно, склонны превозносить собственную значимость. Надеюсь, со временем вы избавитесь от этого недостатка. Самонадеянность на флоте недопустима.

– Мне это известно лучше, чем кому бы то ни было, сударь, а потому я готов, с вашего позволения, разбудить капитана – пускай он нас рассудит.

– Будить капитана по таким-то пустякам! Выбросьте это из головы, не то выставите нас обоих перед ним посмешищем. Черт возьми, вот была бы картина!.. Я старший помощник капитана «Петуха», сударь! И сознаю ответственность, какую предполагает сия должность. Так что позвольте мне самому решать, что делать.

Олоне поклонился и, занеся свой отчет в вахтенный журнал, отправился к себе в каюту и вмиг уснул.

Молодой человек спал точно убитый, когда пушечный выстрел, грянувший, как показалось, у него над ухом, заставил тут же очнуться ото сна. Юноша вскочил с койки, кое-как оделся и кинулся на палубу.

Уже давно рассвело, «Петух» лежал в дрейфе, и на траверзе судна Компании стоял большой испанский корабль, держа его под прицелом своих орудий на половине расстояния пушечного выстрела. Капитан Гишар направлялся в шлюпке к крейсеру. Экипаж и пассажиры «Петуха», сбившись в кучи тут и там на верхней палубе, пребывали в неописуемом страхе: отовсюду слышались только всхлипы да причитания.

Герцог де Ла Торре с домочадцами держался чуть в сторонке от всех. Испанского подданства и титула вице-короля Перу ему было довольно, чтобы не только вызвать к себе почтение, но и заставить повиноваться одержавших верх преследователей. Он решил вступить за французов, будь им нанесено хоть малейшее оскорбление; но испанцы вели себя достойно, и все складывалось как нельзя лучше.

Граф Орас был бледен и подавлен, хотя держался хладнокровно, как ни в чем не бывало. Олоне подошел к нему.

– Ну что, я был прав? – шепнул он ему на ухо с укоризной.

Граф Орас бросил на него злобный взгляд, но промолчал.

То, что последовало затем, понять легко. Командир испанского корабля «Сантьяго», крейсера его католического величества, захватил судно «Петух»; французский экипаж переправили на борт испанца и заковали в железо, только штурманы с пассажирами остались на борту «Петуха», усиленного испанской командой для присмотра за ними и управления судном. Командир «Сантьяго», признав герцога де Ла Торре, хотел уступить ему собственную каюту, но герцог с семьей предпочел остаться в своих покоях на французском судне, уж больно они пришлись ему по вкусу. Так, в паре, оба корабля и двинулись дальше на Кубу.

Отчаяние Олоне было не передать. Из-за беспечности графа он лишился будущего: все его планы рухнули разом. Сколько же лет ему будет суждено промыкаться в плену у испанцев, прежде чем он обретет свободу, и то если вынесет нескончаемые тяготы жестокой неволи? Грубость, с какой испанцы обходились в те времена с несчастными невольниками, ввергала в ужас даже самых отчаянных смельчаков – они предпочитали скорее умереть, чем попасть в руки к столь безжалостным врагам. Однако ж молодого человека, скажем прямо, страшила даже не самая мысль о плене, сколь бы ужасным он ни казался. Да и смерть не пугала его, одинокого, брошенного с рождения, не знавшего ни родни, ни друзей. Сколько раз рисковал он жизнью смеясь, ни за понюх табаку! Но что будет с ним теперь, когда судьба разлучит его с юной девушкой, еще совсем девочкой, которую он любил всей душой и ради которой не колеблясь пошел бы на любые жертвы?.. И вот, вместо того чтобы сблизиться с любимой, он вынужден не по своей воле расстаться с нею без всякой надежды увидеться снова хоть когда-нибудь! Во что тогда превратится его жизнь? В нескончаемую муку! От такой мысли у него мутился разум. Сколько раз уже собирался он пустить себе пулю в лоб из пистолета, который, среди прочих,

утаил при обыске, учиненном испанцами! И всегда останавливался. Но что останавливало его – надежда или предчувствие, сказать этого молодой человек не мог. Порой ему казалось, что он стал жертвой жуткого кошмара, и с тревогой ждал пробуждения, то есть избавления.

Не сознавая, что с ним происходит, он, однако же, был уверен – на Кубе ему не бывать; благодаря чьему-то вмешательству он и спутники его окажутся на свободе еще до того, как попадут на испанский остров.

Как мы знаем, это предчувствие, откуда бы оно ни исходило, полностью оправдалось последующим ходом событий. «Сантьяго» с трофеем находились в каком-нибудь десятке лье от Кубы, когда, вопреки всем ожиданиям, их обоих дерзко захватил капитан Дрейф со своими двадцатью пятью бравыми флибустьерами.

Столь неожиданное событие случилось через пару дней после того, как «Сантьяго» завладел «Петухом».

В течение этих двух дней граф Орас тщетно пытался повидаться с благородным испанским герцогом: всякий раз, оказавшись у дверей его каюты, он обнаруживал, что она для него закрыта.

Капитан Гишар предупредил герцога де Ла Торре о том, что произошло, – поведение помощника капитана показалось герцогу непростительным, и он тут же решил прервать все отношения с этим человеком, что и сделал без малейших колебаний и лишних церемоний, памятуя к тому же и о других словах капитана, заронивших у него подозрения о том, что все это время граф водил его за нос и что он никогда не был жертвой своих пороков, единственных своих непримиримых врагов.

Граф Орас затаил злобу в глубине души, поклявшись отомстить.

Но ни мольбы, ни угрозы – ибо этот человек не боялся и угрожать, – ничто не могло сломить холодную, непоколебимую решимость герцога де Ла Торре.

Старший помощник уединился под носовой надстройкой и там, сидя на корточках, обхватив голову руками, принялся вынашивать планы мести.

Спустя некоторое время после захода солнца он снова объявился на верхней палубе – с маской полной невозмутимости на лице. С виду он и впрямь держался хладнокровно, спокойно и бесстрастно; однако язвительная ухмылка на едва заметно поджатых бледных губах никак не вязалась с его нарочитым спокойствием и невозмутимостью. Граф Орас расхаживал по палубе до тех пор, покуда она полностью не погрузилась во мрак; засим, не раз подавив одолевавшую его зевоту, он, похоже, уступил неумолимо надвигающемуся на него сну, поднялся на ют и забрался спать в шлюпку, подвешенную за кормой судна.

Никто на борту не заметил или, по крайней мере, сделал вид, будто не заметил его поведения, тем более что в нем по большому счету не было ничего необычного: так вели себя многие, оказавшись в междутропических водах²⁴, где как раз тогда находился «Петух».

Однако заметим при этом, что первый из иллюминаторов в покоях, занятых distinguished пассажиром и его семейством, располагался в пяти-шести футах под шлюпкой, где спал граф Орас.

Олоне провел весь день и вечер, облокотясь на релинги и не отрывая пламенного взора от моря; ветер, довольно слабый днем, неумолимо стихал и незадолго до захода солнца упал вовсе – воцарился полный штиль. Воздух как будто застыл; мрачно-маслянистая поверхность моря напоминала неоглядную гладь нефтяного озера; оба корабля едва покачивались на протяжной, почти не ощутимой зыби, больше похожей на дыхание громадного таинственного Левиафана²⁵.

²⁴ *Междутропические воды* – переходная зона между пассатами Северного и Южного полушарий или между пассатом и экваториальными западными ветрами.

²⁵ *Левиафан* – в библейской мифологии морское животное, описываемое как крокодил, гигантский змей или чудовищный дракон.

Когда солнце уже клонилось к закату, Олоне показалось, что он заметил в той стороне, на самой линии горизонта едва различимую черную точку и своим зорким глазом моряка распознал в ней пирогу. Сделав такое открытие, молодой человек вздрогнул. Оба судна находились в водах проливов – излюбленном месте буканьеров, где они обыкновенно нападали из засад на испанские галионы, возвращавшиеся в Европу. Олоне вдруг почувствовал, как в сердце у него затеплилась надежда, но он поостерегся сообщать кому бы то ни было о своем открытии и продолжал неотрывно, с лихорадочным беспокойством наблюдать за точкой, возможно сулившей им всем избавление.

Поэтому молодой человек почти не удивился, когда на другой день узнал, что случилось ночью и как буканьеры захватили «Сантьяго».

Испанцы, переправленные на борт «Петуха» уже в качестве пленников, и не пытались отстоять свой корабль, хотя пушек на «Сантьяго» для обороны хватило бы вполне: решив, как видно, что буканьеры нагрянули в несметном количестве, они сочли всякое сопротивление бесполезным, сложили оружие по первому же требованию и безропотно дали заковать себя в кандалы.

Узнав от капитана Гишара, что на борту сопровождаемого судна находится герцог де Ла Торре и что он сел на «Петуха» в Дьепе в качестве пассажира по срочному приказу господина Кольбера, Дрейф, ворча сквозь зубы, просил капитана заверить своего почтенного пассажира в том, что в его положении ничто не изменится и что по прибытии на Санто-Доминго он будет волен отправиться куда угодно; а до тех пор с ним будут обходиться с уважением, достойным его имени и титула. Но ненависть, какую буканьер питал к испанцам, была до того сильна, что он наотрез отказался повидаться с герцогом, невзирая на настойчивые увещания капитана Гишара, и, все так же недовольно бурча, поднялся на палубу, чтобы отобрать матросов-добровольцев.

Из числа пассажиров он набрал таких человек двадцать – в основном бывших рыбаков и моряков, благо те без долгих раздумий сами изъявили желание помочь в управлении судном. Их предложение было принято – таким образом, экипаж «Петуха» остался на борту «Сантьяго», что дало Дрейфу, включая его буканьеров, команду численностью восемьдесят семь человек; однако этого оказалось маловато для управления таким большим кораблем, как «Сантьяго», хотя и более или менее достаточно, чтобы довести его до Леогана, куда было рукой подать. Впрочем, Дрейф рассчитывал вот-вот повстречаться с «Непоколебимым», который искал уже давно, и не сомневался – господин де Лартиг согласится выделить ему в помощь своих людей, коли будет такая надобность.

После того как было покончено со всеми доукомплектовками, на что ушло меньше часа, оба судна так же вместе продолжали свой путь дальше; правда, теперь они держали курс не на Кубу, а на Леоган. Только и всего.

Герцог де Ла Торре с живейшей радостью воспринял решение капитана Дрейфа по поводу своей участи, потому как здорово переживал на сей счет; однако же он снова отказался принять у себя графа Ораса, когда тот явился к нему, чтобы передать свои поздравления.

Столь неожиданная перемена в положении судна вернула графу кое-какую надежду, и он обратился в мыслях к изначальным своим планам, смекнув, что у него появилась новая возможность довести их до конца. Но эта надежда мелькнула и тут же угасла. Капитан Гишар, снова став хозяином у себя на борту, вызвал старшего помощника и объявил, что своим поведением ночью, когда судно захватили пираты, Орас нанес серьезный урон собственной чести, вследствие чего он, капитан, вынужден отстранить его от должности и доставить под арестом в Леоган, где будет проведено строгое дознание по фактам, вменяемым ему в вину; и что он должен будет держать полный ответ перед советом во главе с господином д'Ожероном, назначенным королем губернатором французской части острова Санто-Доминго.

Доведя до бывшего старшего помощника свое решение, капитан Гишар показал жестом, что тот может идти, и, не дожидаясь его ответа, повернулся к нему спиной.

Впрочем, граф Орас и не пытался отвечать, потому как не мог: он был совершенно подавлен. Стыд, злоба и ненависть клокотали в нем с такой неистовостью, что у него не было сил ни о чем думать. На миг ему показалось, что он вот-вот умрет; он был бледен как полотно; на лбу у него сверкали крупные капли пота; прилившая к вискам кровь туманила взор; в ушах шумело; вены вздулись так, что готовы были лопнуть; он шатался, точно пьяный, отчаянно озираясь по сторонам.

Олоне, сжалившись при виде столь страшной муки, было кинулся к графу, желая ему помочь. Но тот грубо оттолкнул его, обдал взглядом, полным ненависти, прошептал что-то невнятное и, цепляясь за все, что попадалось под руку, заковылял к шлюпке, вот уже несколько дней служившей ему обычным прибежищем. Кое-как забравшись в нее, он не сел, а буквально рухнул на дно и несколько часов кряду пролежал там в состоянии полной подавленности.

Матросы, находившиеся в это время на палубе, наблюдали за происходящим с удивлением и вместе с тем с отвращением. Графа ненавидели все, и, вероятно, большинство очевидцев страданий бывшего старшего помощника капитана радовались в душе постигнутому его жестокому, но заслуженному унижению.

Граф же не хотел больше появляться на верхней палубе – и так и сидел тихо и смирно в шлюпке, как тигр в своем логове, прокручивая в своей горящей огнем голове самые зловещие планы мести.

Олоне не питал к графу почти никакого доверия, ибо знал: тот способен на любые действия. И потому, несмотря на его вроде бы смиренное поведение, решил по возможности не спускать с него глаз.

Питриан, которого капитан Гишар востребовал у капитана Дрейфа, получил разрешение вернуться на борт «Петуха», где тотчас же был произведен во вторые штурманы и таким образом занял должность Олоне, занявшего, соответственно, место графа на посту старшего помощника капитана.

Питриану-то новоиспеченный старший помощник и поручил приглядывать за графом, посоветовав быть все время начеку, тем более что вот уже часа два-три арестант притворялся совершенно беспечным – ел и пил вдосталь, словно безоговорочно смирился со своей участью. Было очевидно: граф играл новую роль и вынашивал план мести, и потому надо было глядеть за ним в оба.

Питриан согласился исполнить поручение, которое доверил ему друг, и стал незримым, но бдительным стражем, не спускающим глаз с арестанта.

Так минуло два-три дня, но никаких перемен в положении наших героев за это время не произошло.

Граф покидал шлюпку, куда совсем переселился, только трижды в день, чтобы попасть к себе в каюту, где он всякий раз задерживался не больше чем на пять минут, видно, отбирал кое-какие необходимые вещи; но ему удавалось так хорошо их припрятывать, что даже самый пристальный наблюдатель не смог бы ничего заподозрить. Впрочем, это было и не так уж важно.

Дважды или трижды почтенный пассажир собирался подняться на верхнюю палубу, чтобы подышать свежим, бодрящим воздухом, что в этих жарких широтах насущно необходимо, поскольку на нижних палубах действительно не продохнуть. Но всякий раз он был вынужден возвращаться к себе в каюту и оставаться там, потому что граф Орас всегда встречал его насмешливыми приветствиями и странными взглядами.

Экипаж и пассажиры «Петуха» пребывали в тревоге; каждый невольно ощущал, что долго так продолжаться не может и вот-вот грянет беда. Таким образом, все жили не столько в ожидании, сколько в зловещем предчувствии чего-то страшного. И вот как-то под утро, часов около четырех, когда только-только произошла смена вахты, тишину на судне разорвал душе-

раздирающий вопль; призывы на помощь, повторявшиеся несколько раз подряд и сопровождавшиеся беспорядочным топотом, слышались со стороны покоев господина де Ла Торре.

Олоне и несколько человек из экипажа опрометью кинулись туда, откуда доносился гвалт. Их взорам предстала жуткая картина – при виде происходящего они оцепенели от ужаса. Дверь в покои герцога де Ла Торре была разбита вдребезги и сорвана с петель. На пороге второй каюты, служащей донье Виоленте спальней, в луже крови лежал капитан Гишар с проломленным черепом от страшного удара топором и содрогался в последних конвульсиях; сеньорита де Ла Торре, в ночной сорочке, повисла без чувств на руках отца, неподвижного и непреклонного, застывшего со шпагой в руке на пороге своей спальни; а за спиной у него была госпожа де Ла Торре: упав на колени, она потеряла сознание и уронила голову в кресло.

В самой же каюте сеньориты де Ла Торре, где иллюминатор был выбит снаружи, по ковру катались двое, сплетаясь в клубок, точно змеи, задыхаясь и изрыгая гневные проклятия. Эти двое были Питриан и граф Орас. Каждый из них старался что есть мочи вырвать жизнь у своего противника; кинжалы в руке того и другого сверкали, как грозные молнии; но они оба были молоды, ловки, проворны и крепки, силы у них были равны, и они тщетно теряли их в отчаянной схватке.

Одним прыжком, точно тигр, Олоне метнулся к мертвому телу капитана Гишара – бедняга уже испустил последний вздох, – и в тот миг, когда граф Орас, которому вдруг почти удалось высвободиться из рук соперника, с ликующим вскриком занес над ним кинжал, Олоне обрушил ему на голову кулак, хватив по затылку с такой силой, ибо он был безоружен, что граф Орас, мертвенно побледнев, качнулся, всплеснул руками, рухнул на ковер, словно тяжелый мешок, и тут же лишился сознания.

Олоне оглушил его, как быка на бойне.

Матросы не мешкая накинулись на презренного убийцу и в следующее мгновение накрепко связали его по рукам и ногам, напрочь лишив возможности пошевелиться.

Олоне велел вынести бездыханное тело несчастного капитана Гишара, а графа – запереть в тросовом отделении, после чего, дав прислуге господина де Ла Торре время привести

в порядок каюты герцога и смыть с пола кровь, вернулся обратно в сопровождении Питриана, убедившись предварительно, что узник пришел в сознание.

Благородный испанец ждал молодых людей в своей первой каюте, сидя за столом, а напротив него почтительно стоял судовой писарь, которого герцог позвал к себе, велел захватить бумагу, перья и чернила.

Горячо поблагодарив обоих молодых людей за великодушную помощь и заверив их, что герцогиня с дочерью уже пришли в сознание и чувствуют себя лучше, чем можно было ожидать, герцог, по просьбе Олоне, заметившего, что нельзя терять ни минуты ради торжества правосудия, приступил к дознанию. А судовой писарь делал тем временем необходимые записи для будущего отчета.

Итак, были установлены следующие факты. Мы же приводим их ниже в сокращенном виде, позаимствовав из отчета, который и по сей день хранится в архивах министерства ВМС.

Граф Орас де Вильномбль, несмотря на унижение, которому подверг его капитан Гишар, не питал к нему ни малейшей ненависти; граф даже не затаил на него обиды, ибо, как он считал, ее нанес ему мужлан, а стало быть, она никаким боком не могла задеть его, человека голубых кровей. Да уж, таковы были нелепые и ложные предубеждения знати той поры, и, сколь бы глупыми и жалкими они ни казались нам сегодня, именно так тогда считали все вельможи. Однако продолжим.

Всю свою ненависть старший помощник направил на герцога де Ла Торре, ибо его презрительное отношение нарушило все виды графа на будущее: ведь он рассчитывал с помощью высокородного испанца вернуть себе благорасположение министра и снова занять положение, достойное славного имени, которое он носил. Иными словами, граф решил отомстить герцогу де Ла Торре и косвенно – его семье. Поскольку он самолично распорядился подготовить каюты для благородного иностранца, то знал их устройство как свои пять пальцев; кроме того, он ловко заполучил необходимые орудия, чтобы проникнуть туда, когда ему заблагорассудится, без ведома господина де Ла Торре.

Место, которое бывший старпом занял в шлюпке, было лучше не придумашь. Эта шлюпка, висевшая за кормой, располагалась достаточно близко к иллюминаторам герцогской каюты – до них можно было запросто добраться и даже вскрыть снаружи с помощью приспособлений, которыми злоумышленник обзавелся загодя.

Граф Орас решил заколоть того, кого отныне считал своим кровным врагом и кто на самом деле был повинен перед ним лишь в том, что благоволил к нему всем сердцем и старался всячески его утешить.

Вот какой способ выбрал граф, чтобы осуществить свою месть.

Заглянув три или четыре раза к себе в каюту, он прихватил кое-какое оружие – топор, кинжал и пистолеты, а также кое-что из платья и все золото, какое было при нем; совершив же злодеяние, граф рассчитывал бежать. Побег казался ему плевым делом: судно находилось неподалеку от берегов Кубы – потихоньку спустить шлюпку на воду, считал он, будет проще простого, и тогда под покровом ночи ему удастся незаметно улизнуть и даже добраться до берега еще до того, как его хватятся и пустятся за ним в погоню.

Час, который граф счел самым подходящим для осуществления своего замысла, приходился на смену вахты, когда на судне некоторое время царил беспорядок, что, по его расчетам, должно было сыграть ему на руку. Таким образом, в то самое время, когда сигнальщик пробил в рынду четыре часа, граф стравил тали, удерживавшие шлюпку, и спустился в ней до уровня иллюминаторов, потом заткнул за пояс кинжал, взял топор и попытался вскрыть ближайший иллюминатор.

Единственное, чего не мог учесть граф, так это вот что. Во-первых, неделей раньше герцог де Ла Торре попросил укрепить изнутри иллюминаторы в своей каюте; во-вторых, отныне у графа был надзиратель – Питриан, не выпускавший его из виду ни на минуту.

Питриан живо раскусил злонамеренные помыслы графа. Не теряя ни мгновения, он побежал будить капитана и сообщил ему в двух словах о том, что происходит. Капитан, не тратя времени на одевание, дал Питриану кинжал, другой взял себе, и они вдвоем устремились к покоям герцога с криками о помощи. В тот самый миг, когда они вломились к герцогу, иллюминатор в его каюте разлетелся вдребезги и в каюту снаружи ворвался граф. От оглушительного грохота герцог тотчас вскочил на ноги – и едва успел распахнуть дверь в спальню, как в его объятия упала почти обезумевшая от страха дочь. Граф, в слепой ярости заметив, что его план рушится на глазах, устремился на капитана и проломил ему топором голову; потом он хотел было кинуться на герцога – тот хладнокровно стоял и поджидал его со шпагой в руке. Тогда-то Питриан очертя голову и набросился на графа, обхватил его руками и схлестнулся с ним в отчаянной схватке, которая могла обернуться для отважного малого плохо, если бы не чудесное, своевременное вмешательство Олоне, остановившего убийцу, правда, увы, слишком поздно, поскольку бедного капитана Гишара спасти так и не удалось.

Писарь удалился привести в порядок отчет, чтобы засим представить его на подпись, что и было сделано спустя полчаса.

Бумагу подписали господин герцог де Ла Торре, Олоне, Питриан и многие матросы, хотя последние большей частью вместо подписи поставили крестик. Олоне, оставшийся теперь за капитана корабля, велел подготовить шлюпку к спуску на воду и пересадить в нее арестанта, предварительно ослабив на нем путы; потом, распрощавшись с герцогом и на время перепоручив командование «Петухом» своему другу Питриану, он аккуратно сложил отчет, засунул себе в карман и переправил узника в шлюпку на борт «Сантьяго», чтобы посоветоваться с капитаном Дрейфом, как быть дальше.

Буканьер, оставленный на «Сантьяго» временно за командира, приказал притащить графа Ораса к опоре грот-мачты и привязать к ней, после чего он принялся подавать сигналы, столь внезапно прервавшие беседу флибустьера с господином де Лартигом, что и послужило причиной скорейшего возвращения знаменитого буканьера на борт означенного корабля.

Глава V

Как вершился суд на борту военных кораблей его величества короля Франции и Наварры в году 1674 от Рождества Христова

Дрейф оказался в крайне затруднительном положении, когда Олоне поведал ему о злодеянии, совершенном на борту «Петуха».

– К чертям собачьим эти юбки! – прокричал он несколько раз подряд, в ярости топая ногами. – Хватит и одной, чтобы осатанели даже самые крепкие молодцы!

– Но, капитан, клянусь, эти дамы тут совершенно ни при чем, – оправдывался Олоне.

– «Эти дамы»! «Эти дамы»! – не унимался Дрейф. – Так их что там у вас, целый батальон? Тогда чему уж тут удивляться, тысяча чертей! С эдаким балластом вы скоро все перережете глотки друг дружке!

– О, капитан, их всего-то две – госпожа де Ла Торре с дочерью! – с укоризной заметил Олоне.

– Да вы изумляете меня с вашей госпожой де Ла Торре и ее дочерью! – продолжал буйствовать флибустьер, относившийся к женщинам с явным предубеждением. – Мне-то какой с них прок? Чем они с виду смазливей и умней, тем опасней! Ох уж мне эти дамочки! Видите ли, милый мой Олоне, я, отчаянный флибустьер Дрейф, как меня величают некоторые... так вот, клянусь честью, по мне, так уж лучше в одиночку схлестнуться с полусотней испанцев, чем иметь дело с одной дамочкой!

– Полноте! Вы никак шутите, капитан!

– Ничуть, тысяча чертей! И зарубите себе на носу: женщина держит в руках одновременно мину и змею, она убивает и очаровывает. Когда-нибудь сами поймете, – с поникшим видом прибавил он.

– Упаси меня бог, капитан!

– Воля ваша, – бросил Дрейф, сочувственно пожав плечами. – Для меня женщина не стоит даже этого! – Он щелкнул большим и средним пальцем.

– Как бы то ни было, капитан, – продолжал Олоне, переводя разговор на другую тему, – а вот этот человек убил капитана Гишара, подло убил и коварно.

– А вот это уже дело серьезное! Бедный капитан Гишар! Ладно, лично я и понятия не имею, с какого боку за него браться. Думаю, будет куда лучше доверить такой серьезный вопрос господину де Лартигу. Он командует кораблем его величества – ему и решать. Как считаете?

– Полностью разделяю ваше мнение, капитан. Раз уж такое дело, пускай господин де Лартиг его и рассудит.

– То-то, это ж проще пареной репы, милый мой. Давайте-ка сюда вашу бумагу. Вот так. Да обождите здесь. Я скоро. Ох уж эти чертовы юбки!

Попрощавшись с молодым человеком без лишних церемоний, Дрейф прыгнул в одну из шлюпок, на которых перевозили пленных испанцев, и направился в ней обратно на борт «Непоколебимого».

Олоне, чувствуя себя явно не в своей тарелке на борту такого большого корабля, где он к тому же никого не знал, принялся по свойственной морякам привычке расхаживать взад и вперед по верхней палубе, ожидая возвращения Дрейфа.

Так он ходил туда-сюда, погруженный в свои мысли, как вдруг через некоторое время услышал, как его зовет граф Орас.

– Что вам от меня нужно, сударь? – осведомился он, подходя ближе.

– Прошу меня простить, что отрываю вас от раздумий, – с легкой насмешкой проговорил граф, – но я не раз уже пытался поговорить с матросами, которые меня стерегут, а они словно в рот воды набрали.

– Должно быть, им запрещено вступать с вами в разговоры.

– Ничего подобного, – бросил один из буканьеров, эдакий геркулес, косая сажень в плечах, под шесть футов ростом. – Просто нас от него с души воротит.

– Смешно! – заметил граф.

– А вот оскорблять нас не надо, голубок! – усмехнувшись в свою очередь, продолжал буканьер. – Не то, клянусь Данником – это мое прозвище, – пересчитаю тебе кости, а рука у меня тяжелая.

Олоне сделал знак геркулесу и снова обратился к графу:

– Так что вам угодно?

– Просто хотел кое-что узнать. Если, конечно, это не в тягость вашей милости.

– Смотря что! Так о чем речь?

– Кажется, я узнал корабль, что стоит лагом в кабельтове от нас, хотя могу и ошибаться.

Вот я и хотел уточнить, как он называется?

– Это корабль четвертого ранга «Непоколебимый».

– Я так и знал, – проговорил граф с легкой дрожью в голосе. – А как зовут его командира, знаете?

– Да, слышал только что ненароком.

– И как же? – немного оживившись, спросил бывший старпом.

– Господин граф де Лартиг.

– Ха-ха! – радостно воскликнул граф. – Похоже, дьявол и в этот раз не оставил меня!

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего... разве только то, что господин де Лартиг мой близкий родственник, понятно? – насмешливо пояснил он.

– Не очень.

– Так вот, господин де Лартиг, близкий мой родственник, – граф особенно четко выделил три последних слова, – слишком благороден, чтобы требовать от меня ответа за смерть какого-то мужлана.

И он расхохотался – нервно и издевательски.

Олоне с отвращением отвернулся и, пожав плечами, пошел прочь.

– Еще поглядим, чем все закончится! – угрожающим тоном крикнул ему вслед граф.

– И то верно, – откликнулся Олоне. – Благо вот и капитан Дрейф уже вернулся.

Между тем на корабле его величества произошло нижеследующее.

– Опять пожаловали ко мне на борт, любезный капитан? – дружески встретил Дрейфа господин де Лартиг, когда тот снова поднялся на палубу «Непоколебимого».

– Да, командир, опять, – коротко отвечал флибустьер.

– О-о, так что там у вас стряслось? Вы сами не свой!

– Так и есть, командир. Да ничего особенного, ежели не считать убийства.

– Убийства?!

– Да, командир. Старший помощник на судне Компании зарубил топором своего капитана.

– Какой ужас! – воскликнул командир «Непоколебимого», сделав Дрейфу знак следовать за ним.

Когда они оказались в кормовой каюте, господин де Лартиг, пригласив капитана буканьеров сесть, продолжал:

– Теперь, когда мы одни, объясните, как все случилось.

– Меня при этом не было, командир; преступление, похоже, было совершено, когда я находился у вас на борту.

– Отчет составили?

– Да, командир, судовой писарь потрудился; только сам я отчета не читал – доставил его прямиком вам; решил, такое дело касается вас одного, как командира королевского корабля.

– И правильно решили, капитан. Всякое преступление, совершенное на борту торгового судна, должно рассматриваться военным трибуналом, созданным на борту военного же корабля, находящегося поблизости от места преступления на время совершения оно, и под председательством его командира. Так что с этим все в порядке.

– И я так подумал, командир, потому и поспешил обратно к вам. Случись такое между флибустьерами, дело было бы плевое – я уладил бы все по-буканьерски.

– Да уж, – с улыбкой заметил господин де Лартиг, – знаю я ваши методы: уж больно они скорые!

– Э-э, командир, порой лучше не бывает.

– Да я и не возражаю, капитан. Так где этот ваш отчет?

– Вот, командир.

Дрейф достал из кармана камзола бумагу и протянул ее господину де Лартигу.

Тот развернул бумагу и прочитал подписи.

– Как! – изумился он. – Господин герцог де Ла Торре сейчас на борту судна Компании?

– Да, командир, вместе с госпожой герцогиней и дочерью.

– То-то и странно! Испанский гранд, и на французском судне!

– Подробности мне не известны, командир. Я еще не имел чести видеть господина герцога де Ла Торре. Помню только, бедный капитан Гишар говорил, что взял к себе на борт в Дьепе герцога с семейством по приказу господина Кольбера.

– В конце концов, это не так уж важно, – заметил господин де Лартиг.

И принялся было читать отчет, как вдруг бумага выскользнула у него из рук, лицо сделалось мертвенно-бледным, а сам он весь как-то обмяк, словно теряя сознание.

– Что с вами, командир? Вам нехорошо?! – вскричал Дрейф, живо вскакивая с места и озабоченно склоняясь над собеседником.

– Ничего страшного, любезный мой капитан, – проговорил командир «Непобедимого», стараясь изо всех сил совладать с пронизавшей его болью. – Ничего страшного, просто внезапное затмение – со мной такое иногда случается. Но, – прибавил он с печальной улыбкой, – это быстро проходит, и теперь я в полном порядке.

– Тысяча чертей, командир, вы здорово меня напугали! Я уж боялся, как бы вы не отдали богу душу у меня на руках.

– Сердечно признателен за живейшую заботу, которую вы ко мне проявили, дорогой капитан. В самом деле, меня одолел острый приступ, но теперь все хорошо. А стало быть, давайте вернемся к нашему делу.

Господин де Лартиг, хотя он и был все еще бледен, как саван, и его била нервная дрожь, тем не менее выжал из себя улыбку и протянул буканьеру руку, которую тот горячо пожал. Засим он поднял с пола отчет и принялся читать его от начала до конца, не выказывая уже ни тени волнения или любопытства, кроме глубокого отвращения к совершенному злодеянию, подробное описание коего было у него перед глазами.

– Любезный мой капитан, – промолвил он наконец, сложив бумагу пополам и откладывая ее на стол, – такое гнусное преступление не может остаться безнаказанным. Правосудие должно свершиться, и я об этом позабочусь.

– Какие будут мне приказания, командир?

– Вот что следует сделать, любезный капитан. Я незамедлительно собираю у себя на борту военный трибунал, и с вашим участием.

– Моим, командир?

– Разумеется. Разве преступление было совершено не на одном из кораблей под вашим началом?

– Все так, командир.

– Возвращайтесь же немедленно к себе на борт и доставьте сюда свидетелей, подписавших отчет: их присутствие необходимо. Что же касается двух дам, им нет надобности присутствовать на прискорбном спектакле, каковой являет собой военный совет, ибо для них это было бы немилосердным испытанием. Уж лучше пусть они не узнают, что там будет происходить. Как считаете, любезный капитан?

– Полностью разделяю ваше мнение, командир.

– Замечательно. Да, и не забудьте вместе с убийцей доставить ко мне на борт и тело несчастного капитана Гишара!

– Будет сделано, командир! Не пройдет и получаса, как ждите меня обратно.

– Ступайте, капитан! А мы пока тут все подготовим.

Дрейф встал, поклонился господину де Лартигу и сразу вслед за тем покинул борт «Непоколебимого». Все было исполнено точь-в-точь, как договорились господин де Лартиг и капитан Дрейф.

Когда прославленный буканьер снова появился на палубе «Непоколебимого», внешне корабль полностью изменился. На верхней палубе выстроился вооруженный экипаж; старшие офицеры в парадных кителях, словно перед сражением, стояли на корме рядом с командиром корабля де Лартигом. Другие офицеры, из командного состава, собрались возле нактоуза компаса. Свидетели держались чуть в стороне. Граф Орас, с невозмутимым и насмешливым, хотя и несколько бледным видом, стоял у опоры грот-мачты под охраной дюжины морских пехотинцев, которыми командовал офицер. Тело капитана Гишара, покоившееся на носилках, поместили всего лишь в нескольких шагах от убийцы, на виду у всех. Господин де Лартиг вышел вперед к буканьеру; они оба молча приветствовали друг друга, после чего командир «Непоколебимого» вскинул руку. Грянули барабаны.

– Идемте, господа, – сказал командир, когда снова восстановилась тишина.

Дрейф и господин де Лартиг направились в «совещательную», а за ними, в нескольких шагах позади, последовали офицеры из командного состава корабля.

Военный совет был избран незамедлительно. В его состав вошли: командир «Непоколебимого», Дрейф, старший помощник командира корабля, один лейтенант, один гардемарин, старший вестовой, он же главный боцман, один старшина, один солдат морской пехоты и один матрос. Капитан морских пехотинцев исполнял обязанности докладчика, а судовой писарь – секретаря суда. Таким образом, всего собралось одиннадцать человек.

Для членов совета поставили длинный стол; справа от него поместили столик поменьше – для капитана, а слева еще один – для секретаря; все три стола были покрыты зеленым сукном; на столах тут и там расставлены чернильницы и разложены перья с бумагой. Балюстрада высотой по пояс разделяла каюту на две равные половины; рядом с балюстрадой неподвижно стояли двое часовых, вооруженных мушкетами. Члены совета вошли в «совещательную», поднялись на помост высотой около фута, на котором стояли столы, и по знаку командира корабля заняли свои места по рангу справа и слева от него.

– Господа, – проговорил командир корабля господин де Лартиг, когда все расселись по местам, – вас пригласили сюда, дабы вы исполнили свой высший долг. Вам предстоит вынести приговор по делу о подломе преступления, и вы, убежден, с достоинством выполните возложенную на вас задачу без малейшей предвзятости, исполнившись добросердечия и беспристрастия, коих требует от вас ваша честь.

Члены совета почтительно поклонились.

– Пригласите свидетелей! – продолжал господин де Лартиг. – И откройте двери, чтобы экипаж тоже мог присутствовать при том, что будет происходить.

Тут поднялся докладчик.

– Простите, командир, – начал он, – но, прежде чем ваш приказ будет исполнен, мне хотелось бы кое-что высказать при закрытых дверях.

– Ваше желание противозаконно, капитан, – возразил командир. – Заседания совета, как только он утвержден, должны проходить открыто.

– Однако я надеялся, капитан, учитывая всю серьезность...

– Это невозможно, капитан, – стоял на своем господин де Лартиг. – Лейтенант, – прибавил он, обращаясь к офицеру, который с обнаженной шпагой в руке почтительно стоял при входе в «совещательную», – выполняйте мой приказ.

Офицер по-военному отдал честь.

Герцог де Ла Торре, Олоне и Питриан в сопровождении трех других матросов прошли в «совещательную», проследовали за балюстраду и, приветствовав совет, сели на приготовленные для них стулья и скамьи. Половину каюты, отведенной для зрителей, тут же заполнили моряки, солдаты и офицеры из экипажа «Непоколебимого» – правда, только те, кому достались свободные места. По знаку командира корабля, точно по мановению волшебной палочки, суэта, учиненная частью экипажа при входе в «совещательную», тотчас сменилась глубокой тишиной.

– Капитан, – сказал тогда господин де Лартиг, – итак, мы вас слушаем.

Докладчик снова встал. Он был бледен и хмур. Ибо слишком хорошо знал своего командира, чтобы в чем-то его послушаться, хотя и ответил на его призыв не без сожаления. Если еще мгновение назад он желал говорить, то теперь ему хотелось молчать; но медлить было невозможно – надо было решаться.

– Господа, – наконец проговорил капитан голосом, дрожащим от волнения, которое он тщетно старался подавить, – я прошу совет выслушать заявление первостепенной важности.

Члены совета приготовились внимательно выслушать докладчика.

– Вы все знаете, господа, – продолжал докладчик, – по какому поводу мы здесь собрались. Нам предстоит выполнить нелегкую задачу – осудить подлое убийство, совершенное по отношению к капитану Гишару, командиру корабля Вест-Индской компании «Петух», человеком, находившимся в непосредственном его подчинении. С этим человеком никто из вас не знаком; никому из вас не известно, кто он; вы даже не знаете его имени. И мой долг, прежде чем виновный предстанет перед военным трибуналом, состоит в том, чтобы назвать этого человека.

– Капитан! – воскликнул господин де Лартиг.

– Простите, командир, я еще не закончил, – бесстрастно возразил капитан.

Господин де Лартиг, ничего не ответив, опустил голову.

– Господа, – продолжал докладчик, – этот человек принадлежит к древнейшему и вместе с тем одному из самых знатных французских родов. Он служил офицером в королевском флоте, но был с позором изгнан из наших рядов за постыдные пороки и поведение, не достойное дворянина и честного человека; всеми отвергнутый, отторгнутый всеобщим презрением, не зная, что делать и как быть, он из сочувствия снискал себе должность старшего помощника капитана на борту «Петуха»; и зовут этого человека граф Орас де Вильномбль. Но известна ли вам главная причина, побудившая меня сделать это заявление, впрочем еще не законченное? Так вот, суть в том, что человек этот доводится близким родственником нашему любимому и верному командиру. И с нашей стороны было бы бесчеловечно требовать, чтобы господин де Лартиг, коего все мы почитаем как родного отца за его достойный характер и безграничную доброту, председательствовал на военном совете, призванном судить его родственника, ради которого он пошел на большие жертвы, – словом, воспитал в своем доме. А посему наш долг, господа, состоит в том, чтобы всеми силами воспрепятствовать возложению столь тяжелой обязанности на нашего честного и уважаемого командира.

– Поддерживаем! Поддерживаем! – в один голос воскликнули члены совета.

Только сейчас понял Дрейф, отчего господин де Лартиг едва не потерял сознание, когда первый раз взялся читать отчет; флибустьер корил себя за то, что причинил столь мучительную боль честному офицеру, пусть и невольно: ведь он ни сном ни духом не ведал о его близком родстве с убийцей.

Когда ропот, вызванный оглашением этого необычного обстоятельства, утих и снова воцарилась полная тишина, командир встал.

Господин де Лартиг был бледен, но держался твердо; на его мужественном лице не осталось ни тени былой слабости – оно сделалось совершенно каменным.

– Господа, – проговорил он с горькой улыбкой на бесцветных губах, – благодарю вас. Господин докладчик исполнил свой долг, доведя до вашего сведения факты, которые вы не знали; но я позволю себе не согласиться с вашим мнением, отвергнув легкий окольный путь, коим вы благожелательно предлагаете мне воспользоваться, призывая меня отказаться председательствовать на этом военном трибунале. Я не в силах оставить свое место. Король назначил меня командовать этим кораблем, и я обязан смириться со столь почетным бременем. Я изменил бы своему долгу, к чему вы не хотели бы меня склонить, если бы отстранился и снял с себя ответственность, коей я обременен в нынешних столь серьезных обстоятельствах. Когда я был призван исполнить долг верховного судии во имя торжества закона, постыдно попранного жалким нечестивцем, недостойным ни малейшего снисхождения, то решил: чем ближе мне виновный, тем строже должен я его судить. И долгу своему я не изменю, что бы там ни было. Пусть я послужу вам примером, ведь большинству из вас однажды будет суждено командовать кораблями, и тогда вы вспомните, что честный человек ни за что на свете, сколь бы дорого его сердцу что-то ни было, не поступится ради этого своим долгом.

И, обращаясь к лейтенанту, ждавшему его приказов, он сказал:

– Введите обвиняемого, пусть он предстанет перед советом.

Шепот восхищения, подобный электрическому заряду, раскатился по рядам присутствующих. Послышался чеканный шаг солдат морской пехоты; матросы расступились вправо и влево, освобождая широкий проход для арестанта, который под конвоем ступил за балюстраду и остановился напротив председателя совета. Солдаты встали в двух шагах позади него и замерли как вкопанные. Осанка у графа Ораса была вызывающей. Голова надменно вздернута, взгляд исполнен пренебрежения, на лице – насмешливая гримаса. Минуты две-три – целую вечность! – в «совещательной» стояла гробовая тишина.

– Огласите отчет! – бесстрастно проговорил командир корабля.

Корабельный писарь встал и медленно и монотонно зачитал отчет. Завершив наконец чтение, он отдал честь и сел на место.

Граф Орас улыбался.

– Господин герцог де Ла Торре, – сказал командир, – действительно ли факты изложены в отчете точно?

– Клянусь честью, все без исключения, – отвечал герцог, приветствуя совет.

– Ваше слово, господа? – продолжал командир, обращаясь к другим свидетелям.

– Клянемся честью! – единогласно подтвердили те.

– Прекрасно. Соблаговолите занять свои места.

Господин де Вильномбль все так же улыбался, обводя спокойным взглядом присутствующих.

После короткой паузы командир корабля продолжал, обращаясь на сей раз к арестанту:

– Вы слышали обвинение, выдвинутое против вас, сударь? Что вы имеете сказать в свою защиту?

– Я имею сказать, дорогой дядюшка, – отвечал граф, пренебрежительно пожав плечами, – что считаю эту комедию отвратительным фарсом.

– Сударь, – строго отрезал командир, – у вас нет здесь родственников; вы предстали перед военным трибуналом, созданным по закону, чтобы рассмотреть факт вопиющего злодеяния. Предупреждаю в последний раз, отвечайте!

Граф Орас смертельно побледнел и пошатнулся, едва не упав; ему вдруг все стало ясно – он понял, что пропал. Однако, призвав на помощь свою гордыню, он сделал над собой крайнее усилие, выпрямился, лихорадочно поднес ладонь к блестящему от пота лбу, потом, закрутив ус с невыразимо презрительным высокомерием, усмехнулся.

– Но разве не брат моей матери, ставший мне почти отцом, допрашивает меня с такой строгостью? – сказал он, пожимая плечами. – Глазам своим не верю. Или, может, я ошибаюсь? Неужели я ослышался?

– Вы все прекрасно слышали, сударь. Так что отвечайте! – глухим голосом возразил командир.

– А что вы сами сказали бы в ответ, – с горячностью вскричал граф, – когда б моя матушка, ваша сестра, спросила вас: Каин, что сделал ты с сыном моим?..

Всех свидетелей этой горькой сцены охватили тревога и трепет. Лишь граф Орас, с горящим взором и раздувающимися ноздрями, держался гордо и вызывающе перед лицом суда. Он думал, что одержал верх...

Командир корабля встал.

– Довольно! – громогласно воскликнул он. – Здесь, повторяю, есть только ваши судьи. Вы говорите – я ваш дядя? Ошибаетесь, сударь. Даже если в наших жилах течет одна кровь, знайте, коли она дурна, я выпускаю ее из себя! Вы мне больше никто, и я не желаю вас знать! Отвечайте на вопросы, которые я вам задаю как председатель совета. За что вы убили этого человека?

– Он сам напросился, – отвечал граф Орас на удивление твердым голосом.

– Ложь! Вы силой ворвались в каюту герцога де Ла Торре, а капитан пришел ему на выручку.

– Он поднял на меня кинжал.

– И опять вы лжете! Вас застали на месте преступления, и вы ни за что ни про что проломили ему голову топором.

– Что ж, пусть так. В конце концов, какая разница? Да, я убил его, но ведь он простой мужлан. Что значит его смерть? Ничего. Или, может, я не дворянин? Оставьте! Это плохая шутка. С каких пор дворянин больше не вправе ставить плебея на место? Впрочем, я взываю в первую очередь к господину Кольберу, поскольку он один имеет право рассматривать столь нелепое дело.

– Ошибаетесь, сударь. Мы с вами у берегов Кубы, и здесь, на борту корабля, командование коим вверено мне его величеством, – да хранит его Бог! – я главный и единственный верховный судья. Вы знаете законы, сударь?

– Возможно, раньше знал, но теперь забыл, – равнодушно отвечал граф.

– Сейчас их вам напомнят. – И, обращаясь к докладчику, командир сказал: – Зачитайте обвиняемому из закона, дабы освежить его память.

Капитан раскрыл лежащий перед ним фолиант и, наскоро пролистав его, встал.

Вслед за тем твердым и четким голосом капитан зачитал нижеследующие параграфы:

– Статья тридцать семь. Королевский указ от тысяча шестьсот тридцать четвертого года: «Если кто обнажит клинок на борту корабля и даже если никому от того не будет вреда, виновному надлежит этим самым клинком пронзить руку, положенную на мачту».

– Ко мне-то какое отношение имеет этот вздор? – с пренебрежением спросил граф.

– Слушайте дальше, сударь, – невозмутимо продолжал капитан. – Вот это уже касается вас.

И он снова принялся читать:

– Статья сорок. Из того же королевского указа от тысяча шестьсот тридцать четвертого года: «Если же случится так, что кто-то убьет своего товарища или ранит его таким образом, что тот умрет, убитого привязывают к живому спиной к спине и бросают в море; а если сие случится на земле, виновного надлежит казнить».

Докладчик закрыл фолиант и снова сел на место, окруженный мертвой тишиной.

– Вы слышали? – сказал командир. – Так что вы имеете добавить в свою защиту?

– Ничего, – нервно рассмеявшись, отвечал граф. – Благодарю вас, дядюшка. Да прольется моя кровь на вашу голову!

– Я не творю законы, я их исполняю, – холодно заметил командир. И, обращаясь к членам совета, спросил: – Так какое наказание, по-вашему, заслуживает виновный?

– Смерть! – не колеблясь, отвечали все.

– Слушайте же, несчастный! – объявил господин де Лартиг графу Орасу. – Через час старшина приведет приговор в исполнение. Лейтенант, уведите осужденного и запирайте в трюсовом отделении; скоро к нему с последними утешениями придет корабельный священник. Вас больше ничто не держит на этом свете, – прибавил он, снова обращаясь к несчастному графу. – Примиритесь же с Господом, если сможете.

Спустя час весь экипаж «Непоколебимого» выстроился на верхней палубе в походной форме. На борту «Сантьяго» и «Петуха» матросы облепили все мачты и реи, чтобы поглядеть на казнь.

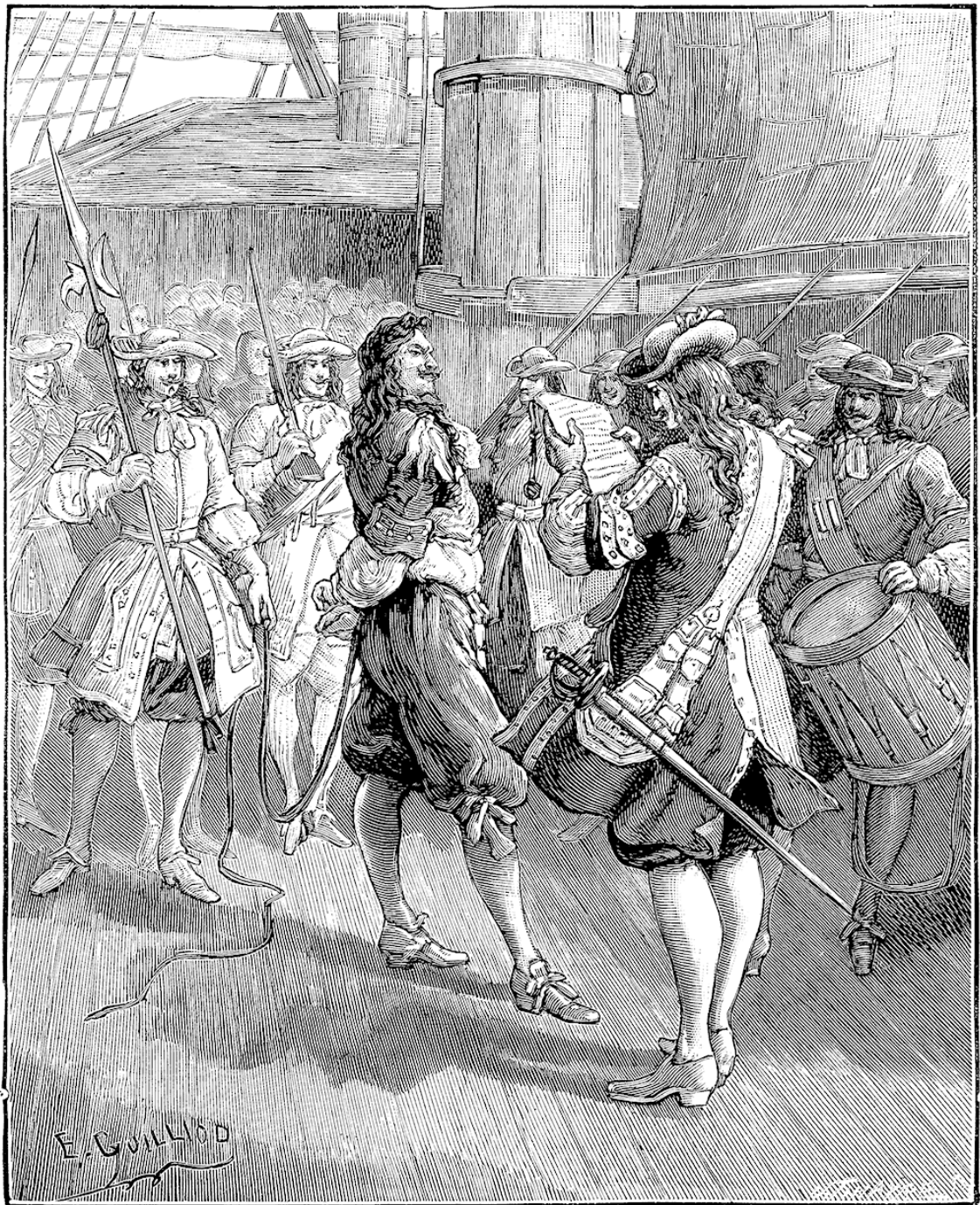
Брадобрей на пару с хирургом завернули тело капитана Гишара, сняв перед тем с него одежду, в кусок ткани и перенесли его на носовую надстройку.

Грянула барабанная дробь – на верхней палубе появился граф Орас. Манеры его ничуть не изменились: он держался надменно и вызывающе. Руки у него были связаны за спиной веревкой, которую держал за один конец капрал; осужденного сопровождал усиленный конвой.

Поравнявшись с грот-мачтой, скорбная процессия остановилась. Снова раскатились дробью барабаны, после чего главный старшина зачитал графу вынесенный против него приговор, подписанный всеми членами военного совета.

Граф Орас не проронил ни слова; он лишь высокомерно пожал плечами, поднялся на носовую надстройку и позволил марсовым старшинам уложить себя на остывший труп своей жертвы.

Невзирая на всю свою стойкость, граф содрогнулся от такого жуткого соприкосновения; ему вдруг стало страшно – с его уст сорвался крик боли и отвращения.

Живой труп привязали спиной к спине мертвеца; с помощью гордения на правом ноке фока-рея их обоих подвесили за бортом, и они висели так над водой четыре или пять минут, раскачиваясь и крутясь в воздухе.

И вот барабаны взорвались сигнальным боем; на грот-мачте взвился желтый флаг, с наветренного борта громынула пушка, возвестив всем, что приговор сейчас будет приведен в исполнение. И когда моряки на трех кораблях увидели, что происходит у них на глазах, и осознали весь ужас столь жуткой казни, господин де Лартиг вскинул руку – главный старшина перерезал трос...

После перебраски реев и постановки парусов корабли двинулись намеченным курсом дальше и вскоре были уже в нескольких милях от двух мертвецов, один из которых, однако

же, был все еще жив и едва маячил в кильватере, то исчезая в провалах между волнами, то взмывая на самые гребни.

Господин де Лартиг удалился к себе в каюту и так и просидел там взаперти до следующего дня.

Глава VI

В которой Олоне и Питриан, отвергнув дары Артаксеркса, были осыпаны почестями самых именитых буканьеров

Буканьеры, флибустьеры, или Береговые братья, ибо они были известны под этими тремя разными названиями, представляли собой в глазах пытливых искателей-философов XVII века самое любопытное явление из всех, что им когда-либо приходилось изучать.

В самом деле, до той поры мировая история никогда не знала героев, столь же странных, сколь и значительных. Эти люди, сыновья всех рас и стран, исповедовавшие все религии и не имевшие, очевидно, ни общих нравов, ни обычаев, говорившие на разных языках и влекомые различными интересами, прибыли из всех уголков старой Европы, гонимые, как некогда Аттила²⁶, необузданной волей; они собрались на богом забытом клочке земли на отшибе Атлантики и там без всяких задних мыслей, предубеждений и преднамеренностей, без каких-либо захватнических или порабощительных помыслов, а заручившись лишь дозволением по чрезвычайному соглашению, провозгласили свободу на морских просторах; они избавились от всякого иноземного подданства и объявили себя хозяевами собственной судьбы, не признающими никакого иного закона, кроме своей воли; они приняли трехцветный – сине-бело-красный флаг и, горделиво сплотившись под этим ярким символом свободы, бросили вызов целому миру.

Очень скоро они, точно стервятники, стали с лета набрасываться на корабли, бороздившие Атлантику, верша неслыханные, превосходящие все мыслимые подвиги; они завладели двумя третями богатого и цветущего острова Санто-Доминго, сделали его своим оплотом и заложили там чудо-колонию; они купались в роскоши и меньше чем за два-три года обрели такую грозную силу, что союза с ними искали самые могущественные монархи, почитавшие их за равных себе.

Какими же были эти люди? Что за цели ставили себе?

Их изображали эдакими злодеями с едва ли человеческим лицом, которым только и было в радость, что убивать, жечь да резать; правила ими алчность, и золото было для них превыше всего. Одним словом, из них сделали шайку подлых разбойников, ослепленных блеском золота, жаждущих безумных оргий, плотских усад и проливающих кровь, словно воду, ради удовлетворения своих низменных, плотоядных инстинктов.

По нашему же мнению, все это не так: о флибустьерах мало что было известно, а лучше сказать, их мало кто понимал.

А между тем флибустьеры были людьми в полном смысле этого слова, со всеми человеческими пороками и добродетелями. Их имена гремели на берегах всего американского континента. После себя они оставили многочисленных преемников, не менее энергичных и предприимчивых, чем сами они в свою бытность. Эти искатели приключений, ныне разобщенные, живущие сами по себе, при случае готовы на самые героические, выдающиеся и невероятные поступки и ратные подвиги. Потому-то на берегах Нового Света имя Береговой брат и по сей день в большом почете. Братья узнают друг друга, точно масоны, по каким-то таинственным знакам, и, когда приходит время действовать, они объединяются под началом своего предводителя, коего сами же и выбирают как *primus inter pares*²⁷.

²⁶ Аттила (?–453) – великий предводитель гуннов; возглавил опустошительные походы в Восточную Римскую империю, Галлию и Северную Италию; при нем союз гуннских племен достиг наивысшего могущества.

²⁷ Первый среди равных (лат.).

Флибустьеры были людьми сильными, мужественными и гордыми, не желавшими терпеть какой-либо гнет и задыхавшиеся в пределах варварской, деспотичной феодальной Европы. Вдыхая свободу всеми порами, слишком слабые порознь и потому не способные завоевать ее у себя на родине, они восставали на собственный манер против постыдной зависимости, которую им навязывали их тогдашние правители, и объявляли себя свободными даже от своих предводителей. Словом, то были деклассированные элементы, которые в наши дни стали бы демократами, прославившимися перед тем как герои и революционеры, подобно их сыновьям в 1789 году²⁸. У них была только одна цель – жить свободно. Но, к сожалению, поскольку они по большей части действовали, повинаясь скорее инстинкту, нежели расчету, то зачастую путали вольность со свободой.

Эти люди, больше восьми десятков лет противостоявшие старым порядкам, не были, да и не могли быть, заурядными разбойниками. Они были предвестниками; они первыми вонзили топор в громадный ствол феодального древа; они допустили только одну ошибку, вожделев свободу через насилие, свободу, проблеск которой лишь мерцает перед нами после стольких лет борьбы и которую, как мы верим, завоюют всю без остатка наши сыновья благодаря своей мудрости.

В те времена, когда произошла наша история, флибустьеры пребывали в расцвете своего могущества; они царствовали как хозяева, и не только на просторах Атлантики: их грозные корабли часто бороздили воды Тихого океана и несли разруху, беды и смерть богатым и многочисленным испанским факториям.

Король Людовик XIV, этот гордый и спесивый монарх, за два года до того официально признал Союз буканьеров; он же и узаконил таковое признание, назначив губернатора, обязанного отчислять ему, его королевскому величеству, десятую долю трофеев; сей губернатор, господин д'Ожерон, нормандский дворянин, больше пятнадцати лет прожил среди буканьеров, и те почитали и любили его как отца родного. Он заложил свою резиденцию и правительство, как шутя говорили Береговые братья, в Пор-де-Пэ, Леогане и Пор-Марго и поочередно жил то в одном из этих городов, то в другом – по обстоятельствам.

Но правительство господина д'Ожерона было скорее условным и номинальным, чем настоящим – действующим, хотя, по сути, оно, безусловно, существовало как таковое и обладало властью.

Сей досточтимый дворянин в свое время и сам побывал в шкуре флибустьера и, соответственно, знал вверенную его подчинению братию как облупленную – то есть с какого сорта скитальцами ему приходится иметь дело. На глубоком познании флибустьерских нравов он и строил свое поведение, давая своим подчиненным полную свободу действий и вмешиваясь в их дела только по их же просьбе; словом, он старался по возможности не выпячивать официальный статус, коим наделил его король, и выступать перед своими «подопечными» лишь в качестве друга, доброго советчика и защитника. Единственное – он премного пекся о том, чтобы поддерживать тесные связи со всеми именитейшими предводителями флибустьеров, – с их помощью он держал в узде остальных, всегда имея возможность управлять ими так, что они о том и не подозревали, а ежели и догадывались, то первыми же над собой и потешались, причем от души, признавая такую политику ловкой и радуясь тому, что в губернаторах у них человек ушлый, им не чета.

Колония занимала, как мы уже говорили, больше половины острова Санто-Доминго: она простиралась на территории от мыса Лобос на юге до мыса Самана на северо-западе. На этой обширной территории располагались живописные саванны, орошаемые полноводными реками, весьма пригодными для торговых связей; берега же острова до мыса Тибюрон обрамляли гавани, где могли и по-прежнему могут укрыться целые флотилии; а два прибрежных

²⁸ Имеется в виду год начала Великой французской революции (1789–1794).

островка по несколько лье в окружности – Ла-Ваш, к востоку от Санто-Доминго, и Тортуга, к северо-западу, колыбель флибустьеров, – служили приложением к этой великолепной колонии. К числу самых красивых и богатых городов французской части острова можно отнести Пор-Марго, Пор-де-Пэ и Леоган.

Накануне того самого дня, с которого мы поведем дальше наш рассказ, импровизированная эскадра господина де Лартига, состоявшая из кораблей «Непоколебимый» и «Сантьяго» и трехмачтового судна «Петух», вошла на рейд Леогана и стала в одну линию аккуратно напротив города среди десятка-другого флибустьерских судов разных типов и разной же величины – от пятидесятивесельной пироги до пятидесятипушечного фрегата; и все эти корабли, за редким исключением, само собой разумеется, были испанской постройки.

Было около полудня. За столиком при входе в знаменитую в ту пору таверну «Сорванный якорь» сидели двое за кувшином вина; покуривая трубки, эти двое, оказавшиеся на поверку нашими старыми знакомыми – Олоне и Питрианом, с любопытством наблюдали развернувшуюся перед их взором картину.

В самом деле, не было более необычного и странного зрелища для новоприбывших из Европы и только-только высадившихся на берег, чем пестрая толпа, бесконечно снующая туда-сюда перед глазами. Даже у Калло²⁹, под кончиком его искусного карандаша, никогда не рождались столь живописные типажи сумасбродных личностей и разномастных искателей приключений.

Одни, облаченные в немыслимые, вычурно-роскошные и оттого почти нелепые наряды, расшитые золотом и драгоценными камнями, в фетровых шляпах, украшенных пышными султанами и причудливыми плетенками вокруг тулий, с тяжеленными бриллиантовыми ожерельями на шее, горделиво выхаживали, покуривая крошечные трубки, в сопровождении разодетых в сверкающие ливреи слуг с длиннющими рапирами на поясе; другие, в грязном рубище – ибо местная публика бросалась из одной крайности в другую, – прикрытые, что называется, воздухом, ступали не менее гордо и величаво и, случалось, заговаривали как равные с богато выряженными буканьерами, которым, возможно уже завтра, после того как сегодня они проиграются в пух и прах, будет суждено облачиться в те же неприглядные лохмотья; были там и всадники, восседавшие на полудиких лошадях, гарцевавших посреди толпы под дробный стук собственных копыт; и обворожительные креолки, томно возлежавшие на паланкинах, покоящихся на плечах полунагих рабов, обожженных солнцем и похожих на скелеты, до того ужасающей была их худоба. Этими горемыками были испанцы, плененные либо на своих кораблях, либо на суше во время очередной карательной экспедиции флибустьерской братии.

Добавим к вышеописанным персонажам вечно голодных работников с пугливо-мрачным взглядом, за которыми неизменно плетутся три-четыре злобных гончих пса – такими буканьеры обычно травили диких буйволов, – уличных торговцев и, наконец, прочих причудливо-разношерстных личностей различных сословий и оттенков кожи.

– Все равно, – вдруг убежденно воскликнул Питриан, – я ни капельки не жалею, что пустился в это плавание! Верно говорили люди, Большая земля – страна необыкновенная!

– Да уж, – равнодушно вторил ему Олоне, – и впрямь самая что ни на есть необыкновенная.

– И попали мы сюда не самым обыкновенным образом.

– Так-то так! Только вот капитану Гишару не повезло!

– Эх, что проку горевать! Жизнь коротка, и надо спешить наслаждаться ею! Какого черта нам приказали явиться к часу в губернаторство?

– Я знаю не больше твоего, да и какая разница зачем?

²⁹ Жак Калло (1592–1635) – французский художник-маньерист. С детства проявлял страсть к рисованию, стремясь изобразить все, что видел на улице.

– Гм! Мой принцип – никогда не доверяй тому, чего не знаешь. А тебе-то вон как подфартило – сам знаменитый Дрейф водит с тобой дружбу.

– И он же, по всему виду, завтра купит меня на торгах.

– Купит – тебя?

– Ну да! Или ты забыл, что лет пять нам еще предстоит набираться ума-разума, прежде чем нас примут в буканьеры?

– Со мной, по крайней мере, все ясно, хоть я нынче и старший помощник капитана «Петуха», а с тобой – ведь ты же как-никак капитан?

– Дорогой Питриан, заруби ты себе на носу: из-за нас с тобой закон никто менять не будет, а там все оговорено четко, и мы это знали еще до того, как поступили на судно, разве нет?

– К сожалению, да.

– Ну вот, так что нам остается только подчиняться.

– Уж больно все это круто, черт возьми! Но раз надо, значит надо. Несколько лет неволи – сущие пустяки.

– Скоро узнаешь. Однако скажи-ка мне лучше, дружище, куда это господин д'Ожерон препроводил нашего пассажира, после того как он давеча вечером сошел на берег? Я-то покинуть судно не мог, понятно...

– А что именно ты хочешь знать? Это же проще пареной репы, как выражается твой приятель Дрейф. Видишь вон там, справа, крепость, что охраняет вход на рейд?

– Конечно! А рядом, в полусотне шагов от земляной насыпи, милый такой домишко с плоской крышей, видишь?

– Да, вижу.

– Так вот, дружище, там-то и остановился на время твой герцог де Ла Торре. Я сам видал, как он въезжал туда со всем своим скарбом.

– Спасибо, Питриан! – обрадовался Олоне. – Пойду-ка я... – прибавил он, собираясь встать.

– Нет, ты останешься, дружище, – возразил Питриан, удерживая его за рукав.

– С чего это вдруг?

– Тому есть две причины: первая – через четверть часа нам надлежит явиться в губернаторство; вторая – господина де Ла Торре с семейством нет на месте. Они обедают у господина д'Ожерона.

– Ты точно знаешь?

– Если говорю, значит знаю. Да и вообще, я хоть раз тебя обманывал?

– Верно. Прости! – молвил Олоне, усаживаясь обратно.

Питриан наполнил стаканы. И в тот миг, когда взял свой, чтобы чокнуться с другом, на его руку легла чья-то ладонь и чей-то удалой голос прогремел у него над самым ухом:

– Эй, Баклан, еще один стакан сюда! Да поживей, дружок, мы торопимся!

Слуга, откликаясь на свое не шибко благозвучное прозвище, хотя сам он поразительно смахивал на означенную птицу, чем его, безусловно, и заслужил, поспешил исполнить заказ.

– Капитан Дрейф! – воскликнул Питриан с радостным удивлением.

– Собственной персоной, и к вашим услугам, господа. Вот и славно, благодарствую, Баклан. Плесните-ка и мне, старпом. Ваше здоровье, господа!

И он пригубил из своего стакана с видом истинного знатока.

Все это было сказано, проделано и завершено с такой быстротой, что двое наших моряков и глазом не успели моргнуть, не говоря о том, чтобы оправиться от удивления.

– Какой счастливый случай привел вас сюда, капитан? – осведомился Олоне, машинально протягивая ему руку.

– Случай тут ни при чем, – откликнулся Дрейф, улыбаясь и горячо сжимая руку молодого человека в своей. – А пришел я по делу.

– Сюда? – рассмеялся Олоне.

– Тысяча чертей, а куда же еще? Насколько мне известно, вас обоих вызвали в губернаторство, а попасть туда можно только одной дорогой: через «Сорванный якорь» – догадаться было нетрудно. И, как видите, я не ошибся!

– Прямо в точку. Еще вина, капитан! А после, с вашего позволения, мы двинем дальше. Время поджигает.

– Что ж, давайте еще по стаканчику! А что до «двинем дальше», успеется – мне нужно сказать вам пару слов.

– Да хоть две пары, ежели угодно. Я к вашим услугам, капитан.

– Благодарю, любезный друг. Итак, во-первых, почему вас кличут Питрианом? – спросил Дрейф, обращаясь к матросу.

– Меня?.. – удивился тот.

– Да, вас.

– Ну... потому что это мое имя.

– Вы в этом уверены?

– Э-э, ну-у... надо же, да ведь оно не такое уж плохое! У нас в роду всех зовут-величают Питрианами, так уж повелось, от отца к сыну. И отца моего, и брата...

– У вас есть брат? – прервал его буканьер.

– Двое, ежели считать меня. То есть нет, ошибка вышла – один. В общем, я и сам не знаю, что плету. Хотя братец-то мой, верно, уж помер; он был на десять лет старше меня. Да я его почти и не знал. Он подался в матросы, когда я еще под стол пешком ходил; с тех пор о нем больше ничего и не слыхал. Так что помер он, это уж как пить дать.

– Он жив. Он один из наших братьев, самых лучших. Вот два дня назад как из плавания вернулся; я предупредил его, так что нынче же с ним и свидитесь.

– С моим братом! Родным моим братом! – со слезами на глазах воскликнул Питриан. – Боже правый! А вы не врете, капитан? Это истинная правда?

– Каково! – сурово бросил буканьер.

– Простите, капитан! Язык мой – враг мой! Я только хотел сказать... О, мой брат! Бедный мой брат!

И, не сдержавшись, славный малый залился слезами.

– Поплачь, дружок, может, полегчает.

– Эх-эх-э... бедный братец!

– А теперь между нами, Олоне, – продолжал буканьер, – стало быть, все, что вы мне говорили, правда?

– О чем это вы, капитан?

– О той истории, которую вы мне рассказали.

– Увы, капитан, истинная правда – все-все. Как видите, у меня даже имени нет.

– Может, потому, что оно вам без надобности? – глухо заметил Дрейф. И тут же весело прибавил: – Впрочем, разговор сейчас не об этом. А мы с вами земляки.

– Значит, вы родом из Ле-Сабль-д'Олона, капитан? – удивился Олоне.

– Почти, из соседних краев – а стало быть, земляки. Я видал вас в деле и могу сказать – вы настоящий мужчина. Я не запросто схожусь с людьми, зато к вам, чувствую, меня отчего-то тянет.

– Видит Бог, капитан, и меня к вам! Вы мне по нраву, чего уж тут скрывать.

– А ничего скрывать и не надо, тем паче, сказать по правде, я полюбил вас всем сердцем.

Что думаете делать?

– Хотел бы остаться здесь.

– И кто же вам мешает?

– Никто, – проговорил Олоне, краснея.

– Так-так, да у вас, как я погляжу, есть тайна! Что ж, держите ее при себе. Мы покуда еще не очень хорошо знаем друг дружку, а потому допытываться не стану. Готовы присоединиться к нам?

– Да, что бы там ни случилось.

– Ладно, а неволи боитесь? – с лукавой усмешкой спросил Дрейф.

– Только одного я боюсь, капитан, – твердо сказал Олоне.

– Чего же?

– Не заслужить имени, которого мне недостает.

– Молодец, приятель, хвалю за честность и в случае надобности помогу вам с этим.

– Спасибо, капитан. Ловлю на слове.

– Да ради бога! Теперь оно ваше, раз я его вам дал.

И они пожали друг другу руки.

– Ну так что, Питриан, закончил разводить сырость? – продолжал капитан, обращаясь к матросу. – Пора идти.

– Больше не буду, капитан, – отвечал тот, утирая глаза. – Ключи чего-то припекло, да добрый ликень меня здорово освежил. Бедный мой брат!

– И вы с нами, капитан? – спросил Олоне.

– Конечно! Ради этого я сюда и притащился. Так мы идем?

От таверны «Сорванный якорь» до губернаторства, как прозвали дом господина д'Ожерона, было рукой подать – трое моряков одолели весь путь за каких-нибудь десять минут.

– Вот и прибыли, – радостно заметил Дрейф, останавливаясь возле дверей. – Да что это с вами? – спросил он, обращаясь к Олоне. – На вас лица нет. Ишь бледный какой – никак заболели?

– Честно признаться, капитан, у меня сердце так и колотится в груди – уж лучше не смейтесь, пожалуйста. Я понятия не имею, чего им от меня нужно. Это и тревожит меня, тем более что я даже не знаю, что и сказать.

– Вот тебе раз! – расхохотался буканьер. – А может, вам на голову возложат венок из цветов?

– Будет вам! Все шутите! – невесело проговорил Олоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.